

АНДРЕЙ ЖУРКОВИЧ

ПО ЗОВУ РОДА

Эта история об одном необычном парне. Ему не посчастливилось родиться богатырём, купецким сыном или хотя бы статным красавцем. Казимир — сирота, жизнь которого всегда висит на волоске. Каждый его день наполнен оплеухами, тумаками, обидами и несправедливостью. Он не стремится снискать величия или разбогатеть, обзавестись женой или даже собственным домом. Казимир — молодой ведун, который обладает редким и весьма сомнительным даром, — нутром чувствовать опасность. Парень слышит «зов» и не может ему сопротивляться.

Глава 1. Пришедшие из тумана

Околица утопала во мраке, и даже редкие отблески домашних очагов не разгоняли тьму, клубящуюся у её подножия. Пели сверчки, истошно и заунывно, силясь перекричать друг дружку, словно не веря, что солнце село. Вот со стороны леса послышался хруст, надломилась сухая ветка. Быть может, кто-то на неё наступил? Зверь? Э-э-э, нет, они осторожные. Лихой человек? Снова мимо. Какой дурак будет бродить за частоколом впотьмах, рискуя повстречаться с нечистью? Уж ежели и грабить, то при свете дня и не здесь, а где-нибудь в дороге. Сверчки смолкли, когда очередная ветка с оглушительным треском надломилась, только что эхо не оставив.

И снова тихо. И те, что застыли внутри селения, и те, что прудятся снаружи, замерли, ловя малейшие дуновения ветерка. Они верно знали о том, что ждут друг друга. Только одни пришли охотиться, а другие, перебарывая стынущую в жилах кровь, приготовились сопротивляться. Туманная дымка медленно напозала с востока от топей, в которые и при свете дня-то не каждый смел соваться. В тусклом лунном свете испарения казались желтоватыми и до того густыми, что стелящийся по земле ковер был непроглядным. В такой куда там ступать, мимо пройти страшно. Словно в подтверждение неясной пока угрозы с болот донеслось утробное бульканье, а может, заунывный гогот. Чавкающие звуки угасли, но прорванная, застывшая в ожидании нового ужаса тишина, звенела от возмущения.

Они восстали одновременно. Четыре черные, темнее ночи фигуры, сторбившиеся под гнетом прожитых лет. Спины — колесом, только зубцы хребтов торчат, прорывая могильные саваны. Руки больше похожие на косы, беспокойно шарят в тумане, позвякивая острыми подобно стали когтями. Ног — как нет, не ступают, а волочатся, что змеи, из стороны в сторону покачиваясь. Остроносые, вытянутые по-волчьи морды, токмо раза эдак в четыре длиннее. Клыков не видать, но каждый знает, что зубы там, что пила — рванет раз, и поминай как звали. И всё-таки, самое страшное их глаза — зеленые точки, светящиеся во мраке. В них уже давно не было чувств и эмоций, чаяний и желаний, горестей и радостей. Так не смотрит живое. Это даже не взгляд хищника. Отстраненное холодное вечно голодное нечто. Зияющая пропасть на том месте, где когда-то давно теплилась душа.

Кикиморы медленно подползли к частоколу, осматривая околицу. Пахнет человеком, ох и пахнет. Аж зубы сводит от желания впиться в свежую плоть. Принимаются, сопят, да тихо-тихо пощелкивают челюстями. Голодные. Совсем осмелели.

Тихо хлопнула калитка. Одинокие, чуть шаркающие шаги огласили округу. Четыре остромордые головы хищно вытянулись на совиных шеях, неестественно выкручиваясь то в одну, то в другую сторону. Зафырчали, поклацывая. Меж тем, шаркающие звуки приближались: «шик-шик», передышка, «шик-шик». Подле ворот неизвестный остановился, завозился. Тяжёлый засов со стоном отодвинулся в сторону, ворота распахнулись. Шагая тяжело, то и дело охая, за околицу вышел мужичок. Вроде еще не дряхлый, но в летах. Дышал он тяжело, ни то от усталости, ни то от страха, но виду не подавал, что перетрусил. Вышел, значит, на открытое место и застыл, что твой идол. В руке подрагивает пламя горящей лучинки. Пот со лба смахнул, да и молвил вдруг:

— Старый я стал... Силы с каждым днем годы утягивают. Не хочу я так, чтоб за печкой, как трухлявый пенёк, все соки отдать. Все дружки уже там, один я остался. — Он замер, с прищуром оглядываясь по сторонам. — Что встали? Берите, покамест не передумал!

Ему ответили не сразу. Мгновение-другое, шипящий сумрак разглядывал жертву, словно, не веря в успех. Четыре кикиморы явились из тьмы прямо перед ним, вырастая из болотного марева, которое к тому времени подступило вплотную к частоколу. Выползли и зыркают, носами подергивая. Мужичок смотрел-смотрел на это, да вдруг и выпалил:

— Не хотите? Ну и катитесь! Сам что-нибудь придумаю.

И с этими словами развернулся, уходя прочь. Раздался рык, да такой, что иной бы тотчас драпанул, только пятки сверкают. Во мраке ночи сверкнули полнящиеся плотоядного желания глазищи, поблёскивая в напряжённом ожидании. Кикимора метнулась к уходящей добыче, замахаясь рукой-косой для удара, как вдруг мужик развернулся. Движение было настолько же внезапным, сколь отчаянным. Резко скакнув навстречу острозубой смерти, селянин выхватил из-за пазухи аршинный прут и от души стеганул прямо по морде кикиморы. Ох и вой тут поднялся! Вопила кикимора знатно и не столько от неожиданности, сколько от боли. Тотчас еще две ринулись в бой. Смести, настигнуть, разорвать! Да не тут-то было, даром опытный мечник, мужичок крест на крест залепил парой выпадов по их хищным мордам.

Плоть болотных тварей вспенилась, распадаясь в месте удара. Шипение и клекот всколыхнули спертый воздух, когда всем скопом они бросились на столь наглую добычу. Чёрные тени пронзили густой туман, шелестя чешуёй. Не собираясь испытывать судьбу, мужичок метнулся к воротам, из которых в мгновение ока повыскакивали шестеро его дружков. Ни топоров, ни мечей. Ни к чему они. У каждого в руке по пруту можжевельника. Тут уж кикимор и след простыл — растворились на ровном месте, словно и не приходили! Но селяне были тёртыми жизнью в болотном краю, обмануть себя не дали. Каждый знал, что так просто теперь кикиморы не уйдут. Словно ожила вся околица, размахивая ведрами, заработали до поры прятавшиеся там ребятня, да бабоньки. А из ведер тех наземь сыпалась зола да так щедро, что пустого места перед воротами не оставалось. Поднявшийся ветер окутал кикимор пепельным саваном, являя вновь. Селяне снова их видели.

Кикиморы металась из стороны в сторону, когда уже в пору было тикать. Четыре клубящиеся во мраке тени стали заметны даже во тьме, едва их влажных тел коснулась зола. Взвизгнули можжевеловые розги, да посыпались на спины стенающих, ревущих от боли и удивления кикимор. Нечестивая плоть пластами разлеталась от ударов, исторгая облачка омерзительных испарений.

Одна тварь все же успела добраться до жертвы. Скользнув вперёд, прижимаясь к земле, укрываемая туманом, она вынырнула прямо под ногами самого рьяного из молодцев, тотчас жадно вгрызаясь ему в бедро. Парень взвыл от боли, и что было мочи принялся хлестать проклятую, да поздно. Жуткие челюсти, начиненные доброй сотней острых, словно пила зубцов, в момент лишили его ноги, а затем и руки. Правда и кикимора пережила молодца не шибко дольше. Прилетевшее со стены копьё, насквозь пробило тщедушную полуразложившуюся грудную клетку, пригвозждая тварь к земле. Подоспевшие товарищи в миг развалили ударами можжевеловых розг распростертое и извивающееся тело.

Когда тишина вновь вернулась, перед уже закрытыми воротами селения клубился черным дымом наспех справленный костер. Огонь жадно пожирал то и дело шелкающие старые кости, коим судьба выпала быть непогребенными. Их хозяева давно шагнули за край, иные были вытолкнуты злобным роком. Вся сила еще недавно грозных порождений запретных чар или дурной воли теперь ушла, оставив после себя лишь косточки, да ветхое

тряпье.

Народ, как ветром сдуло. Не было тех, кто по глупости или любопытству остался бы понаблюдать за костром, в котором сгорали кикиморы. Лишь одна фигура застыла на внутреннем кольце частокола, кутаясь в выцветший дорожный плащ. Парень, лет восемнадцати не боле, неотрывно смотрел в огонь, то и дело одергивая плечами. Его правая нога тряслась и вовсе безостановочно. Горячка недавнего боя никак не могла уняться. Сейчас идти бы спать, верно уж — дело сделано. Но он отчего-то не шел, словно зарок себе дал, досмотреть за развоплощением тварей до самого конца, хоть и было уже трижды все кончено.

У него были хрупкие плечи и тонкие, даже слегка женственные черты лица. Узкие синеватые губы, широко посаженные серые, как сталь глаза, чуть вздернутый курносый нос. Белые ни то выцветшие, ни то седые патлы, соломенным стогом раскинулись окрест головы. Он вздрагивал от каждого дуновения ветерка, то и дело доставая из-под плаща ладони, чтобы на них подышать. Стояла теплая ночь червень месяца, а странный парень отчего-то мерз. Хотя на такого глянешь, сразу видно — малахольный, болезненный весь какой-то, щуплый, такого не то что дубиной огреть, дохнуть — гляди, зашибет.

А между тем, парень не уходил. Его взгляд буравил пламя, задумчиво, мечтательно. Украдкой обернувшись, он втянул плечи, словно чего-то испугался, а затем просунул руку за пазуху. Нащупав некий предмет, мужчина замер. Он не решался его достать, но любопытство оказалось сильнее. Нога снова нервозно застучала по дощатому настилу. Сжатый кулак выпорхнул наружу, пальцы разжались. Парень уставился на свою находку, жадно изучая добытый трофей. На его ладони лежал коготь кикиморы.

«Зачем я его взял? — мелькнуло в голове молодого ведуна. — Селяки увидят, не поймут. Скажут, не ты ль на нас напасть-то и навлёк, собиратель погани? Выброшу, — твердо решил он, но подойдя к краю частокола, так и не замахнулся для броска. — А по что я стану перед кем объясняться? Они ж меня не спрашивают, как зелья варить, да коней заговаривать. Взял — значит надо и весь тут вам сказ!».

Однако в мыслях храбриться, то одно, а вот ляпни такое наставнику, палкой промеж лопаток не отделаешься. Казимир никогда не отличался особой отвагой, но больше всего на белом светел боялся своего учителя, ведуна с говорящим именем Огнедар. Огнедар был стар, он уже разменял седьмой десяток, и минувшие годы согнули его некогда могучую спину. Кроме того, он уж лет десять как не ходил. Странная хворь, что его разбила, не поддавалась лечению, хотя чем именно себя пытался исцелить наставник, Казимир не знал.

«Яйца курицу не учат, щенок ты сиволапый! — говаривал Огнедар, когда ученик лез к нему с расспросами. — Вчера еще штаны сам не мог подвязать, а теперь, глядите-ка, батьку лечить удумал. А вот этого нюхнуть не желаешь, али забыл, как пахнет?» — рычал ведун, суя под нос ученика внушительных размеров кулак.

Рука решительно вернулась за пазуху, оставляя коготь кикиморы до лучших времен. Казимир попросту не мог позволить себе расстаться с такой драгоценностью. Он вообще не был похож на других, особенно на сверстников. Будучи сиротой, ему бы поскорее найти какую девушку, такую же как он пропащую, вестимо, да детишек строгать. Понятное дело, что справную бабу при семье да хорошем приданом за него никто не отдаст. Но бывают же всякие... Криворукие, к примеру, али ещё какие убогие. Надо, надо было о семействе да дитятках думать! Так ведь глядишь, когда сынки да дочки народятся, ему подспорой и станут. Одному-то оно как жить? Вот заболел ты часом, иль того хуже, хватанул тебя в лесу

волк за ногу, и что тогда? Кто тебе будет жратву варить, да воду носить? Кто избу натопит? Да что там натопит, кто дров-то сvezёт, да наколет? Леший? Староста? То-то и оно, что никто. Даже ежели друзья там, соседи особливо душевные, может, и подкинут чего, да токмо никому не нужен такой бобыль безродный под боком.

Хотя, говоря по чести, друзей у Казимира, как и семьи не было. Сторонились его поначалу лишь взрослые, а потом и деток своих от якшанья с ним отучали. Детки выросли, да и привыкали к тому, мол, Казимирка — изгой и странный. А коли кто странный да непонятный, самое лучшее — держаться подальше. Так уж сложилось, что доля ему выдалась чёрствая да худосочная. Когда еще мальчонкой его мамка нянчила, приключилась с их семейством беда. Батька с матушкой Казимира были лесорубами. Они вкалывали до седьмого пота, но свою долю уважали и, кажется, даже гордились ею. Поваленный лес на плоту сплавляли в Вантит, где местные его покупали, что называется, отрывая с руками. Казимиркин батька еще до ворот не успевал дойти, как того примечали тамошние купцы. Мужика знали, как доброго трудягу, а еще простачка, которому невдомёк, что на рыночной площади его дерево тотчас перепродадут вдвое дороже.

И вот, как-то раз по возвращению с очередного промысла, Казимиркин батька то и забух. То ли прочухал, что дурят его, то ли весёлость обуяла не к месту и не в меру. Наклюкался он хмельного мёду так, что едва стоять на ногах мог. А на плоту жена с сынишкой двухлетним дожидаются. Жинка, правда, по словам тех, кто семейку в последний раз видел, еще на пристани задала такого дрозда муженьку, говаривали едва ли не топорщиком огуляла.

В общем поплыли бедолаги домой, разругавшись, да при одуревшем гребце. Только их и видели. К деревне вернулся пустой плот. Верней сказать, пустым его токмо поначалу приняли, а как на берег вытянули, глядь, мальчонок лежит, свернувшись калачиком и спит. Едва не задавили беднягу, между тюков прикорнувшего. Ох и странно то было, ежели не сказать больше. В том месте течение реки Вороной уходило на юг, так вот плот оттудова, стало быть, и причалил. А как такое возможно без гребцов-то чтобы супротив течения? А никак, вот что!

Когда первоначальная радость, что хоть дитяtko от семейства целого не сгинуло, поулеглась, завязались чудные разговорчики. Одни говаривали, что плот за собой речной кнес налим тянул. Другие, мол, то дело рук русалок, кои пожалели дитяtko малое. Ну, а кто-то, вестимо с перепугу, напридумывал, якобы то и не мальчик вовсе, а подкидыш нелюди. Особо ретивые тогда кумекали, не спалить ли горемычного отрока, покуда никто под собой не приютил. Тут-то Огнедар и решил козявочку себе в дом взять.

— Ишь, вы какие, — рявкнул он тогда на бубнящих, ни то с перепугу, ни то с дуру, селян. — Додумались, мальчика чудом выжившего, обидеть? Я вам так обижу, холуи мордозадые! Еще раз кто при мне али без меня вякнет, что малец нечисть, я вам в раз калитки-то порасшатаю, пентюхи лободырные!

Ведун-то и нынче в почете ходил, а двадцать лет тому назад еще и в силе знался. Мог не только словом, но и крепким тумакoм любого уму разуму обучить. Так и стал жить Казимир у Огнедара, а уж его тягу и талант к ремеслу названного отца опoсля увидели.

Он так и простоял на стене, пока костры не стихли, отмирая, мигающими красными угольками глаз. Запах гари щекотал ноздри, а Казимир жадно вдыхал уходящий прочь дым, то и дело сдерживая кашель.

«Зачем ты здесь? — звучал в голове безвестный голос. — Отринь это, не лезь. На твой

век чудес хватит».

А он знал, что все тщетно. Не отговорить его никому, пусть даже тот голос и был свой собственный внутренний. Непонятная и неизмеримая по силе власть манила, заставляя раз за разом пытаться понять, как устроены те, что приходят в потёмках, выискивать их сильные и слабые стороны, присматриваться, принюхиваться, щупать, трогать.

Покуда ночь нехотя отпускала из своих сетей захмелевшую во сне явь, а небо светлело, Казимир ждал. Он еще с вечера знал, что не сможет спать нынче. А мир прозревал. Заливистыми песнями то тут, то там отзывались птицы. Они радовались яснеешему на глазах небу и новому дню. Воздух, как и все вокруг, казалось, замер в ожидании нового рождения. Каждый вдох пьянил свежестью и силой, разлитой над сущим. Казимир жадно втягивал его, а затем выдыхал с силой, будто выгоняя из тела остатки дыма с погребального костра кикимор. Вскоре начала кружиться голова, но он не останавливался, зачерпывая живительную силу просыпающегося мира алчными вдохами.

Первые лучи солнца коснулись верхушек раскидистых елей на востоке. Светила еще было не видать, но пламенеющие верхушки деревьев говорили о том, что оно-таки явилось. Казимир замороженно глядел на крошечную гусеницу, ползущую по частоколу. На её пути было множество преград: скользкое от росы дерево, сверкающая в первых утренних лучах паутина, зеленоватое пятно вязкой плесени. Тщедушное создание, извиваясь, толкало свое тело вперед вопреки всему и вся, стремясь к только ему известной цели.

Окрестности огласил скрипучий вопль первого петуха. Ему тотчас вторили со всех сторон другие, заливисто разгоняя последние остатки тревожной ночи. Застучали двери и ставни. То и дело раздавался плеск воды да топот десятков ног, разбуженных работников. С одной стороны стучали топоры, а с другой уже тянулся дымок от печных труб. Казимир ухмыльнулся, почувствовав запах каши и свежей выпечки. У кого-то поспедали блины к завтраку.

Соскочив со стены, он едва не упал, неуклюже поскользнувшись на влажном от росы камне. Проходивший мимо мужичок, заметив это, лишь сплюнул под ноги.

«Жаль не убился, — подумал тот, покосившись на странного парня. — И в чем жизнь держится? Ни свет, ни заря уже ходит-бродит куда-то».

Казимир проводил его равнодушным взглядом. Он давно привык к подобному отношению, став тем, кого терпят лишь по воле его наставника. Конечно, когда-то было неприятно, не по себе. Мальчик не понимал, отчего, а главное за что, его не берут к себе в игры сверстники, почему соседские матушки не угощают его горячими караваем, а чужие отцы не берут с собой на рыбалку или по грибы. Ох и сколько же слёз было выплакано в бессильных потугах уяснить, за какие такие злодеяния на нём лежит клеймо изгоя, кое не видит только лишь он сам.

Те времена давно прошли. С возрастом молодой ученик ведуна начал извлекать прок из своего положения. Его часто били, и он научился быть ловким и быстрым, чтобы вовремя удрать. Его не любили за даром, и он очень рано познал цену истинному добру. От него старались отделаться, а он научился пользоваться всеми благами одиночества. Ходил там, где другим было боязно, слышал то, что иные не слышат, видел то, что прочие не замечают. Порой Казимир напоминал тень, блёккую и тусклую, что движется по земле неприметная для сторонних глаз.

Дождавшись, пока половина деревни проснётся, он вернулся к дому, где жил с Огнедаром. Старик любил выспаться как следует, а потому у парня было еще достаточно

времени, покуда тот примется доставать своим скрипением. Пройдя на задний дворик за избу, Казимир снял два высушенных на солнце веника, придирчиво их изучая. Осторожно и даже бережно поочередно извлекая из них стебли, он соорудил метелку, которую туго перетянул конопляной веревкой. Получилось нечто отдаленно напоминающее факел. Руки хорошо знали своё дело, но молодой ведун не спешил. Он никогда не делал ничего впопыхах. Повозившись с кресалом и кремнем, ему удалось высечь добрый сноп искр, воспламенивший веник из зверобоя и чертополоха. Надув щеки, ведун медленно дохнул на пляшущий огонек, раздувая его. Когда пламя стало угрожать сжевать его веник до срока, Казимир взмахнул им, сбивая огонь. Тончайшие струйки сладковатого дыма потянулись к небу.

Парень медленно побрел вдоль избушек, с важностью и значением обходя кругом каждый дом. На него все так же поглядывали кто с недовольством, кто с презрением, но высказаться так никто и не пожелал. А Казимир шагал себе, глядя на всех ни то с усмешкой, ни то с вызовом и бормотал:

*Я шепчу, топчу, кричу,
Брысь, ночные дети!
Взвоят гром, коль захочу,
Молний грянут плети.
Добрый дом, горяч очаг,
Вы сидите тихо!
Черствый хлеб, гнилой сорняк,
Унесёт зайчиха.
Дым над крышами клубись,
Раскрывайте ставни!
Солнца лику преклонись,
Утро будет славным!*

Когда молодой ведун обошел все до последнего дома, его тлеющий веник уже едва торчал из сжатого кулака. Парень вновь сунул руку за пазуху, касаясь своей ночной находки. Коготь лежал на месте. Осмотревшись и заключив, что никого поблизости нет, кто бы приметил, куда он направится, Казимир развернулся и зашагал к лесу.

Глава 2. Суровый рок

Он шёл долго, хоть и не далече. Мягко ступая с кочки на кочку, словно путая следы, Казимир брёл знакомыми тропинками, углубляясь в чащу. Лапы папоротника местами доходили до пояса, образуя непроглядный подлесок. С ветки на ветку прыгали молодые совсем еще крошечные белки. Они весело суетились, на лету подхватывая раскрывшиеся сосновые шишки. Их задорному пощёлкиванию вторил стук проснувшегося дятла. Сноровистый лесной плотник уже вовсю трудился, старательно выковыривая из-под коры личинок.

Казимир любил бывать в родном бору. Он привык к одиночеству, но тут невольно чувствовал единение с лесными обитателями. Здесь всё жило своей собственной жизнью, независимо и вопреки прочим. Опустив ладонь, молодой ведун осторожно касался стеблей трав кончиками пальцев, будто ласкал. Порой он закрывал глаза, всецело отдаваясь чарующей неге, погружаясь в мир шепчущих на ветру ветвей. Лишь на краткий миг, но ему нравилось растворяться в благоухании особого лесного аромата. В такие моменты пытливый ум силился сбросить смертную оболочку, чтобы унести далеко-далеко, за пределы возможностей и даже самого сознания.

В стороне послышался хруст и пофыркивание. Статный сохатый выступил вперед, поднимая громадные кустистые рога, напоминающие застывший росчерк молнии. Глядя на вторгшегося в его лесной простор человека, лось изучал того большим глазом, а затем едва заметно склонил голову. Казимир остановился и поклонился в ответ. Сохатый повёл носом, будто собираясь удостовериться в том, достоин ли его гость снисхождения. Нет, никакой опасности. Причмокивая, лось пережёвывал подхваченный губами подберёзовик. Потеряв интерес к человеку, он опустил голову, чтобы сорвать ещё один гриб. Казимир же двинулся в путь, стараясь не беспокоить без нужды хозяина чащобы.

Лес сгущался, становясь всё более непроходимым. То и дело попадались замшелые валуны, на которые Казимир даже не пытался взбираться. Ещё не хватало шею свернуть. Обходить же порой было не просто: с одной стороны ёлки стоят, что твой частокол, с другой болотце. И вроде лужи-то пустяковые, но Казимир знал, что угоди в такую даже одной ногой, и хлопот не оберёшься. Уж больно почва в торфянике податливая и коварная. Хотя за то он её и полюбил. Сюда мало кто хаживал, разве что бывалые хозяйки в годах совались по клюкву, да и то не забредали далече.

Пройдя еще с версту, Казимир вышел к небольшому поросшему тростником лесному озеру. Тёмная и мутная вода была непроглядной даже у самого берега, ладонь опусти — не увидишь. Корни деревьев на обрывистом склоне уходили в водную гладь, словно опутывая озеро крепкими и цепкими объятиями.

«Плохая вода там, мёртвая, — говорили в деревне. — Не то, что пить, даже закупнуться опасно».

Казимир опустился на колени, зачерпнув пригоршню, и с наслаждением принялся глотать. Вода струилась по его щекам и жиденькой бородёнке, а он наполнял ладони снова и снова. Напившись, ведун растёр лицо, довольно фыркая, и поднялся. С другой стороны озера из камышей послышалось недовольное гаканье, внезапный пришелец потревожил семейство уток, которое недавно обзавелось прибавком. Мамаша, величаво загребая перепончатыми лапами, выплыла меж стеблей торчащей из воды травы, чтобы рассмотреть того, кто

нарушил их утренний покой. Казимир поднял над головой руку, раскрытой ладонью навстречу птице. Утка недоверчиво крикнула в ответ, всем своим видом показывая, что ни на миг не поверила в искренность намерений человека, но всё же убралась восвояси.

В центре озера был крошечный островок, на котором росли совсем тоненькие березки, утопающие в зарослях вереска. Пройдя вдоль берега, Казимир застыл подле ствола одной из сосен, черпающей массивными корнями тёмную озерную кровь. Войдя в воду по щиколотку, он встал спиной точно напротив ствола дерева, даже оглянувшись, чтобы проверить себя, и пошел. Ведун не смотрел под ноги или по сторонам, его взор был прикован к острову. Ноги послушно ступали выверенными шагами, каждый раз находя невидимую опору. Озеро действительно было опасным, даже опаснее болота. Торфяное дно обнимало стопу, едва та его касалась. Неверный шаг и ты провалишься в чёрную пропасть, которая не отпустит. Когда ил сомкнётся над головой, выхода наверх уже не сыщешь никогда. И всё-таки Казимир шёл вперед с непроницаемым выражением лица, и мускул не дрогнет. Он ли сам создал эту тропу или может отыскал, аль подслушал от кого? Поди ж знай.

Дойдя до островка, Казимир вошёл в пышные заросли вереска и присел, скрываясь в них с головой. Рука потянула верёвочное кольцо, которое нашлось в рыхлой земле. Крышка вкопанного в землю сундука послушно отворилась, являя содержимое. Здесь лежало несколько свёртков грубой ткани. Казимир бережно достал каждый, разворачивая и раскладывая вокруг себя. Это были его драгоценности. Клык оборотня, пожелтевший от времени, крупная чешуйка, принадлежавшая русалке, переливающееся на солнце перо из хвоста птицы гамаюн, пучок зеленоватых волос шишиги, высушенная кувшинка берегини, костяной перст упыря. Осмотрев каждый предмет, Казимир вынул из-за пазухи коготь кикиморы. Взвесив его в ладони, он довольно почмокал, уложив находку на свежую специально приготовленную тряпочку.

Кому-то могло показаться чудным собирать такие вещи. Ещё бы, зачем доброму человеку тянуться к тому, что оставляет после себя нечисть, разве что ради чего злого иль постыдного? Казимир же думал иначе. Рассеянно зевнув, он прикрыл глаза, только теперь сознавая, что очень устал после ночного бдения. Вреди ещё был длинный день, полный тяжелой работы, которая покажется стократ труднее, когда ты не отдохнул. И всё же хотелось задержаться ещё чуточку. Рядом с этим тайником Казимир любил проводить время не ради лишь созерцания. Тут хорошо думалось, а подумать было о чем.

Кикиморы могли по добру да по здорову жить с людьми, оставаясь незримыми для тех. Им вообще не было свойственно являться без нужды. Прикорми приятными мелочами, вроде горбушки хлеба и блюдца молока на ночь, следи за чистотой печи, вовремя выметая золу, да не давая скапливаться нагару сверх меры, и кикимора поселится в доме, да ещё и защищать его станет. Не будет хворей и бессонницы у домочадцев, уйдут разлады и ссоры меж супругами. Так что же случилось? Что вбило клин между добрыми соседями? Огнедар считал, что всему виной их собственная слабость.

— Поредели богатыри нынче, — сетовал он. — Некому на болота заявиться да навести порядок. Никто ж вас ерпылей не боится! — сотрясал воздух старый ведун, потрясая кулаком. — Где это видано, чтобы не ходили всей деревней хоть бы и соседским морду набить? Нет, с такими каши не сварить. Вы без мамки до ветру пойдёте, так и то пообгадитесь!

Казимир понимал, что в чём-то его наставник всё-таки прав. С нечистью всегда нужно держать ухо востро. Когда надо умасливать, потому как от каждой твари польза бывает. А

порой и на место ставить да пожёстче, чтобы на второй раз охоту отбить. Ежели нет чётко проведённой границы между шалостями и разбоем, то рано или поздно прольётся кровь.

Как не убеждал себя Казимир, что пока Огнедар жив — его слушаться положено, а всё никак не шли из души сомнения. Кикиморы хоть бы и трижды мёртвые, а все ж почто им так глупо нарываться? Эка невидаль, уже третью ночь приходили стращать селение. Нет, что-то здесь крылось куда более страшное и даже зловещее, чем непуганность да незадобренность. Нечисть вела себя так... будто что-то знала. Словно почувствовала волю и безнаказанность. Словно гнал её кто-то впереди себя, под себя брод проверяя.

Вдруг Казимир ощутил смутную тревогу. Ничего ещё мгновение назад не нарушало его забвения, но что-то переменялось. Мягкий и тёплый ветер теперь казался резким и колким. Казимир даже привстал, оглядевшись по сторонам. Берега озера оставались спокойны и пусты. Ветви сосен мерно покачивались, то и дело в камыше кряхтели жабы. Вроде спокойно всё, а сердце не на месте. Решительно собрав сокровища обратно в сундук, ведун на скорую руку замёл следы своего пребывания и отправился в обратную дорогу. С каждым шагом он двигался чуточку быстрее, в конце концов перейдя бег. Неясное предчувствие беды накрепко засело в голове, не допуская прочих мыслей. Он бежал без оглядки, прыгая с кочки на кочку, каждый раз норовя сверзнуться в болотину. Острые ветки нещадно хлестали по лицу, порой оставляя порезы, но Казимир их будто не замечал.

Выскочив к воротам поселения, он тотчас увидел взволнованную девицу по имени Анка. Та тоже его заметила, замахала руками, что-то крича. Казимир никак не мог расслышать, потому что уже изрядно запыхался, аж кровью стучало в ушах, но продолжал бежать.

— Где ж тебя носит? — донеслось, едва он приблизился. — Раска вот-вот разродится!

— Дело у меня было... — тяжело дыша, обронил Казимир, пробегая мимо, и тотчас получил звонкую затрещину.

— Какие у тебя дела могут быть, когда баба на сносях и что ни день то стонет, что уже вот-вот? — взревела Анка, бросаясь следом. — Гад ты, Казимирка! Баляба бледная, шлыдна позорная! Вся деревня с утра при деле, а он веником своим помахал и лежебочить в дубраву? — очередная хлёсткая оплеуха догнала затылок ведуна без всякой пощады. — Гляди, староста узнает, будешь до конца своей жизни непутёвой горшки ночные чистить!

Казимир не стал отвечать ни на одно из ругательств и обвинений. Никто его к роженице не привязывал, как и не платил за уход. Он находился в плену весьма незавидной доли. С одной стороны, местные не считали его себе ровней и самостоятельным ведуном, совершенно не питая причитающегося уважения. С другой же, наставник давно стал неходячим и уже не мог делать всё то, что положено знахарю. Вообще бабоньки и сами обычно справлялись, но ежели роды затягивались, или ребёнок шел ножками вперёд... тут без помощи ведуна не получится. Так и Раска уже давно не могла разродиться, хотя дни подошли.

Казимир то и дело слышал своё имя. Мимо мелькали знакомые угрюмые лица, кто-то костерил его по чём свет, кто-то просто махал руками подгоняя. Все уже были в курсе. Влетев в нужную избу, парень бухнулся на колени подле умывальника, наскоро счищая с ладоней и из-под ногтей остатки земли. Дверь распахнулась и ему предстал будущий отец ребенка, деревенский богатырь, могучий кузнец Третьяк. Казимир знал, что мужик он в общем-то незлобный и зря обижать не станет, но тот в раз сгрёб ведуна за шкуру, поднимая к уровню своих глаз.

— Тебя где носит? — прогудел тот басом, гневно и нетерпеливо.

— Травки собирал для настойки, чтоб потом отпаивать твою Раску, — выпалил Казимир первое, что пришло в голову.

— Иди давай, — буркнул в ответ богатырь, но всё же поставил парня на место. — Огнедар уже велел тебя в деревню не пущать, коли б опоздал!

Втянув голову в плечи, Казимир протиснулся мимо могучей груди Третьяка, чтобы из огня прыгнуть да в полымя. Огнедар поймал его взгляд, едва тот шмыгнул в комнату. Раска стояла на коленях на тряпке, которая уже была дюже мокрой, и тяжело дышала. Не дожидаясь, пока наставник раскроет рот, Казимир кинулся к роженице, на ходу отдавая ей же указания:

— Верно всё делаешь! Давай, как мы учили. Бери за руки. Во-о-о-т, так, а теперь на счет три я подталкиваю, а ты встаёшь. Готова?

— Угу-м, — сквозь зубы пропыхтела баба.

— Здорово! Ну, начали, раз, — он с усилием принялся толкать Раску от себя. — Два! — женщина выгнула позвоночник назад. — Три!

Бедняжка охнула, но всё же оказалась на корточках, слегка покачиваясь.

— Молодец, — подбадривал её Казимир. — Теперь дыши, глубоко дыши и каждым выдохом толкай ребёнушку. Давай, миленькая, давай!

Раска и без того красная, пыхтела, тяжко жмурясь. Пот заливал ей глаза, волосы слиплись, то и дело оказываясь на лице. Рубаха была уже вдрызг мокрой. Баба ритмично вздымала грудь на вдох, и с силой опускала на выдох. Вдруг она распахнула глаза и уставилась на Казимира так, будто не ждала его здесь увидеть.

— Небо черное, дожди из крови алой, пашни мёртвые, леса голодные! — прорычала Раска, сжимая ладони Казимира так, что ему сделалось больно.

— Что? — опешил ведун, не ожидая ничего подобного.

— Зверобой чахнет, полынь не нарождается, худо близится, изо трёх ртов землю пожирая, — прошептала Раска, вновь зажмуриваясь и делая глубокий вдох.

— Не говори ничего! — скомандовал Казимир, понимая, что роженица бредит от страха. — Дыши! Только дыши!

Она снова раскрыла глаза да так их выпучила, будто чудо чудное перед собой, а не Казимирку беднягу видела.

— Месяц красный дорожку прочерчивает, как косой саданёт и нет уж поляночек, нет домов, нет околиц, нет ни стен, ни башенок... — она вдруг замерла, и обмякнув пала в объятия Казимира, добавив: — Нет ничего, только чёрные пустые борозды.

Казимир пытался её поднять, тряс за плечи, а потом уж и просто хлестал по щекам. Раска не реагировала, она была без сознания. Ведун уж сам заместо неё трясся как листок на ветру, пытаясь достучаться до роженицы. Всё тщетно, девушка его не слышала. На голову опустился мощный удар. Из глаз полетели искры, а пол вдруг приблизился так, что коснулся лба. Казимир даже не сразу осознал, что лежит. Он потянулся рукой, чтобы коснуться свежей шишки, но замер, увидев собственную кисть. Ладонь была в крови. Казимир пытался подняться, но голова кружилась, руки не слушались, а ног как не было. Над ним кто-то гневно кричал. Яростно и безумно. А потом крик оборвался, перетекая в истошный, полный горя и боли вопль. Ведун снова попытался встать, не понимая ничего из того, что происходило вокруг, когда новый удар обрушился на его голову, лишая сознания. Чернота заполнила мир, в котором остались только широко раскрытые глаза Раски, которая что-то

кричала, но потом исчезла и она.

Сознание блуждало во мраке, беспросветного царства пустоты и забвения. Иногда казалось, что вот-вот проглянется луч света, указывающий путь наверх, но каждый раз надежды оказывались тщетными. Со временем торфяное болотное марево начало становиться жиже. Сквозь завесу тьмы проступали силуэты и отзвуки. Вот, чьей-то грубый голос вспыхнул спасительной свечой, но тотчас сгинул. Вот, лошадиное ржание донеслось откуда-то сверху, приглушённое, едва различимое, словно из другого мира или жизни. Вдруг Казимир понял, что окончательно проснулся, — вернулась боль и страх. Он вспомнил всё, что произошло в доме Третьяка.

«Та кровь на руках... Неужели это я... — разум отказывался верить в то, что хранили мысли. — Я же не мог... Не мог... Не мог я!».

— Не мог он, — посетовал знакомый, вечно недовольный голос. — Вот уж где правда, там и правда. Немощный ты у меня, бестолковый.

С видимым усилием разлепив, ставшие невероятно тяжёлыми веки, Казимир уставился туда, откуда доносился голос. Огнедар сидел напротив него прямо на земле, хмуро глядя в упор. Оглядевшись, ведун понял, что они сидят в яме.

— А ты думал, в белокаменных палатах оказаться? — перехватив его взгляд, продолжил давить старый учитель. — Меня, вишь, что, к тебе посадили. Я так разумею, обоих к коням привяжут, да пустят их в галоп.

— Как это к коням? — ошалело отозвался Казимир, всё ещё отказываясь понимать происходящее.

— А вот так. Руки к одному коню, ноги к другому и в разные стороны р-р-р-ыть! — рявкнул старик, гневно сверкая глазами. — Сразу, конечно, ты не подохнешь. Ежели повезёт, то порвёт ровно напополам, стал быть. Тогда немного кровью похаркаешь, да и очоуришься. Хуже, если руки поначалу оторвёт. Такое бывало, видали. Коли сначала руки оторвёт, то, стал быть, повторно будут привязывать, уже за шею и ноги. Ну, тут, зато, уж точно повезёт, и наверняка, значит, сразу р-р-р-ыть и к праотцам, — старик вновь рыкнул, изображая как рвётся человеческое тело.

Казимир понял, что наставник не собирается облегчать ему участь. Он хорошо знал своего собеседника. В такие моменты было бесполезно добиваться от него ответов. Покорно понурился, Казимир замолчал, дожидаясь, когда настанет время.

— Сгубил ты себя, щенок. Да и меня, вестимо, тоже сгубил.

— Раска жива?

— Жива, — тяжело вздохнув, наконец, ответил Огнедар. — И на том, как говорится, спасибо. А дитё душу богам отдало.

— Мальчик или девочка?

— А тебе не всё ль равно, рукожопый ты баламошка? — рассеянно отозвался дед.

— Нет, не всё равно, — упрямо прошипел Казимир, сдерживая слёзы.

К горлу подступил ком. Он никак не мог поверить. Неужели это конец?

— Девочка, — бросил Огнедар, вбивая последний клин в сердце ученика. — Скажи мне, зачем ты притащил эту гадость?

Казимир не сразу понял о чём речь. Он поднял глаза на наставника, ожидая объяснений, но их не последовало.

— Ты глаза-то свои бесстыжие на меня не пырь, — кряхтя рявкнул наставник, выходя из себя. — На кой, я тебя спрашиваю, ты притащил это в дом роженицы? — последние слова

Огнедар произнёс, гневно потрясая перед носом Казимира когтём кикиморы.

— Я не брал... — прошептал парень и едва успел увернуться от броска.

Дед со злостью швырнул коготь в ученика, метя тому в лоб.

— У тебя за пазухой нашли, глазопялка ты бестолковая!

— Этого не может быть... — зашептал Казимир, хватаясь за голову. — Этого не может быть!

— Так брал или нет? — накинулся Огнедар.

Неожиданно для себя, парень понял, что старик немного смягчился. В его голосе появилось ещё что-то. Что-то сулящее интерес или... надежду?

— Я ночью его взял, чтобы потом изучить, — с готовностью закивал Казимир, стараясь нащупать брод. — Но потом оставил... На островке за дубравой сохатых закопал.

— Это ещё зачем? — изумился Огнедар, но всё же продолжил слушать.

— У меня там тайник. Храню всякое, что в деревне держать не стоит. Коготь туда же отнёс.

— Ну, умно, конечно, — покивал Огнедар, понимая о каких вещах идёт речь. — Но как он снова при тебе оказался?

Казимир замер. Из всех сил он старался сконцентрироваться на событиях минувшего дня, шаг за шагом повторяя в голове каждое событие, припоминая каждый прутик да лепесток.

— Я точно оставил его там, — наконец ответил ученик, серьёзно глядя в глаза наставнику.

— Понятно, — бросил Огнедар, почмокивая беззубым ртом. — Мстят, стал быть. Ох и мстят же, Казимирка... Никогда про них такого не думал. Это ж не хиханьки уже, да не хахоньки. Село сейчас без ведунов оставят... Как же это они нас... Так просто... Да-а-а, влипли!

— Делать-то, что? — осторожно спросил Казимир.

— Делать... — рассеянно, протянул Огнедар. — Делать надо, то уж точно.

Некоторое время помолчав, он глянул на ученика так, как не смотрел никогда. В этом взгляде не было привычного пренебрежения и раздражения. Он смотрел на него как друг или даже... отец.

— Будем прощаться, Казимирка, — неожиданно мягко произнёс Огнедар. — Нельзя селу терять ведуна, а тебе голову. Делай всё, что скажу и будешь ещё девок по сеновалам тискать... Ежели, конечно, сможешь поймать, — он усмехнулся. — Э-э-эгей, там! — рывкнул он во весь голос, поднимая голову. — Зовите старосту, злодей во всём сознался!

То, что делалось после превратилось для Казимира в чудовищный и аляповатый кошмар. Его выволокли из ямы и потащили прямо по дороге, так и не подняв на ноги. То и дело в бока, а порой и голову прилетали камни. Селяне не очень-то осторожничали, не боясь зашибить проклятого злодея прежде законного наказания. Кто-то провожал пинком, иные плевком и «добрым словом». Он понял, что его тащат к реке, когда сквозь ругань и гомон толпы донеслось журчание воды.

Наконец, Казимира поставили на ноги. Он тяжело поднял глаза на тех, кто пришел его судить. Они все стояли здесь, буравя полными боли, ярости и гнева взглядами. Сжимая пудовые кулаки, переминался с ноги на ногу раскрасневшийся Третьяк. Рядом стояла его жена... Раска отвела взгляд, когда Казимир попытался раскрыть рот, увидав её.

— Руки вяжите, — скомандовал Огнедар, которого поддерживали двое мужиков.

Кисти Казимира крепко стянули за спиной, да так, что он и пальцы перестал чувствовать.

— Теперь ноги, — продолжал старый ведун, глядя на бывшего ученика бесстрастными и суровыми глазами.

Когда с веревками было покончено, Казимир понял, что ему уготовано. У причала покачивался на тёмных волнах небольшой плот.

— Подведите, — мрачно буркнул Огнедар, и дождавшись, когда парень оказался перед ним, продолжил. — Ты больше не принесёшь зла. Откудова ты к нам пришёл, туда мы тебя и воротим. Понял меня, ты?! — гневно вскричал ведун, хватая Казимира за лицо.

Парень успел заметить в руках старика какой-то крошечный предмет, не больше напёрстка, который тот сунул ему под нос. Жадно вдохнув, Казимир едва не выдал себя, вскричав. Ноздри обожгло болью, глаза тотчас начали слезиться.

— И не пытайся меня разжалобить, — продолжал рубить Огнедар, заметив слёзы. — Поди прочь, русалочий вымесок! — взревел дед и оттолкнул бывшего ученика от себя.

Толпа поддержала ведуна одобрительным гиканьем. Тело взметнулось вверх, уносимое к реке. Казимир трясся от страха, понимая, что вот-вот окажется в воде. В ушах стучали барабаны, и он даже не сразу понял, что это селяне в такт притопывают, провожая его на казнь. Было очень страшно и в тоже время обидно. За что? За какое зло, они платят ему смертью? Оглушительный грохот и... удар.

Голова канула в холодную гладь реки. За ней плечи, грудь, живот, ноги. Время словно замедлилось или вовсе остановилось. Казимир раскрыл было зажмуренные глаза и понял, что тонет. Его благосклонно принимала холодная тьма бурлящего потока. Сердце застучало с неистовой прытью, руки напряглись, силясь порвать верёвку. Нет, тщетно, путы держали на совесть.

«Вот и всё, — подумал Казимир, глядя как приближается дно. — А я на тебя понадеялся... Дурак».

Речной песок коснулся лба. В белоснежные волосы вплелись водоросли. Мимо задорно сновали рыбешки, удивлённо поглядывая на бледного и столь неожиданно гостя. Казимир дёрнулся, пытаясь их отогнать, словно то навязчивые комары, как вдруг понял... Он может дышать... под водой! Не веря себе, делая вздохи вновь и вновь, парень не захлёбывался. Казимир некоторое время смаковал новые ощущения, а потом начал от души хохотать. Изорва вырывались пузырьки воздуха, голоса не было слышно, но это не было важно. Он будет жить! Конечно, он всё ещё был связан, но теперь то казалось лишь досадным недоразумением. Он будет жить.

Глава 3. Новая жизнь

Повозившись немного, парню удалось перебросить стянутые за спиной руки перед собой. Речное дно хранило множество подходящих к случаю предметов, и вооружившись надломленной раковиной моллюска, парень принялся перепиливать верёвки.

В голове мелькало множество мыслей, одна шальнее другой. Хотелось выбежать на противоположный берег и крикнуть им что-нибудь. Но Казимир подавил в себе эти желания. Наставник спас его. Спас уже не в первый, но точно последний раз. И это было ценней всего на свете. Конечно же, Казимир хотел, чтобы его приняли. Естественно, что он тосковал, будучи всеобщим изгоем. Но больше всего на свете, он ждал одобрения именно его — старого богатыря, ведуна, который сам научился всему и передавал свои знания из уст в уста. Он всё-таки поверил ему и в него.

Однако же пришлось изрядно потрудиться, покуда злополучные верёвки выпустили несостоявшегося утопленника. Постояв миг в растерянности, парень зашагал прямо по дну, а затем поплыл, толкая тело вперёд размашистыми гребками. Плыть против течения было тяжело, поэтому ведун двинулся по течению, не слишком то раздумывая куда податься после. Поначалу следовало оказаться как можно дальше отсюда. Ощущение времени быстро растворилось в бегстве. Он нервничал. Сколько еще продлится Огнедаров заговор? А ну как он в любой миг хлебнёт студёной водицы, да окочурится? И всё-таки Казимир проплыл версты четыре, прежде, чем решился выйти на берег.

Тяжело выполз на траву и замер, жадно хватая воздух, как загнанная лошадь. Оглядевшись по сторонам, он понял — уже вечереет. Красный солнечный лик медленно полз по небосклону, метя в тёмные воды только выпустившей Казимира из объятий речки. Зачарованно следя за светилом, ведун лежал без движения, жадно дыша. Откуда не возьмись, появились лебеди. Белоснежные и важные птицы, царственно нежились в золотистых отблесках уходящего дня. Их было лишь двое, они плавали неспешно, повторяя движения друг друга как отражения. В какой-то момент их длинные шеи перекрестились, головы смотрели в разные стороны. Красно солнышко опустилось аккурат по центру меж ними и вспыхнуло... Казимир выпучил глаза, не веря себе. На небосклоне на какой-то краткий, ничтожный миг... вспыхнул символ — Чур! Миг был скоротечен, как само время, но столь же величествен и полон стати. Казимир мог бы поклясться сто крат, что знак Чура повис над рекой тогда... для него.

Он так и сидел на берегу, покуда уставшая голова не мотнулась сама собой в сторону, увлекая истерзанное тело. Конечно, следовало отойти от реки подальше. Мало ли что. Но молодой ведун устал, как никогда прежде. Две ночи к ряду не дрыхнуть, такое не каждый сдюжит. Казимир спал беспокойно, но в тоже время беспробудно. Постанывая, что-то бормоча, часто ворочаясь, он провел свою первую ночь в изгнании. Утро показалось новым рождением, покуда не захотелось есть. Покумекав, что будет лучше, если он уйдёт как можно дальше, Казимир побрёл прочь, не разбирая дороги. Голова очистилась от лужи и пыли, тело отдохнуло. Ноги, словно не ведающие усталости, несли его в далёкие дали, в которые ученик ведуна раньше не заглядывал.

То и дело Казимир останавливался, чтобы осмотреться. Впервые в жизни, он чувствовал себя в лесу не в своей тарелке. Прежде за спиной всегда лежала дорога обратно к родной деревне, теперь же он был по-настоящему один супротив всех и вся на белом свете. Сверху

послышалась отдалённая перекличка. Подняв голову кверху, ведун пару журавлей, летящих над лесом, словно ему путь указывая.

«Я понял, родимые. Иду».

Первая деревня повстречалась на четвёртый день пути. Она была небольшой всего три дома. Казимир знал кто здесь живёт — семья охотников Ратибора Весёлого. Парень поспешил проскочить мимо незамеченным, едва завидев крыши домов. Ратибор носил много прозвищ. Среди них еще значились Удалой, Лихой, а также Шальной. Все они весьма красноречиво описывали нрав главы семейства, как, впрочем, и его сыновей и даже дочерей. Разум подсказывал, что надо идти дальше. Его словно что-то вело. Зов, ни то мечта из прошлого, о которой ведун позабыл. Дом Ратибора остался позади.

«Нет, не сюда меня ведёт чутьё, — думал Казимир, уверенно шагая дальше. — Кабы знать, куда? Не ведомо, но ещё далече».

Хоть путь дорога и вела в никуда, а ноги шагали будто сами собой, живот требовал жертву. Приходилось ломать голову, как бы не сгинуть с голодухи. Еды очень не хватало. Эх, кабы взять ему хоть узелок какой с собой, сухарей тех же, кабы не гнали в шею, да на убой топить... Но по известным причинам ничего с собой ему Огнедар не выдал, а есть, ой как, хотелось. Казимир питался в основном грибами и кореньями. Бывали дни, когда приходилось топтать впроголодь. Бить дичь Казимир был не приучен, да и не любил. Когда не хватало ягод или грибов, он перебивался зелёными еловыми шишками и одной водой. Когда удавалось собрать что-то про запас, непременно зажаривал до румяной корочки все свои находки, разводя костёр на ночь.

Лесная нечисть была к ведуну благосклонна, хотя правдивее сказать, что они попросту не пересекались до поры. Казимир очень боялся повстречать лешего, поскольку не имел при себе доброго гостинца, чтоб откупиться. Опасался русалки, коя могла без труда заграбастать одинокого путника. Но больше всего он страшился встречи с кикиморами, которые еженощно следовали за ним по пятам в ночных кошмарах.

По счастью Казимира, как говаривает народная мудрость, сколько верёвочке не виться, а конец будет. Однажды, обходя болото, он прям-таки наткнулся на большое поселение. Пред ведуном ещё мгновение назад, смотревшим на лесные стены, вдруг вырос добрый берёзовый частокол. Казимиру показалось странным, что его никто не кликнул раньше. Не бывает так, чтоб большое селение и никого вокруг. Однако ж было очень тихо, ни тебе топор, али молот не стучит, а девичий смех не ласкает слух.

Войдя через отворённые ворота, Казимир тотчас смекнул, что тут к чему. Многие брёвна частокола с внутренней стороны были опалены. Никак пожар у них приключился? Неужто столько душ сгинуло, что и встретить некому? Впрочем, он быстро отмёл сии мысли. Отстроился же кто-то по новой! Стал быть есть живые. Наконец, его окликнули, заставив тотчас вздрогнуть.

— Ты кто такой? Дурак совсем, али ума лишённый, а?

Голос незнакомца дрожал, но в то же время говорящий явно пытался казаться устрашающим. У него это весьма плохо получалось, как, впрочем, и целиться из лука, который трепетал в его руках аки стебель травы на ветру.

— Я с миром, добрый человек, — поспешно сообщил Казимир, поднимая ладонь навстречу мужичку. — Ведун я. Казимиром звать. Не нужна ль вам помощь какая, али услужение?

— Кто? — недоверчиво проблеял мужичок. — Ведун? Батьшки, уже ль дождались...

Ведун? Ты не брешешь?

Казимир отчаянно замотал головой.

— Какая напасть у вас? Пожар пожрал?

— Если бы пожар, — из-за спины Казимира раздался ещё один голос.

Говоривший вышел навстречу путнику, открыто, но сжимая в руке меч. Он был не молод, но и не стар. Чернявый муж лет эдак под сорок, может чуть более. Глаза смотрели строго и цепко. Когда он заговорил, деревня словно ожила. Откуда не возьмись, начали появляться люди. Кто-то вылезал из землянки, кто-то спускался с крыши, иные попросту выходили из домов. Впрочем, все были при оружии, у кого дубина, у кого вилы, а кто и при луке со стрелами.

«От кого же вы прячетесь? — подумал Казимир, оглядывая обступающих его селян. — Не мало ж вас... А было-то сколько?».

Конечно же то был староста. Чернявый мужик, подойдя, оглядел Казимира с ног до головы. Наконец, решив, что тот не представляет угрозы, кивнул своим, чтобы оружие убрали подальше.

— Не сердчай, путник, что не с хлебом да солью, — проговорил он, внимательно глядя в глаза Казимиру. — Здесь суровая земля, да тяжкая доля! Но мы не жалуемся, как и пришельцев не всегда жалуем. Ты чей будешь и на кой сюда притащился?

— Говорю же, Казимиром меня кличут, — спокойно ответил парень. — Ведун я бродячий. Ничейный я. Сирота.

— Даже сироты чьим-то хлебом вскармливаются, — парировал староста. — Чей ты будешь, ведун? — последнее слово он выговорил довольно странно, словно опасаясь касаться губами букв, составляющих его.

— Из древлян родом, — на удачу буркнул Казимир, вспоминая к какому семейству можно себя приписать.

Ежели говорить по чести, то окромя древлян он никого и не знал. Родня из дреговичей жила ближе всех к ним. Куда он попал теперь, Казимир уже слабо разумел. Дорога была дальней и внезапной, да к тому ж петляла. Но надо было что-то сказать...

— Ну пусть так, — неожиданно ответил староста, почёсывая затылок. — Мы никого не звали, что ль... Не жаловались, ежели так угодно.

Повисла неловкая пауза.

— Я — Святогор. Староста здешний, стал быть, и воевода я же, — снова заговорил мужичок, продолжая с прищуром изучать Казимира. — Таиться не буду, ведун нам от по сих нужен, — продолжил он, рубанув себя ребром ладони по горлу, — да токмо не ведуны, а одни шлыдны нынче забредают. — Староста помолчал. — Поработать охота?

— Можно, — пожал плечами Казимир, в глубине души, танцуя аки жених на свадьбе. — Чем могу — помогу, ежели в моих силах. А силы есть, даром что ль учился!

— Это ещё посмотреть надётся... — буркнул в ответ староста. — Ладно... Будь моим гостем... А там поглядим, что ты за птица.

Напряжение мало-помалу спало. Казимир мысленно ухмыльнулся тому, что завидел робкие улыбки. Его здесь ждали. Селение оказалось даже больше, чем ведун поначалу предполагал. Почти сорок домов стояли плотным строем, сокрытые за отточенным частоколом. Землянки соседствовали с избушками, а дворов-то и не было вовсе. Строились так, будто боялись далеко друг от друга селиться.

— Мы же чай не трутни, работали всегда справно, — рассказывал потом тот самый

дедок, что встретил Казимира с луком в руках. — Да выпала та ещё доля, что ни година, то набег. И ладно бы эти окаёмники приходили силушкой молодецкой похлестаться, да уматывали... Всякий раз какая-то новая беда. То печенег припрутся, чтоб им пусто было! То половцы явятся, ни то свататься, ни то резать. А тута вона и хазары подоспели, данью обложить. Платить-то оно можно! То бы и к лучшему, чтобы они, ерохвосты проклятые, меж собой и выясняли, кто там среди них голова, а не к нам с мечами совалися.

— Ну и как, выяснили? — отозвался Казимир, с удовольствием пережевывая полоску вяленного мяса, принесённую молчаливой девой, которая тотчас же удалилась.

— Куда там... — махнул рукой Мстислав, пожилой плотник. — Кто не придёт, кажет — он голова. Так и живём. Одна голова хорошо, а у нас их три... — Мужик в сердцах сплюнул под ноги.

— Чем же вам ведун поможет в такой напасти? — спросил напрямик Казимир, дождавшись покуда собеседник перестал охать.

— Не знаю, — честно ответил Мстислав, закусив губу. — Да токмо одно я разумею ясно — прокляты мы, Казимир, как есть — прокляты. Кем и как — не знаю я, пойми ж ты? Как бы ума хватало, то разобралися бы. Но не может жизнь такой несправедливости быть полна! Не заслужили мы, уразумеваешь?

Он и правда понимал. Казимир, едва те слова отзвучали, напрягся. Устами Мстислава говорило всё селение. Они молчали, но то молчание красноречивее было всяких слов. А слова те читались в каждом взоре. То словно зов был, что он увидал на реке, будто знак — для него одного. Похоже, будто ему наконец-то истину открыли сокровенную. Да токмо не видать её было от дыма чёрного. Казимир понял, что брёл по наитию именно сюда. Словно, знал куда надо идти. Он вздрогнул, как пробудившийся ото сна. Мысли сами по себе приходили в порядок, как метлой выгоняя прочь всё лишнее и отмершее. Будто жаждущему путнику воды испить налили, едва он порог переступил. Он ничего не ответил. Лишь головой мотнул и принялся ждать.

Меж тем шли дни. Одна миновала неделя, а за ней уже и другая поспешала. Ведун Казимир сидел при Мстислава дворе, не рыпался. Коза не доится? Ну, приведи, посмотрю. Грибы все зачервивели? Расторопней собирай, да не спи, а я лешего умаслю. Дичи мало? Так лови ж, не робей, а за мной, значит, перед богами за тебя, да твою удачу словечко молвить! Порой простые советы Казимира селян раздражали, но со временем старосте он по душе таки пришёлся. Святогор стал часто приглашать его в свою избу, а после и вовсе пожаловал собственное жильё.

— Пущай не новое, но ведь и ты ж у нас не только народился, — с усмешкой заявил он, прихлёбывая квас из дубовой кружки. — Живи, стал быть, Казимир, покуда тебе то надобно. Мужик, ты, я вижу, правильный. Впереди плуга не скачешь, да и за телегою не тащишься. Это по мне. Мне такое любо. Сойдёмси, считай.

Казимир, само собой, благодарствовал, да токмо не было покоя на сердце. Каждую ночь ему виделась кровавая длань, что над селением простирается. А по утру её словно солнышко стирало. Но воспоминание оставалось. Иногда ему было страшно, а порой случалось грустно. Привыкший к тому, что его собственные чаяния ничто перед другими, Казимир даже не сразу осознал, что отныне его настроения стали важны. Селяне чутко следили за тем, как он себя ведёт. Ежели радовался, то и они будто были рады, а коли кручинился, то гляди — словно дождём всех людей посмывало, на улице ни души. Ведуну всё время казалось, будто от него что-то ждут, но он не понимал, чего именно. Всё замерло в

ожидании лиха...

Как-то раз Казимир отправился за травами. Как и положено, собравшись по утрам, он вышел из дома с первыми лучами солнца. Мягко ступая меж серебрящихся на солнце лепестков, он вышагивал, придирчиво изучая побеги зверобоя, как вдруг за спиной послышалась возня. Казимир в миг обернулся, выбрасывая перед собой короткий кинжал, — его единственное оружие и орудие.

— Прости, ежели напугала, — растерянно проговорила девушка, глядя на ведуна робко и боязливо. — Я всё сделаю, чего прикажешь, токмо помоги!

Девушка была очень красива. Казимир давно её приметил — умница, да скромница! Обычно она была в обществе соседских дев. Они всегда вместе ходили на сбор ягод или грибов, вместе же и работали на полянке, где селяне засевали зерно.

— Что ты хотела? — испросил Казимир, чувствуя, как трясутся поджилки. Вроде бы ничего не способствовало излишней нервозности, но явление девушки задело за живое. Правая нога тихонько затряслась.

Оглянувшись по сторонам, будто боясь начать откровение, она сказала:

— Казимир, горе у нас! И нынче оно повторится... Не от набегов мы мужей мы теряем, а в лесу дев.

Сперва он даже не понял, что тот разговор явь.

— Мира, тебе нечего опасаться! — с улыбкой обронил Казимир. — Яви, что тебя тревожит. Мы разберёмся, чтоб мне пусто было.

— Они того и хотят, — судорожно оглядываясь, заметила девушка. — Ты ж у нас третий ведун... за полгода. Не говаривал Святогор? Дык, то я скажу. Первый сгинул, когда девки начали пропадать. Второй — сын его. Всё отца искал, да тоже исчез, только и слышали... Третий — ты. Ежели и ты сгинешь, на кого нам рассчитывать?

— Почему так делается? — коротко бросил Казимир, призадумавшись. — Уже ль те, кто задают вопросы, пропадают?

— Не всегда... — опасливо прошептала Мира. — Справные девицы исчезают чаще.

— Так вот, почему ты... — пробормотал Казимир.

— Да... И что? — невозмутимо ответствовала Мира. — Я жить хочу... Я любить хочу... Мало этого?

— Хватит, — пробубнил ведун, чувствуя стыд.

Он стал еще чаще бывать в лесу. Высматривал, вынюхивал. Каждый шорох и дуновение ветерка, ведун встречал как нападение стихии. Каждый всплеск ручья и комариный писк казались ему раскатами горных лавин. Казимир умел быть незаметным. Он привык становиться безвестным. Ему свойственно было принимать форму мёртвого камня и смотреть. Он умел вникать и подмечать. Иногда подолгу засиживаясь в раздумьях, Казимир видел лесных духов. Как-то раз его навестил леший.

Парень рассеянно жевал чернику, как вдруг перед ним выскочил заяц. Казалось бы, чего необычного? А то, что заяц тот был, что твой кабан здоровенный. На полянку прыг-скок и пялится. Казимир замер, старясь не подать вида, что опешил. Руку протянул с черникой, мол угостись, чем богат. Заяц только носом повёл, ишь ты, чего удумал дурень деревенский, лесного хозяина его же лакомством потчевать. Потеряв интерес к человеку, здоровенный русак умчался прочь, взметнув ворох пожухлых листьев.

«Добрый он, — подумал ведун, глядя вслед зайцу, — и никто из местных на него не жаловался. Кто ж тогда ваших девок ворует?».

С того самого дня Казимир принялся разнюхивать по другую сторону частокола.
«Угроза таится не в лесу, — смекнул он. — Что-то не так в самой деревне».

Глава 4. В погоне за тенью

Казимир всё ещё не знал, что именно должен найти, а это сильно затрудняло дело. В открытую расспрашивать селян о том, о сём, тоже не хотелось. Помятуя рассказ Миры о том, что ведуны пропадают едва только касаются запретной темы, действовать приходилось скрытно. И всё-таки ему повезло. Можно сказать, удача сама пришла в руки. Казимир взял за правило скрытно приглядывать за селянками, да и подслушал разговор двух бабонек, возвращавшихся с промысла. В сущности, там не было ничего таинственного или туманного в том разговоре, а всё как обычно — сплетни.

— Опять этой затетёхе половину грибов отдавать, — сетовала рыжая ясноглазая девица, раздражённо морща лобик. — Вот возьму и скажу Святогору, что баба у него ветрогонка, да разиня! Пушай, хоть что со мной делает! Сил нет эту печную ездову кормить.

— Не дури, Забава. Отдашь, как все отдают, с тебя не убудет, — отрезала её подруга.

— Ты сейчас ей дорожку перейдешь, а завтра тебя первому же кагановскому степняку сосватают. Помяни моё слово, просто отдай, рта при том не раскрывая, — продолжила женщина.

— Думаешь, я её боюсь? Ещё чего! — фыркнула рыжеволосая красавица. — Ежели что вякнет, я ж могу и муженьку ейному кой-что напеть. — Сверкнув глазами, бабонька победоносно хихикнула. — Например, о том, что Святогор рога носит, аки лось.

Подруга резко остановилась, нехорошо зыркнув на девушку.

— Забава, не дури, тебе сказано! — шикнула она, даже толкнув рыжую в плечо. — Ты про это думать забудь! И никому окромя меня не ляпни. Ежели люди узнают...

Казимиру тот разговор поначалу показался пустым. Ну, обсасывали косточки старостиной жены бабоньки, эка невидаль. Что баба мужа обманывает, то, конечно, худо, да токмо, то их дело, стал быть. Однако, поразмыслив, ведун вдруг понял, что тут кроется нечто иное. Зачем женщины отдавали часть собранных лесных даров жене старосты Милолике? Казимир точно знал, что Святогор на то распоряжений не давал. Жена старосты, как и все бабы днём отправлялась в лес по грибы, ягоды, собирать травки, да коренья. Но по всему выходило, что она этим не занималась, раз бабоньки отдавали ей часть своего урожая. Значит, Милолика ходила куда-то тайно, а лесные дары были нужны, чтоб не вызывать подозрений у мужа.

«Но отчего так долго её не бывает, что и работать не успевает? — ломал голову Казимир. — Ужель целыми днями кувыркается с полюбовцем? Аль ходить ей далече? А почему пропадают девицы? Тоже пожадничали делиться с гулящей супругою старосты?»

Верить, что всех их сгубила Милолика и её полюбовник не хотелось. Была и иная особенность в этих пропажах. Случались они аккурат раз в месяц, не чаще, а началось это как раз полгода назад.

Размышляя о том, да о сём, Казимир, как-то раз гуляя по лесу, не заметил, что стемнело, и чуть не потерялся. В тот день он зашел очень далече, куда раньше не хаживал. Мысли сами вели ведуна прочь от селения, и он не заметил, как оказался в самой густой чащобе. Казимир не боялся остаться здесь на ночь, как и не боялся волков. Он шёл спокойно и неспешно, вглядываясь в тёмные провалы между деревьев. Вдруг ему почудилось движение. Словно кто-то с земли поднялся, да опрометью бросился прочь. Вокруг стояла тишь, да благодать, ни листик, ни веточка не шелохнётся. Казимир было даже подумал, что причудилось, как

заметил в отдалении что-то белое на земле. Подойдя поближе, он замер, тяжело охнув от неожиданности. Правая нога нервно застучала по земле, а на лбу выступил пот. Ведун, не отводя взгляда, обтёр взмокшие ладони о рубаху. Перед ним на траве лежала девушка — Мира. Её сарафан был распорот от горла к животу, а на груди зияла огромная рана. Лицо несчастной застыло в отвратительной гримасе: рот раскрыт, глаза выпучены, морщины собрались на лбу. Видимо, она кричала от боли... Но как же он не услышал её вопль?

Трясаясь, как от лихорадки, ведун подошел ближе, опустился на траву подле. Рана была резанная, никаких сомнений. Ни зверь, ни лесная нечисть, не оставляют такие... То был человек. Глядя на торчащие наружу белесые реберные кости, кои были выломаны, Казимир гадал, что искал неизвестный мясник. По всему выходило, что убийцу интересовало лишь одно — её сердце.

Всё ещё трясясь от ужаса, парень всё же сумел совладать с собой. Нагнувшись над телом, он аккуратно уложил руки убитой на грудь. Её очи светились от боли и... удивления? Бледная, начавшая синеть кожа, превратилась в натянутую маску. Мягкие, столь желанные пышные губы почернели. Помешкавшись с миг, Казимир с трепетом опустил ладонь на лоб девушки, закрывая ей глаза. Закрыть рот не удалось, челюсти покойницы свело. Обхватив лицо Миры руками, Казимир опустил большие пальцы ей в рот и с силой надавил на язык. Раздался хруст. Рот всё же закрылся. Теперь она лежала почти как живая, только очень бледная, будто спала. Тусклый свет полной луны, застывшей на тёмных небесах, струился на бездыханное тело. Поправив разорванный сарафан, Казимир наклонился над Мирой и поцеловал её в губы.

Отпрянув прочь, ведун подхватил горсть сухих листьев и бросил на тело.

— Лесные духи позаботятся о тебе, Мира, а звери пожрут тело. Тебя никто не найдёт, но я найду того, кто это сделал.

Отвернувшись, он зашагал прочь, даже не заметив, что нога перестала трястись. Казимир точно знал, что будет делать дальше. Бросать бедняжку на поругание лесному зверью не хотелось, но ведун не мог себя выдать. Пускай злодей, что таится в деревне думает, что он перетрухал, что будет держать язык за зубами. Казимир, знал, что его видели. Кто-то опрометью бросился прочь, когда он обнаружил девицу. Узнал его? Может и да. Но нападать не стал. Побоялся? Вряд ли. Казимир выглядел болезненным и слабым. Сложно найти мужика, который такого испугается. Мужика, может, и не сыскать, а вот бабу...

Вернувшись в селение уже под покровом ночи, Казимир обстоятельно обошел все дома, благословляя на добрую ночь. Ведун привычно вышагивал, бормоча под нос заговор, поводя дымящимся веником зверобоя с чертополохом. Когда он проходил мимо дома Святогора, правая нога вновь предательски затряслась. Насилу совладав с собой, Казимир пошел дальше, делая вид, что хромает.

— Что за беда с тобой приключилась, Казимирушка? — елейный и сладкий голос, что раздался за спиной ведуна, заставил его внутренне похолодеть. — Ножку подвернул, по болотам поскакивая?

Он обернулся, встретившись глазами с Милоликой. Черные волосы спадали на её плечи кудрявыми струящимися волнами. Карие глаза смотрели весело и... задорно. На женщине была просторная рубаха, ступни наги. Медленно двинувшись к ведуну, она приблизилась, остановившись подле, да так близко, что Казимиру стало и вовсе неловко.

— Тебе больно? — продолжила наступление Милолика. — Хочешь, я посмотрю?

— Всё хорошо, госпожа, — ответил Казимир, выдержав её взгляд. — Спасибо тебе на

добром слове, но я уж сам. Чай не зря знахарское дело постигал.

— Иди спать, Казимир, — бросила Милолика, неожиданно жёстко, словно разочаровавшись. — Мягкий ты, как овечья кожа. Не скачи по корягам, а то, глядишь, и головушку не сносишь.

Казимир спокойно поклонился и последовал совету Милолики. Ближайшие дни он старался всегда быть на людях. В лес заживал недалеко, собирал травы, да коренья, ну и помалкивал. Попадаться на глаза Милолике, парень благоразумно избегал. Болтать с кем-то тоже особо не рвался. Как ни в чём не бывало, Казимир готовил снадобья и отвары, с головой погружившись в простые, но житейские дела. Со стороны могло показаться, что он напуган. Напуган до смерти, так, что никогда и ни за что не вспомнит о том, что видал в лесу. Внутри же, ведун был не только спокоен, но и собран. Он ждал новой луны.

Дни тянулись, подобно сосновой смоле. День сменял утро, а вечер день. Ночами уже холодало. До зимы читай добрых два месяца, но лето окончательно отступило, и без того задержавшись в гостях у осени. Час воздаяния близился, а Казимир начинался сомневаться. Уж какой раз в голове возникал предательский вопрос:

— А может пропади оно всё пропадом? Жили же как-то и дальше проживут без меня!

Одёргивая себя каждый раз, ведун меж тем, находил силу лишь в собственной совести, но не храбрости. Луна же наполнилась и с каждым днём становилось ему страшно. Подобно отсчёту сурового рока, он ждал заветной ночи, которой суждено было стать решающей. А ещё, как на зло, в последние дни всё шло до омерзения хорошо! Новый дом теперь казался не старой, и к тому же чужой халупой, а справной избой. Соседская младшенькая Велена входила в возраст замужества и строила глазки. Её волосы были цвета спелой пшеницы, а глаза казались яснее чистого неба. Батька ейный тоже вроде как не возражал, нет-нет, да и подмигивая Казимиру, мол, приглядишься, задумайся. Это было уж совсем, как ножом по сердцу. Казимир никогда не испытывал таких чувств, когда кто-то сам по себе находил его интересным.

И всё-таки он пошел за ней. В день, когда новая луна должна была явиться к ночи, Казимир, скрепя сердцем, отправился на свою охоту. Выждал, покуда бабонька удалится в лес, чтобы не слишком явно, да и побрёл следом за Милоликой.

Ведун трусил, волновался, но всё же успел подготовиться. Он хорошо узнал не только сам лес, но и тропинки коими хаживали бабоньки. Милолика здесь родилась, но от ведуна скрыться всё-таки не смогла. Она много петляла, часто меняя направление, спускалась вниз по ручью, заходя в воду, дважды забредала в болото, проходя по самом краю. Казимир шёл по следу, как волк, который преследует добычу. Он знал, что не должен ошибиться, не должен упустить её, иначе придется ждать еще месяц. Милолика же, словно чуяла, что чужие глаза следуют по пятам. Осторожничала, часто останавливалась, да выжидала. Так бродила она едва ль не полдня, пока не вышла к тихому почти совсем заросшему лесному озеру. Присела на корягу, значит, пустую корзинку поставила и отдыхает. Казимир, прилёт неподалеку, схоронившись за раскидистым стволом орешника. Долго ждал, но старостова жена сидит себе, не шелохнётся, только камешки подбирает, да рассеянно в воду кидает.

Вдруг на бережок с противоположной стороны вышла девушка. Милолика тотчас подняла над головой руку и приветственно помахала. Та, завидев, что не одна, пошла навстречу. Идёт вроде ж знает к кому, а всё нет-нет оборачивается, будто подвох почуяв. Когда она подошла ближе, Казимир узнал в незнакомке Марфу, дочку Башило, старого вдовца охотника. Покуда девицы болтали, Казимир пытался расслышать, о чем речь, да куда

там — далече больно, а ближе подползать уже было поздно. Марфа стояла лицом к нему и могла заметить. Несмотря на то, что различить слов не удавалось, Казимир видел, что бабоньки ругались. Марфа то и дело вскидывала руки, тыкая на тщедушный узелок, который принесла не плече. Милолика лишь качала головой, сложив руки на груди.

Казимир уж было подумал, что ошибся, как вдруг жена старосты украдкой достала из-за пояса некий предмет, перекладывая его в ладонь. Марфа как раз энергично жестикулировала, что-то доказывая. Она была вне себя и переходила на крик, так что до Казимира начали долетать обрывки фраз.

— Сколько мы терпеть тебя будем... — кричала она. — Только берёшь... Печенега ты хуже! Муж вот узна...

Милолика резко выбросила перед собой руку. Марфа ойкнула, так и не договорив фразы, и удивлённо уставилась на запястье. Там кровила неглубокая царапина. Меж тем, девица отшатнулась, сделала несколько шагов назад, да и осела наземь, покачиваясь. Она словно ничего не видела и не слышала, зачарованно глядя на пустяковую ранку на руке. Казимир же тотчас сообразил в чем тут дело — иголка с ядом. Вскочив, он бросился к женщинам, чувствуя, что не ошибся, но опоздал, проморгал. Не уберёг. Милолика подошла к теряющей чувства селянке, укладывая ту на спину. Марфа покорно повиновалась, при этом оставаясь в сознании. Не дожидаясь, пока в дело вступит нож, Казимир завопил. Он кричал как умахилённый, первое, что пришло в голову:

— Всё, Милка, попалася ты! Знал же... Знал, что ты это! Гляди, уже муж твой сюда мчится! Ох и устроит же он тебе!

Милолика замерла, вглядываясь в силуэт бегущего. Её рука решительно метнулась к кинжалу, висящему на шейной перевязи. Казимир только теперь его заметил, когда она обернулась. Едва женщина выхватила оружие из ножен, ведун понял, — дело дрянь. Кинжал был очень необычным. Лезвие загнутое и тёмное, может и не из металла вовсе, а в рукояти камень сверкнул — огромный рубин. Такой самоцвет денег не малых стоит, вся деревня столько и за год не накопит, но окромя баснословной цены, имел и иные свойства. Такие камни использовали ведьмы да колдуны в своих тёмных, как ночь ритуалах. У Казимира, едва он Милоликин кинжал увядал, всё внутри обмерло. Кинулся он к бережку, да поздно, твёрдая рука уж замах сделала. Его крик заполонил горло, вырываясь зычно и грозно, подобно грохоту лавины камней в подгорном царстве:

— Стой, дрянная!

Что за сила вселилась в тело молодого ведуна в тот миг, уж и не сказать нынче. Но токмо громыхнул его голос, как гром среди ясного неба. Кажется, потемнело даже. Милолика уж удар опускала, да вздрогнула, едва ль не отшатнулась. Обернулась на Казимира, глаза выпучив, да сказать ничего не успела. Ведун с разбегу врезался в ведьму, сбивая ту с ног. Они покатались по траве, брыкаясь и кусая друг друга. Оба силились завладеть кинжалом. Милолика сжимала его обеими руками, а Казимир пытался вырвать, выкручивая запястья женщины.

Плеск вспенившейся воды охладил обоих, они скатились в воду. Неловко скользя ногами по илистому дну, ведьма и ведун продолжали осыпать друг друга ударами. Казимир изловчился, перехватил Милолику сзади, сжимая той руки, зайдя за спину. Но баба даром, что лихой крови оказалась. Ударом затылка она засадила ведуну в нос, да так, что он упал в растревоженные воды озёрца, на миг потеряв сознание. Чьи-то руки вцепились в его волосы, вытягивая на берег. Казимир едва пришел в себя, принялся брыкаться, силясь достать

Милолику.

— Остановись! Это я! Я это... Всё! Нет её! Остановись! — крики заставили его прервать нелепое бултыхание.

Смахнув с лица болотную ряску и грязь, Казимир уставился на перепуганное и болезненно бледное лицо Марфа. Девушка, завидев, что ведун пришёл в себя, тотчас сникла. Уперев руки в землю, она осторожно улеглась на бок, тяжело дыша. Казимир отчаянно тёр затылок, борясь с дрожью в теле, поглядывая на царапину.

— Не бойся, рана пустяковая, — бормотал он, осматривая запястье девушки. — Яду мало попало... На игле много и быть не может... Ей тебя обездвижить надо было. На силу не понадеялась, душегубка лесная...

— Казимир, староста правда сюда спешает? — вдруг вымолвила Марфа, приоткрыв глаза.

— Нет, конечно... Она то и сама небось знает... Хотя, кто ж их разберёт... Это я так... Со страху...

— Ты не трус, Казимир... — устало проговорила Марфа, смахивая волосы со лба. — Спасибо тебе... Ежели б не ты... Она ж меня, как всех до схарчила б... Или что она с нами делает?

— Ещё точно не знаю... Но догадываюсь... — всё ещё запыханно ответил Казимир, спешно обрабатывая рану выуженным из-за пазухи порошком, который сыпался из крошечного кожаного мешочка. — Мне за ней надобно. Она это так не оставит.

— Не иди один! — зашептала Марфа испуганно, даже попытавшись подняться. — Надо в деревню за подмогой... Она ж ведьма, так?

— Ведьма... — кивнул Казимир. — Но в деревню мне нельзя. Если первым Святогор обо всём знает, то нам не помогут. К отцу беги... Скоро полегчает. Как ноги почувствуешь, беги, что есть мочи! Пусть он сам мужикам всё растолкует... Может супротив всей деревни они и не попрут, ежели она вместо меня вернётся.

— Как это, вместо?... — медленно прошептала Марфа, глядя на ведуна.

— А так... — отрезал Казимир, глядя на неё поверх, вставая. — Прощай, Марфа.

Он бросился прочь, жадно вдыхая лесной аромат разнотравия, стараясь насытиться силою. Марфа кричала за спиной, но он уже не останавливался и не отвечал. Чутьё обострилось, мышцы словно окаменели, не ведая ни боли, ни усталости. Казимир бежал, не глядя по сторонам, словно точно знал, куда лежит его путь. Навстречу диким частоколом торчали еловые ветви, узловатые корни бросались под ноги, силясь поймать и зацепить. Он бежал, не обращая внимания ни на что, петляя, как заяц и подпрыгивая, словно косуля. Стук пылающего сердца заполнил весь мир, выбивая ритм, вводящий сознание в колдовской дурман. Казимир не замечал ничего перед собой, кроме силуэта бегущей женщины. Он видел её каким-то особым зрением, сквозь деревья и листья, словно сияющий отблеск. В ушах завывали свистящие вопли неведомых сил... Слов не разобрать, ни то пугают, ни то подбадривают! Казимир словно слился с лесом и его духами, став размытым силуэтом, рвущимся к убегающей от него добыче.

Преследование закончилось внезапно. Ведун выскочил на небольшую полянку, едва не упав от неожиданности. Перед ним стояла Милолика, победно ухмыляясь. Её волосы спутались, грудь вздымалась от неистовой погони, пот заливал глаза, но взгляд был полон решимости и торжества. За спиной ведьмы стояла на двух высоких опорах ветхая избушка. У её подножия клубился зеленоватый туман, неестественно огибая столбы и словно лаская их,

увиваясь как плющ. К строению была прислонена лестница, ведущая ко входу, расположенному в полу избы.

Глава 5. Чур!

— Чего бежал-то, дурачок? — подала голос Милолика. — Ну, догнал, теперь, что делать станешь?

— Сечь буду, — переводя дыхание, вымолвил Казимир. — А о пощаде и не моли...

Её лицо исказила гримаса ярости, граничащей с умственным помешательством. Этот жалкий прыщ, мерзкий, худосочный вымесок смел угрожать ей... и чем! Казимир же, будто не обращая внимания на преисполненный ненависти лик ведьмы, отвязал пояс, наматывая его на кулак правой руки. Она расхохоталась. Злобно. Яростно. Ядовито.

— Ты и верно дурак, — прорычала Милолика сквозь зубы, но тотчас осеклась.

Хлесткий удар, заставил её смолкнуть, хватаясь за щеку. Пояс Казимира, который тот теперь раскручивал, был не так прост, как показался сперва. Длинный, в несколько оборотов вокруг талии, он оканчивался отточенной медной бляшкой. Удар был столь стремителен и верен, что ведьма не успела его увидеть и отклониться. По её лицу стекала кровь из широкого пореза, который оказался глубок, едва ль не до кости. Взревев, как бешеная волчица, Милолика рявкнула:

— Рви его! — и выбросила перед собой кинжал, острие которого указывало в грудь Казимира.

Сухие листья взметнулись в воздух, пахло сырой землёй. Сама твердь застонала, высвобождая уродливое и чудовищное порождение ведьмовской воли. Пред Казимиром из самих недр загробного мира, вынырнуло нечто. Ростом оно было с матёрого медведя, в его же шкуре. На месте передних лап, торчали костлявые отростки, числом шесть штук. Каждый оканчивался отточенным серпом, поблёскивающим стальным цветом. Стояло существо на двух кривых лапах, слегка покачиваясь под собственным весом. Громадная кабанья морда венчала омерзительное создание. Бусинки бездушных глаз, полнящихся свирепого желания убивать, не мигая, уставились на ведуна. Пасть чудовища раскрылась, изрыгая свирепый ни то вой, ни то рык. Оно шагнуло к Казимиру так стремительно и быстро, что тот едва успел отскочить в сторону, на силу ускользнув от взмаха серпа.

Со стороны зловещим визгом взорвался издевательский хохот. Казимир прыгнул на звук, не глядя, выбрасывая перед собой пояс. Сдавленный вскрик, возвестил его о том, что он попал. Дёрнув пояс на себя, он едва ли не лбом столкнулся с ведьмой. Бляшка дважды обернулась вокруг её шеи, сдавливая горло. Милолика не боялась, она, не мешкая и секунды, вгрызлась в ухо ведуна. Острые молодые зубы без труда разорвали кожу и хрящи. Тут уже ведун заорал, да так, что сам себя едва не оглушил. Они снова покатались по траве, лущая друг друга. Теперь бились молча, яростно, собранно. Ведьма понимала, что тот её не отпустит. Казимир, знал, что ежели ослабит хватку, — ему конец. Они пинали друг друга коленями, пихали локтями, кусали и царапали. Ведун оказался сверху и трижды ударил кулаком ей в лицо. Кровь залила её прекрасный и гордый лик. Из-под сарафана ведьмы на самой груди вывалился смутно знакомый ведуну талисман — перекрестие двух глав, с венцом посреди и четырьмя столпами понизу.

Едва завидев оберег, Казимир на краткий миг замер. Он помнил этот символ! Он видел его и прежде... На реке, когда бежал из родной деревни... И... кажется, на шее матери, в детстве...

Бок обожгло болью. Костяной кинжал ведьмы пробил податливую плоть, заставив

ведуну упасть ведьме на грудь. Милолике уже не хватило сил вонзить как следует, но всё же рана была чувствительна. Тяжёлая культия колдовского чудовища опустилась на голову Казимира, отшвыривая его в сторону. Тело взметнулось в воздух, подобно пушинке, и врезалось в ствол вековой ели. В глазах прыснул сонм искр, сменяющийся зудящей болью, коя наполняла кровь, лишая воли. Он на силу перекатился на спину и сел. Чудище наступало, хищно ощерившись отточенными серпами. За его спиной встала ведьма, глядя надменно и властно. Как вдруг, её порождение застыло... На лице Милолики удивление сменилось испугом. Её рука метнулась к шее... та оказалась пуста.

Казимир, сплюнув кровь, поднял над головой сорванный оберег — символ Чур, с трудом выбрасывая из себя слова:

— Чур, меня... Чур, меня... Чур! Чур! ЧУР!

Серпы взвизгнули, распарывая горячий воздух и прерывая полнящийся разочарования и ненависти крик. Три кровавые борозды прошли через бурлящую злобой плоть ведьмы, а четвёртый взмах перерубил её шею. Чудовище опустилось над телом, несколькими точными ударами отделив от него руки и ноги. Застыв на миг, будто в замешательстве, существо обернулось на ведуну. Невидящие глаза, скользили мимо, будто, не замечая отмеченного защитным оберегом человека. Оно потопталось, лязгая острыми серпами, да как припустило прочь, только деревья качались, словно отскакивая от жуткого отродия.

Казимир непонимающе уставился вслед ведьмовскому творению, как вдруг искра осознания озарила его разум. Правая нога затряслась так, как никогда прежде. Дыхание сбивалось, а сердце стучало, грозя пробить грудину. Оно было не закончено!!! Ведьма недоделала свою работу! Оберег Чура хранил лишь своего носителя, но не давал власти над чудовищем! Править им могла лишь ведьма, которая теперь была мертва. Хрипя и лязгая металлом, порождение тёмной воли мчалось на запах человечины... К ближайшей деревне.

Он никогда не пребывал в таком отчаянии. Даже когда связанный тонул в реке. Даже когда выходил драться супротив кикиморы. Казимир бежал, что было мочи, понимая, что ничего не может сделать! Намотанный на кулак пояс разрезал кожу до крови, ведун то и дело падал, разбивая то лицо, то колени, то локти. Он бежал из последних сил, рыдая на ходу.

— Что же я наделал?! Что я наделал! — рычал он, захлёбываясь от собственного крика.

Когда Казимир выбежал к деревне, то стало яснее ясного, что там уже началась бойня. Несколько изб были обрушены, отовсюду слышались крики и стоны, воздух полнился лязгом оружия. Вбежав за частокол, Казимир едва не налетел на старосту. Тот, размахивая огромным двуручным топором, отбивался от порождения ведьмы. Были здесь и другие. Мужики дрались кто, чем горазд. Две руки-отростка селяне таки перерубили, но оставшиеся четыре орудовали без эмоций и страха. Они кромсали направо и налево, то и дело заставляя кого-то падать с криком боли. Едва завидев Казимира, Святогор завопил:

— Что застыл, ведун?! Делай же что-то, едрить твою жизнь!

— На капище! — проорал в ответ Казимир. — На капище заманите!

Бросившись прочь, он вдруг замер, ища кого-то глазами.

— Марфа вернулась? — крикнул он сквозь гомон сражения.

— Я здесь, — пискнула девушка откуда-то.

Она стояла на крыше своего дома подле отца, который сжимал в руках тяжёлый лук, посылая стрелы в чудовище.

— За мной! Скорее! Поможешь! — бросил Казимир на ходу, увлекая её за собой.

Девушка мельком глянула на батьку, но тот лишь кивнул в ответ. Она, видимо, уже успела поведать ему о том, что случилось в лесу. За спиной кричали и ругались, ревело чудовище, рычал огонь, свистели стрелы, и лязгало железо. Казимир вбежал в круг идолов, падая посредине. Силы почти оставили его, а дело еще лишь предстояло. Марфа опустилась подле, стараясь его поднять.

— Держись, Казимирушка! — шептала она. — Держись, миленький! Делать-то, что, скажи!

— К Перуну, — устало пробормотал ведун, пытаясь подняться на четвереньки.

Он был совсем плох. Все силы отдал на драку у избушки, да на бросок до деревни. И тогда Марфа потащила его на себе. Кряхтя и охая, девушка взвалила спутника на тощую спину и понесла к идолу Перуна. Уложив Казимира подле божества на траву, она принялась растирать ведуну лицо, всё время шепча:

— Казимирушка, милый, очнись! Ну же! Ты сможешь! Давай! Ты всё сможешь!

— Спасибо, — устало ответил он, ухватывая девушку за плечи. — Спасибо, Марфушка... Спасибо. И прости... Так надо.

Она непонимающе уставилась на него, а затем на костяной кинжал, который пронзил живот. Её руки было взметнулись, чтобы оттолкнуть предателя, но силы покинули так быстро, что она лишь завалилась вперед, уткнувшись в шею ведуна.

— Прости, Марфа, — снова прошептал Казимир, сотрясаясь всем телом и роняя слёзы. — Так надо...

Вздохнув, он вырвал кинжал, открывая рану. Кровь хлынула, заливая колени ведуна. А он черпал её. Черпал полными пригоршнями, орошая рот идола. Синее небо почернело. Тяжелые грозовые тучи из ниоткуда затянули горизонт. Приближающиеся раскаты грома то и дело оглашали мир, ослепительными вспышками разрывая пространство. Омерзительное чудовище влетело на капище, увлекаемое толпой.

— Казимир, оно здесь! — взревел староста Святогор, да так и осёкся, уставившись на ведуна.

Его живот, руки и колени заливала кровь. Марфа валялась в ногах, недвижимая, потерянная, бледная. Её глаза закатились, а силы окончательно покинули несчастное тело. Чудовище почуяв кровь, глянуло на девушку. Казимир поднял перед собой руку, сжимая оберег Чура. Пальцы разжались... Оберег упал в траву... Порождение ведьмы хищно зашипело, словно лишь теперь увидав ведуна, и ринулось в атаку!

— Перун — мой отец, а я его сын, — сухо обронил Казимир, выбрасывая перед собой костяной кинжал. — Приди же, отец. Даруй мне своей силы!

Раскат грома вдарил вновь с утроенной силой. Селяне попадали наземь, трясаясь от ужаса. Сверкающая и ревушая молния, ставшая продолжением руки Казимира, вонзилась прямо в грудь чудовищу, испепеляя его. Пахнуло жареным мясом и горячей травой. Полный боли и разочарования низкий нечеловеческий вопль вырвался из груди отродия. Оно стонало и рыдало, корчась в безумной агонии, катаясь по поляне, силясь сбить очищающий небесный огонь. Пламя вспыхнуло ещё жарче, шипя под первыми каплями начинающегося ливня, беспощадно пожирая отравленную плоть. Наступила гнетущая тишина... Только шумел дождь. С неба срывались тяжёлые капли, заливая лица перепуганных и ошеломлённых людей. Они смотрели на ведуна, а он на них не в силах что-либо сказать.

Снова громыхнуло, но уже в отдалении. Казимир ахнул, словно придя в себя. Зажмурился, сжал кулаки и тяжело ступая, покачиваясь, как после хмельного буйства,

побрёл прочь. Никто не обернулся, покуда он шёл мимо.

— Горе-то какое, — причитали бабоньки.

— Говорил же я, не так с ним было что-то... — бубнил скрипучий дедовский голос.

— Жертву принёс... Как есть жертву! Он жрец евоный, а не ведун никакой!

— А не он ли наших девок-то скрадывал?

— Пропавший человек и деревню всю в пропасть утянет!

Перешёптывались негромко, но Казимир всё равно их слышал. Он не пытался что-то объяснить или оправдаться. Да и что тут можно сказать? Ему не было прощения прежде всего перед собой. В голове безостановочно звенели одни и те же его собственные слова:

— Что же я наделал?

Лес принял в свои объятия трясущегося от холода ведуна. Одежда промокла и неприятно липла к телу, но он не чувствовал холода, хоть и трясся, стуча зубами. Ноги супротив воли несли прочь, подальше от места капища. Куда угодно, на край земли, а хоть бы и под землю, только подальше отсюда! Казимир не позволял себе и мысли о том, что всё случившееся вина ведьмы.

«Она же не соблазну поддавалась... Не лёгкий и прямой пусть избрала... Такое, чтоб простая баба сама без помощи чьей сдюжила, да выстрадала... Заступника для селян из плоти и крови смастерила. Да, кровавого и злобного, ну да как умела, вестимо же... Деревню режут да жгут. Люди умирают! А кто за них впряжётся? Кто скинет ярмо, да степняков отвадит? Дура, конечно... Да и я дурак, уж и верно Милолика подметила. Подумать только, правдуруб, мудрец, мать твою ети, выискался! — Казимир молча шагал прочь, ещё не зная куда и зачем идёт, но мысли чернее грозовых туч, что он призвал, не давали покоя, разрывая душу на части. — Теперь что? Нету ведьмы, нету её чудища... И толку-то? Ушедших за грань не возвратить. Ужель все их смерти напрасно случились?».

Казимир остановился, не в силах идти дальше. Обхватил берёзовый ствол, прильнул лбом и не зарыдал, глухо завыл. Но не было уже ни слёз, ни к себе жалости. Несправедливость и злоба селян родной деревни, оставленная в далёком, как ему теперь казалось, прошлом, ныне уже не будоражила сознание, не казалась незаслуженной.

«Люди ведают правду, зрят в корень и вскрывают сокрытое. Лучше б и правда утопили».

Плечи ведуна содрогнулись в неслышимом крике отчаяния, а истерзанное тело медленно сползло, цепляясь обессилившими руками за ствол дерева. Казимир замер, словно и дышать перестал. Уж неведомо сколько пролежал он так, а тем временем смеркалось. Небо споро очистилось после грозы божественной и теперь пылало красным заревом. Из-за плотного строя деревьев не виднелось уходящего в закатные дали солнышка, только последние лучи его отбрасывали убаюкивающие блики на замирающий живительным сном мир. Но в лесу было беспокойно. Чёрный день ещё не закончился. В отдалении раздались крики да гомон идущих на расправу людей. Они нарочно шумели, ни то зверьё отгоняя, ни то самих себя подбадривая.

— На кол посадим!

— Лучше на дыбе растянуть!

— Ведунов надо в колодцах топить!

— Ополоумел совсем? Откуда ж потом воду таскать? Сжечь его надо, как есть сжечь!

— Можно и просто башку снести.

— Эй, Казимир, ядрёна вошь? Ты где прячешься? Выходи, покумекаем, что делать с тобой!

В их криках не было обычной людской злобы, они и правда жаждали справедливости и всё ещё были перепуганы, но всё-таки шли его убивать. Казимир не винил их и понимал.

«Им страшно. Не каждый день выпадают столь жестокие потрясения. Да и как такое пережить? Злодей должен быть наказан, иначе, как понять, что всё кончено? В лиходейство Милолики теперь уже и не поверит никто. Ведь нет её. Нет убийцы, нет и преступления. А моя вина, вот же она, на руках, алым цветом растекается».

Казимир, словно, не слыша приближающихся криков, сулящих ему беду и гибель, поднял к лицу ладони. Они очистились, не осталось и капли крови невинной девушки. Дождь смысл всё, унося в землю плату суровым богам. А гвалт разъярённой толпы приближался. Уже и видно было огни факелов, скачущих в сумерках, да отблески вил, на которые его и насадят.

«И поделом мне, — решил Казимир, перевернувшись, да спиной к берёзе наземь усаживаясь. — Пусть народ свершит то, что было предначертано. Раз ушёл от судьбы, да теперь с нею не разминусь».

Ведун закрыл глаза и стал ждать. Хищное бормотание и злословие преследователей звучало всё ближе и ближе. Сквозь опущенные веки уже мерещились подошедшие вплотную языки пламени. Казимиру казалось, что вот-вот грубые и сильные руки вздёрут его тщедушное тело вверх, да со всех сторон посыпятся на спину удары дубин и палок. Он не будет кричать, не будет молить о пощаде и ответит за всё... Но только... где же они?

В лесу снова было тихо. Дождь совсем кончился, и даже редкие капли, срывавшиеся с листьев уже отзвучали. Казимир распахнул глаза и уставился перед собой. На него смотрел огромный заяц, который размерами мог посоперничать с матёрым кабаном. Существо переминалось на мощных, бугрящихся мышцах, лапах. Его изумрудные глаза глядели на ведуна с каким-то лихим задором. Ведун оглянулся по сторонам. Вокруг них образовалось кольцо из пожухлой травы и листьев, взметнувшихся в воздух. Они кружились и танцевали, подхватываемые незримыми потоками ветра. Заяц довольно фыркнул, застучав задней лапой, почёсываясь.

— Не надо было меня прятать, — вздохнув, молвил Казимир. — Я заслужил их гнев.

Леший повёл носом в сторону, втягивая ноздрями воздух, словно забыв о своём госте, привстал на задних лапах и огляделся. Ведун хотел было ещё что сказать, да прикусил язык. Хуже дурости да самонадеянности, только неблагодарность. Лесной владыка явился без спросу, да он ему и не нужен в собственной волости. Заяц снова глянул на Казимира, цокнул острыми резцами, и сорвавшись с места, бросился прочь, подняв целое облако желтых листьев. Провожая его взглядом, ведун лишь подивился прыти и первородной мощи лешего. Каждый прыжок по две-три сажени, а лапы, словно и не касаются земли. Не скачет, парит будто. Прыг-скок и уж нет его, скрылся с глаз, даже спасибо не дождался.

Казимир просидел на земле ещё с час, но так и не дождался заслуженной расправы, с которой смирился. Уже совсем стемнело и наконец стало холодно. Промокшая одежда, казалось, вытягивает из тела последние капли тепла. Ему было пришла в голову шальная мысль, не остаться ли вот так сидеть на земле, покуда не околеет, но ведун её тотчас отмёл, как постыдную.

«Ежели лесной владыка спас, то позор мне самого себя в его же доме умертвить. Лить слёзы да волосы рвать, оно всегда проще, чем расплачиваться. Раз снова со смертушкой разминусь, значит надобно платить. Платить работой и знанием. Не заслужил видать лёгкой гибели, придётся ещё помучаться».

Тяжело поднявшись на ноги, ведун просто пошёл вперёд, особо не задумываясь, куда именно. Сейчас это не имело никакого значения. Ум подвёл, не разгадав окаянный умысел, а значит пришло время довериться сердцу. Неужто на роду ему начертано — метаться аки перекасти-поле. Лишь две луны минуло, а вновь шагал Казимир не куда, а откуда, погоняемый роком людской ярости. На лице даже улыбка проступила:

— Коль суждено ещё будет к какой деревне прибиться, сразу как на духу скажу, чуть что не так, бейте стрелой, ребята, чтоб наверняка, а то потом уйду — ноги собьёте, да не сыщете!

Бродить впотьмах, то и дело натываясь на стволы деревьев, было тем ещё удовольствием. Однако Казимир, словно зарок себе взял, топать прочь, покуда удача сопутствует. Несколько раз ему слышась переключка волчьей стаи, но серые охотники не спешили полакомиться человечинной. Их глаза то и дело мерцали в ночи, но дальше соглядатайства дело не заходило. Где-то в вышине укрытых тьмой крон елей посвистывал соловей. Его трели не вязались с промозглой хмарью и клонящим к земле разочарованием, которое Казимир нёс на своих плечах. Птичке было невдомёк о людских чаяниях, о кровавых серых разбойниках, рыщущих в желтеющих лапах папоротника, она радовалась величественной силе ночи и собственной жизни.

Не разбирая дороги и не думая о привале, Казимир вышел на знакомую полянку, которую признал даже впотьмах. Тело Милолики покоилось на том же месте, где он её оставил. Рядом зияла рваная рана на теле земли, в которой ведьма хранила своё чёрное детище. Постояв, безучастно глядя на обрубки человеческого тела, Казимир понял, что не чувствует пред ней вины. Если у селян и были основания желать ему смерти, то ведьма снискала гибель от собственной твари. А сколько жизней она вложила в чудовище? Девичьи сердца были защиты в уродливое страшилище, продлевая тому век, преобразуя колдовскую силу в неслыханную мощь неживого служителя. И всё-таки стоило простить и её.

Казимир без особого трепета, но с должным почтением собрал останки жены старосты, сложив в яму, из которой накануне на него выпрыгнуло чудовище. Её подлежало бы сжечь, но с собой не нашлось огнива, да и сухих веток после дождя не сыщешь. Ведун покинул деревню, как пришёл, то есть ни с чем. Но всё ж таки оставлять тело ведьмы на произвол судьбы, было нельзя. То не обычный человек, который отдав душу станет землёй, да прокормом лесному жителю. Милолика служила тёмной и мрачной силе, мощи которой нельзя было преклониться, но и недооценить. Ещё наставник Огнедар рассказывал истории о том, что случалось, когда загнанную ведьму пленяли и убивали на месте, опосля должным образом не захоранивая. Последствия выдавались самые, что ни на есть разные. Сжёгшая собственную душу нечистая, могла переродиться в кикимору или одноглазое лихо. Знающая дорожку к прежнему дому, такая тварь бы ещё век являлась будоражить близких, завывая по ночам под стенами, да заглядывая в окна. И ладно если только пугать. Многое зависело от силы ведьмы при жизни. Ежели девка была сбившейся с пути деревенской знахаркой, нахватавшей всякой дряни не пойми где, то ещё полбеды. Повыть да курей потаскать, вот и всё злодейство. Но горе тому селению, к которому присосётся былая в немалой силе при жизни ведьма, аль служительница Мораны, не приведи милостивые боги... Она будет вселяться в слабых умах, наводит порчу, сбивать с пути на лесных тропах, и собирать под свою длань упырей.

Казимир с сомнением покосился на избушку, возвышавшуюся на высоте добрых двух

саженной. Два столба служили ей опорами, а рядышком имелась лестница, ведущая к дверке в полу. Сейчас, когда вокруг царствовала непроглядная тьма, попривыкшие к черноте глаза, различали таинственное тусклое свечение, тянущееся из единственного крохотного оконца.

«Входить в жилище даже мёртвой ведьмы — непотребство, — твёрдо сказал сам себе Казимир. — Особенно ночью...».

Но что делать с останками Милолики, всё ещё было не ясно. Наконец, решив дождаться утра, ведун наспех завалил новоиспечённую могилу камнями, набросав сверху елового лапника.

«Чтоб зверьё не растащило, покуда я спать буду, — решил он. — А сил уже нет совсем».

Право слово, он валился с ног, едва цепляясь за тончайшую границу яви, из-за которой манила очищающая дрёма. Сколь бы безрассудно это не было, пришлось взбираться по лестнице в избушку. Казимир слишком вымотался за минувший безумный день, к тому же давала о себе знать рана в боку. Разливавшаяся от неё волна боли, холодила плоть, отчего уже начала отказывать левая рука. Толкнув узкий люк-дверцу, ведун вполз в ведьмовское жилище, несомненно ожидая какой-нибудь пакости. Однако, внутри оказалось тепло и сухо. Здесь приятно пахло травами, сушёными грибами и вяленным мясом. Казимир старался не думать чьим именно. У стены напротив оконца, громоздился стол, от которого и исходило замеченное с улицы свечение. Но сил и желания разглядывать Милоликину утварь у ведуна не нашлось. Прикрыв дверцу, он лёг прямо на неё, блокируя проход собственным телом, и тотчас провалился в спасительный сон.

Глава 6. Прощание с ведьмой

Казимир очень быстро заснул вопреки тревогам и сомнениям, обуревавшим его в ведьмовском жилище. Измождённое тело кричало о том, что не выдержит и толики испытаний сверх полученного, но упрямый разум не давал ему окончательно забыться. То и дело ведун просыпался, ненадолго выныривая из туманного омута забытья. Порой это были краткие моменты, один вздох и беглый взгляд, только чтоб удостовериться — всё в порядке. Сушёные коренья, подвешенные к потолку, напоминали сморщенные пальцы старухи, которая тянулась к его горлу. В шелесте ветвей за стеной слышались удары крыльев хищной вороньей стаи, явившейся по душу убиенной служанки смерти. Время от времени, пол едва заметно покачивался, а избушка ходила ходуном, словно столбы опоры уходили в вязкую болотистую землю.

Казимиру снилась буря. Далеко на востоке, там, где к небу тянулись хребты таинственных остроконечных гор, поднималась кровавая заря. Эта стихия не была бездушной, кажется, она даже имела имя... Но оно терялось, утопало в водовороте вспыхивающих искр бурлящего рока неистового и пылающего ветра. За волной шла новая волна, ещё выше и злее предыдущей. Шипение и клекот разрывали пространство, обрушивая частоколы деревень и стены городов, сжигая в пепел леса и высушивая реки. Даже вековые валуны лопались, обращаясь в прах, уносимый прочь ветром.

Среди царящего безумия разыгравшейся стихии, купающейся в собственной пьянящей силе, Казимир видел и себя. Он смотрел словно со стороны, наблюдая едва различимую хрупкую, согнувшуюся под непосильным натиском, фигурку. Вокруг плавилась руда, а земная твердь трескалась, открывая широкие расщелины. Потоки огненного ветра срывали одежду и воспаляли кожу, казалось, вырывая само естество Казимира. Вот, он поднял руку, закрываясь от потока лавы, хлынувшего прямо в лицо. Бурлящий красный цветок окутал непокорного, обнимая сжигающими в пепел лепестками. Потоки незримого ветра обрушились сверху, подхватывая останки... Но, когда волна огня схлынула... на том же месте снова стоял он, невредимый, сверля взглядом бушующий океан пламени у горизонта.

Ведун проснулся, разбуженный собственным стоном. Кажется, во сне он перевернулся на раненный бок. Запустив руку под рубаху, Казимир осторожно коснулся раны. Её края горели, отзываясь невыносимой болью при малейшем давлении. Свось тряпку, которой было завешено крошечное оконце, уже проглядывали робкие лучики света. Свалившись спать, будто падал за смертью, он даже и не подумал о том, чтобы закрыть ставни. Это было не слишком умно, сквозь окно посреди леса в дом могло проникнуть, что угодно, начиная от змеи и заканчивая не в меру любопытной аукой. Но раз ничего плохого не случилось, оставалось лишь порадоваться, что не пришлось всю ночь вдыхать ароматы ведьмовского жилища. Мало ли, что здесь хранилось? Казимир с интересом огляделся по сторонам. Сжав зубы, он подавил стон, вырвавшийся из глотки, при попытке встать. Бок нещадно саднило.

«Да, хорошо же она меня приложила. Видно, в рану попала грязь, — подумал Казимир, осторожно и аккуратно стягивая рубаху через голову. — Яда на клинке быть не могло. Это ритуальный нож, не боевой».

Беглый осмотр раны позволил сделать обнадеживающие выводы. Края кожи в месте укола уже подёрнулись бурой корочкой и начинали затягиваться, но оставлять такое на самотёк всё же было небезопасно. Кряхтя поднявшись, ведун подошёл к окну и сдёрнул

занавесь. Солнце уже стояло в зените.

«Сколько же я проспал?».

Внутри избушки оказалось не так мрачно, как Казимир ожидал. Тут не хранилось мрачных атрибутов вроде потрохов невинных жертв, развешанных вместо украшений. На всех стенах, кроме той, в которой было единственное окошко, имелись заполненные до отказа полки. Глиняные горшки, деревянные ступки, шкатулки, свёртки, чего здесь только не нашлось! В достатке имелись, подвешенные на медные крючочки, различные заготовки, и назначение большинства из них ведун прекрасно знал. Взять, например, пучок сушёных лягушек. Все как на подбор коричневые — торфянки. Казимир осторожно вытащил одну из связки, рассматривая. Аккуратные, можно даже сказать филигранные надрезы, внутренности извлечены. В измельчённом виде такое мясо добавляют в похлёбки пожилым людям, чтобы почистить кровь и укрепить сердечную мышцу. Подхватив глиняную банку, Казимир осторожно встряхнул её, прислушиваясь к звуку, а затем открыл — доверху наполнена мёртвыми кузнечиками.

«Как удачно, — подумал ведун, высыпав на ладонь штук десять. — Интересно, есть у неё тут мёд?».

Исследовав недра массивного сундука, найденного под кроватью, Казимир довольно ухмыльнулся в усы. В его руках оказалась деревянная кадка, под завязку наполненная пахучим и слегка кисловатым диким мёдом. Уложив кузнечиков на дно ступы, ведун хорошенько их растёр. Затем, порывшись среди многочисленных полок, нашёл ещё два важных компонента — корень алтея и тысячелистник. В углу избушки была обустроена крошечная печка, в неё едва помещался котелок. Измельчив растения, ведун бросил их в воду, разведя в огонь, и принялся кипятить. По избушке разнёсся приятный травяной аромат. Он успокаивал и придавал силы. Казимир на какое-то время даже забыл о том, что произошло вчера, всецело погрузившись в любимую работу. Когда отвар был готов, ведун осторожно подул на него, попробовав на вкус.

«Годится», — он мысленно кивнул сам себе, вливая содержимое котелка в ступу с толчёными кузнечиками.

Затем, добавив в полученную смесь дикий мёд, принялся размешивать, выверенными круговыми движениями. Не прошло и часа, как свежеприготовленная целебная мазь уже была нанесена на рану. Запах стоял донельзя резкий, но Казимир тотчас почувствовал облегчение. Боль послушно отступила, а жар сошёл на нет. Пошевелив левой рукой, ведун понял, опасность миновала, заражения нет.

Выглянув на улицу, он уставился на заваленную камнями и лапником могилу ведьмы. В глубине души Казимир хотел, чтобы её не оказалось внутри. Даже сама мысль о том, что придётся снова с ней возиться угнетала его. Правда, представить, что тело исчезло было попросту страшно — а ну как вернётся, обезумившим упырём иль чем похуже! Ведун мрачно нахмурился, уж очень хорошо он знал сказки да былины о том, что они и правда имели обыкновение возвращаться. По сути своей ведьма — обычный человек из плоти и крови. Но в то же время и не простая деревенская знахарка, хапнувшая откуда-то запретных знаний. Ведьмой не могла стать любая женщина.

То, что тянуло к таинственным и жестоким проявлениям ворожбы, исходило даже не из сердца, а намного глубже — из недр самой души, где в самых отдалённых и мрачных уголках спали отголоски первых диких богов, имена которых давным-давно позабыты. Не удивительно, что после смерти с такими сущностями происходило всякое. Тут уже всё

зависело от заслуг при жизни, а если точнее, от тяжести вины. Если ведьма в основном промышляла простецкими заговорами да проклятиями, варила приворотные зелья да насылала понос на неугодных соседей, считай, повезло. Могилка, конечно, та ещё будет, но опосля сожжения, всё одно, лучше закопать в определённом месте. Ежели её дух и будет лунными ночами бесчинствовать, то в отдалении от людей и далеко от последнего пристанища уйти не сможет. Казимир не раз задумывался о том, что происходит с такими душами после смерти.

«На долгие годы оставаться привязанным, словно собака на цепь к одному месту, — размышлял он, ни то жалея, ни то страшась. — Незавидная участь. Ещё б им не безобразничать! При таком-то посмертии, кто хошь, начнёт шебуршиться».

Но то простые ведьмы, можно сказать, незлобливые. Совсем другой разговор, коли при жизни помимо пакостей, водились смертоубийства. Тяжкий груз висел на плечах тех ведьм, а дух становился чернее ночи. Распрощавшись с жизнью, они и скитались дольше, и были опаснее. Однако совсем худо, коль ведьма не чуралась проведению ритуалов в которых использовала невинных, то есть младенцев. Право слово, то ведь и не ведьма уже была, а служительница Мораны. Для такой твари не находилось места ни под землёй, ни на земле, ни на небесах. Могучие сущности, что рождались после их смерти, приносили лишь одно — мор. Огнедар сказывал, что после убийства служительницы Мораны, за год окрест того места, где её настиг рок, выкашивало целые деревни, но не находилось снадобья, способного помочь супротив чёрного проклятия мёртвой жрицы.

Казимир долго смотрел на еловые ветки, скрывавшие тело Милолики, и наконец решился. Сплюнув под ноги от досады, он подхватил с полки огниво, достал из-за печи топорик и спустился на землю. Валежника окрест было мало, приходилось заходить довольно далеко, что очень нервировало ведуна. Он хотел покончить со всем, как можно скорее. Веточки споро лопались под ударами топора, а руки, словно, и не чувствовали устали. Казимир любил монотонную работу, это позволяло думать, не привлекая к себе лишнего внимания. Ещё в родной деревне, ему приходилось скрывать то, что он любил иногда просто помечтать, представляя далёкие чужестранные земли и города.

— Смотрите-ка, опять замер, что твой жёлудь на ветке! — говаривали про него селяне. — Нет бы делом заняться, а он зенки вылупил и пырится куда-то!

Вскоре посреди полянки высился огромный настил из дров, способных гореть несколько часов к ряду. Казимир придиричиво осмотрел его, дважды пересобрав, опасаясь, что во время горения конструкция развалится. Всё должно сделать за один раз.

«Не важно, кем она была, хоть и ведьма. Последние почести нужно отдать по совести».

Убедившись, что лучше и не сделаешь, ведун направился за телом. Он прятал её ночью, не особо вдумываясь, что и куда положить, впотьмах и не видать ничего. Едва останки ведьмы показали на свет, Казимир вздрогнул, побелев, аки скатерть. Правая нога, как всегда, застучала супротив воли. При жизни Милолика была очень статной и красивой женщиной, теперь же то, что оставило от неё чудовище с серпами, совсем не походило на прежнюю справную бабоньку. Перекошенное от злости и боли лицо было залито запёкшейся кровью, прекрасные мягкие кудри превратились в скомканные лохмотья, руки, ноги, тело... Ведун отвернулся, но, совладав с собой, бережно перенёс останки, уложив на костёр. Огниво трижды чиркнуло, выбивая сноп искр. Взметнувшиеся язычки пламени, принялись жадно пережёвывать угощение.

— Упокойся с миром, Милолика, — проговорил Казимир, взглядываясь в огонь. —

Поздно я пришёл. Не с той силушкой ты спуталась. А всё одно, желаю, пускай они простят тебе. Добрые души, они и мёртвыми зла не держат. Пускай они простят... А ты спи. Я знаю, что ты хотела, как лучше... Не вышло... Что поделаться... На то мы и не боги.

Постояв немного, ведун, смахнул одинокую слезу, всё-таки скользнувшую по щеке, и вернулся в избушку. Сев за стол, стоящий перед окном, на коротенькую лавку, Казимир устало опустил голову и закрыл глаза. Когда пламя отгорит, останется лишь закопать пепел, и дело сделано. Просидев так незнамо сколько, ведун снова воззрился на внутреннее убранство избушки. Успев изрядно тут похозяйничать, он вдруг понял, что ему здесь нравится. То, что первоначально воспринималось как осквернённое жилище подлой ведьмы, вовсе не выглядело таковым. Избушка казалась укромной и уютной, кроме того, здесь был идеальный порядок — признак женской руки. Каждая склянка и чарка, кубок, ступка или катка стояли на своём месте. Мало того, ведьма собрала очень внушительное количество компонентов для ворожбы и приготовления снадобий. Всё это не накопишь за один летний сезон, то были плоды многолетней кропотливой работы. Казимир ещё не решил куда подастся теперь. Он был бобылём, без гроша за душой. Ежели совсем по чести, Казимир и деньги то видывал лишь единожды. Как-то раз Огнедар показал ему блестящую металлическую шуковину, на которой был изображён всадник с мечом в руке.

— Дивись, засранец, — довольно щурясь, громыхнул наставник. — Это, Казимирка, царьградский сребреник. За такой можно у Любомила, что за речкой живёт, пяток самых лучших соболиных шкурок выкупить.

С тех пор, Казимир больше монет никогда в руках не держал. Теперь же у него и вещей-то своих кроме рваной и заляпанной кровью рубахи, да штанов с лаптями не осталось. Потому бросать сокровища, накопленные ведьмой за годы трудов, казалось неразумным. Из размышлений его вырвали людские голоса, доносящиеся из-за окна. Ведун даже не сразу понял, что тут быть никого не может, а когда выглянул наружу, уж стало поздно бежать — толпа, вооружённая луками и топорами, вывалила на лужайку, окружая костёр и избушку.

— Эй, ребят, а чой-то там дымит?

— Найдён, нукося, подцепи!

Раздались ахи, да охи.

— Мать честная...

— Это ж тело людское!

Казимир замер, даже перестав дышать. Нога предательски забарабанила по полу.

— Мужики, там кто-то есть!

«Проклятие, — прохрипел Казимир, не разжимая зубов. — Вот и отбегался».

— Выходи, кто есть!

— Спускайся, давай!

— Милушка? Ты здесь? — с надеждой в голосе спросил Святогор.

Казимир не хотел отвечать, но не делать ничего было ещё хуже.

— Милолика была ведьмой, — наконец крикнул он в ответ, высунувшись в окно. — Это она девок резала, да ту тварь скроила, которая чуть всю деревню не уничтожила!

— Брешет, гнида! — взвился староста, глянув на селян. — Ведь, как дышит же брешет!

Обернувшись к окну, Святогор потрясая кулаками с ненавистью уставился на ведуна. На его лбу вспухла пульсирующая жила, а лицо приобрело пунцовый оттенок.

— Ты и мизинца ейного не стоишь, сопляк! — взревел мужчина дурным голосом, едва не визжа от ярости. — Что ты натворил, чужеяд проклятуший?! Это что, она? Моя

Милушка?! — он указал на костёр.

От злости мужик едва мог членораздельно разговаривать. У старосты тряслись руки и сводило челюсти. Выхватив что-то из-за пояса, ведун не успел разглядеть, что именно, Святогор швырнул предмет в сторону Казимира с такой силой, что тот едва успел отскочить от неминуемой смерти. Хищно шипя в воздухе в избушку влетел топор и вонзился в бревно противоположной от окна стены почти на полпальца. Раздался необычный звук, словно кто-то ойкнул, но ведун не придавал этому значения, он был ошарашен произошедшим.

— Ты знаешь, что я прав! — прокричал Казимир, трясась от страха, прижавшись к стене подальше от окна, и уже не высовываясь. — Все знают! У баб спроси! Милолика у них урожай отнимала, чтобы не работать, а сама сюда таскалась. Это её избушка, её тварь нас подрала вчера!

Ответом была тишина. Никто не спешил опровергать слова ведуна, похоже, все действительно знали, что за Милоликой тянулся странный след из лжи и сомнительных делишек. Ведун замер, не веря, что всё-таки сумел пронять их.

— Знаю, говоришь? — снова раздался голос Святогора. Теперь он говорил медленно, и как-то странно, будто запыхавшись, словно изо всех сил сдерживался. — Спускайся, Казимир... По-хорошему... Спускайся, и потолкуем.

Ведун помолчал, собираясь с мыслями. Ещё вчера расстаться с жизнью казалось запросто. Он был почти рад этому и даже приготовился умереть. Но теперь, когда внизу стояла вооружённая толпа, уверенности как-то сразу поубавилось. Казимир отошёл от ночного потрясения и понимал, если в случившемся и есть его вина, то уж кому-кому, а не Святогору его судить.

— Нет, — коротко бросил он, всё так же не высовываясь.

— Рубите опоры, — бросил своим Святогор, а затем добавил, уже для ведуна. — Я с тебя шкуру спущу прямо здесь. Даже не надейся помереть быстро, гадёныш!

Гомон приблизился, а потом споро застучали топоры, но тут избушка пришла в движение. В начале Казимир решил, что она закачалась от ударов по опорам. Как вдруг, услышал низкий скрипучий голос.

— Кто это здесь балуется?

Из-за окна послышались встревоженные окрики.

— Нечистая!

— Там ещё кто-то в хижине?

— Что это за голос? Никак лешего прогневали!

— Кто это сказал? — прошептал Казимир, явственно понимая, что необычный голос звучал неподалёку от него, будто бы прямо из-за печи. — Ты домовой?

— Лесовой, — дребезжа, издевательски протянул незнамо кто. — Ты чавой тут у меня, в гостях что ль? Кто таков?

— Я Казимир, — ответил ведун, совсем побледнев. — Теперь я хозяин дома.

— Хозяин? — неуверенно проскрипели из-за печи. — А где госпожа?

— Умерла.

— Понятно... — повисло молчание, нарушаемое лишь скрипом дерева по дереву, который теперь не прекращался. — Хозяин, значит, сказываешь... Ну, подтверди себя, хозяин... — последнее слово вновь прозвучало как-то издевательски. — Ладони закрови и на стол!

Снаружи, кажется, немного отошли от первого потрясения. Крики селян, возглавляемых

Святогором, снова звучали отовсюду. Похоже, они решили-таки расправиться с ведуном.

— Тащите сюда поленья из костра! — кричали одни.

— Жги деревья вокруг, мужики! — вторили им другие. — А пока по столбам и-и-и-и раз!

Стук топоров возобновился. Избушка снова ни то охнула, ни то застонала. Казимир не понимая, что и зачем делает, судорожно искал нож, второпях мечась по комнате, как ужаленный. Он даже упал, споткнувшись о скамью и больно приложился челюстью об угол стола. Только оказавшись на полу, ему на глаза попался нож, он валялся здесь же. Глянув на тёмное бронзовое лезвие, ведун уже не сомневаясь, полоснул себя сначала по одной ладони, а затем по другой и уставился на стол. Приглядевшись, он заметил то, что раньше не приметил — на столешнице отчётливо виднелись два тёмных пятна, отдалённо напоминающих очертанием человеческой кисти. Казимир опустил руки, и едва его кровь соприкоснулась с деревом, избушка вздрогнула. Из печки пахнуло жаром, в ней само по себе вспыхнуло пламя, стены, будто пришли в движение, ходя из стороны в сторону.

«Сейчас развалится, — с ужасом подумал Казимир. — А там на земле и порубят меня...».

— Не бзди, не порубят, — раздался скрипучий голос. — Уйдём.

— Куда уйдём? — ошеломленно бросил Казимир, изо всех сил стараясь не свалиться. Избушка всё ещё раскачивалась, так, что пол то и дело уходил из-под ног.

— Да уж куда подальше, — ответил глухой и спокойный голос. — Кровь у тебя правильная. Хозяин... Ну, пускай так... Признаю. — И немного погода, скрипучий собеседник снова констатировал, — уйдём.

Осторожно выглянув в окно, Казимир увидел, как мимо мелькают деревья. Избушка споро бежала прочь, перебирая опорами, как ногами. Приоткрыв люк в полу, он в этом убедился. Вырванные из земли столбы оказались похожими на птичьи лапы с длинными загнутыми когтями. Ловко перебирая ими, избушка мчалась прочь от опасности, с лёгкостью расталкивая с пути стволы деревьев.

Глава 7. Изба

Казимир очнулся, разбуженный пением кукушки. Её тоскливый и одинокий клич разносился над лесом. То и дело птица смолкала, и когда уже казалось, что кукушкино горе отплакано, растерянное ку-ку раздавалось вновь. Казимир сонно потянулся, чувствуя себя свежим и, как будто, обновлённым. Рука не глядя скользнула под рубаху, ощупывая рану — тонкий рубец, даже корочка сошла.

«Надо же, как подействовало. Всего день-то прошёл... — раздумывал ведун, довольный собственным мастерством. — Или не день? А сколько?».

Сон давно как рукой сняло, но хотелось ещё немного понежиться в настоящей постели. Казимир по началу не решался даже прикоснуться к ложу почившей ведьмы, но усталость и интерес взяли своё. Едва спина опустилась на перьевую перину, ведун понял, что готов умереть прямо сейчас, лишь бы не пришлось с неё вставать. В родной деревне о такой роскоши не могли даже мечтать. Дед Огнедара спал на печи, а Казимира туда допускал только если тот был болен. Остальное время ученик ведуна довольствовался узкой дубовой лавкой, а ежели пожаловали гости, то и вовсе отдыхал лёжа на громоздком сундуке. Нельзя сказать, чтобы это было неудобно. Когда ты не знавал иного житья, то и мешковина с соломой сойдёт.

В деревне Святогора селяне предпочитали возводить вокруг печи полати, на которые устраивались те, кому почивать на печи ещё не полагалось по возрасту. Поверх таких кроватей укладывали солому и старую одежду, было достаточно мягко, всё лучше, чем на голом полу. Но то, что нашлось в избешке ведьмы... Это была настоящая постель. Конструкция стояла на четырёх ножках, скреплённых деревянными брусками. Ложе представляло собой сплетённую из тонких веточек корзину на дно которой была уложена перина, набитая перьями и конским волосом.

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Печальная птица вновь затянула свою бесконечную песню.

«Погадать, что ль? — подумал Казимир, и сам же себе ответил: — Э-э-э, нет. Да и зачем? Живым не положено знать о своей смерти. Ну, вот, пускай и правда то, что сказывают о плаче кукушки, услышанном по утру. Узнаешь ты, скажем, сколь лет тебе ещё отмерян срок. Что дальше-то? Вот, умру я через столько-то лет и столько-то зим. Как? От чего? Стрела сразит? Змея укусит? Может кикимора утянет? Болезнь скосит? Лихой человек дубинкой прихлопнет? Упырь на капище задерёт? Тут уж гадай не гадай, а птица тебе не помощник. Даже коль не обманет со сроком, ей твои чаяния не ведомы. А ты опосля не жить будешь, а доживать, суетливо думая и решая, как лучше распорядиться отведёнными днями».

— Изба? — позвал Казимир не вставая, с интересом ожидая ответа.

В ответ молчание. После бегства от разъярённых селян, они мчались прочь целый день и половину ночи. Казимир долго боролся со страхом, таращась в оконце, пока, наконец, не понял, что лучше просто лечь спать. Раз уж сберегла его жизнь чудо-изба, то и ещё однажды ей довериться можно.

— Изба? — снова позвал Казимир. — Чего молчишь? Спишь? Или я тебя обидел чем?

Раздалось приглушённое бормотание, напоминающее скрип дерева по дереву.

— Ты в постели лежишь?

— Лежу, — изумленно протянул Казимир.

— Тепло тебе там?

— Да, — рассеянно ответил ведун, чувствуя подвох.

— Мягонько?

— Спасибо, всё хорошо, — промямлил Казимир, уверенно приближаясь к буре.

— Так почто ты орёшь как оглашенный с утра пораньше? — возопила изба, грубым рычащим и донельзя рассерженным голосом. Из печки пахнуло жаром, а ставни единственного оконца громогласно застучали, открываясь и закрываясь. — Тебе жизнь сберегли? Вот и радуйся! Хозяин... грит, а? Слыхали его?! Я таких хозяев, знаешь, что?

— Что? — тихо обронил Казимир.

— Ни-че-го... — мстительно пророкотала изба, всё же потом добавив, злорадно и с издёвкой. — На ходу выкидываю!

— Прости меня! — ответил ведун, прижимая руки к груди. — Я никогда не встречал таких... как ты. Уж таков, видимо, мой удел... быть разочарованием для всех, с кем сводит судьба. Деда мой названный Огнедар всё шпынял, да лаялся. Чуть что не так, затрещину. Я ж по малолетству-то думал, что он просто злобствует, потому как старый и одинокий, а он был сильнейший ведун... учитель мой, наставник.

— Как-как, говоришь, деда звали?

— Огнедар. Мы в Вышках жили. Да токмо он не родной мне дед, подобрал, когда тятенька с матушкой в реке сгнули.

— Ведун... Огнедар Громобой... твой дед? — скрипнула изба, и Казимиру показалось, что голос звучал как-то по-новому, словно, изумлённо и неверяще.

— Да, говорю же, названный дед. Он приютил меня, когда я сиротой остался. Но чтоб громобоем его называли, такого не слыхивал. Ты, видать, обозналась.

— Что ты сказал? — встрепенулась изба.

— Названный дед прию...

— Нет, что ты в конце сказал! — рыкнула изба, заскрежетав брёвнами. Из печки вновь пахнуло жаром.

«Злится», — смекнул Казимир.

— Я никогда не слышал, чтобы его громобоем кликали. Наверное, ты обозналась и это не тот гром...

— Обозналась? Обозналась? Я тебе что? Баба?! — изба ходила ходуном от возмущения.

— А кто ты? — ойкнув, прошептал Казимир.

— Вали отседова, — рявкнула изба

— Прости, я не хотел...

— Ты, я погляжу, никогда ничего не хочешь! Припёрся, разлётся и обзывается! Вали отседова.

Казимир робко спустил с кровати ноги, натянул лапти да открыл дверь в полу. Поглядев вниз, ведун, немного помявшись, осторожно проговорил:

— Там топь.

— Вали отседова, — упрямо прорычала изба.

— Как я свалю? Там топь, посреди трясины стоим! Я таких болот и не видывал, кругом вода! — запротестовал Казимир. — Ты для того меня что ль спасала, чтоб утопить? — сказав последнюю фразу, он прикусил язык, поняв, что опять взболтнул лишнего.

— Вот уж в чём я нынче не сомневаюсь, дык енто в том, что мы об одном Огнедаре говорим, — вдруг бросила изба, словно отходя от ярости. — Он так и говаривал мне, мол,

Казимирка ентот — сущее проклятие. Дуб, дубом, так ещё и за языком никогда не следит.

Ведун осторожно, как бы невзначай опустил на место дверь, робко сядя на пол и спросил:

— Давно ты его знал? — Он так и не понял, как правильно обращаться к избе, но деревянная и к тому же одушевлённая сущность явно не приемлила к себе обращение, как к женщине.

Некоторое время изба молчала.

— Сказать по правде, я не знаю, сколько прошло лет, — прозвучал наконец ответ. — Ты же не понимаешь, кто я?

— Нет, — покачав головой, ответил Казимир.

— Я знался с твоим названным дедом, да и родную мамку с батькой могу припомнить... хотя память с годами вместе с трухой высыпается. — Скрипя начала рассказывать изба, но вдруг осеклась, меняя тему. — Кстати, а ты можешь дятла заговорить?

— Дятла? — опешил Казимир.

— Ну, птичка такая с красной головкой, дятел называется, — нетерпеливо проскрипела изба.

— Да, знаю я, как дятел выглядит... А на что его тебе заговорить-то?

— Короеды замучали, — посетовала изба. — Я хоть уж и не обычное дерево, брёвнами их гадов давлю, как могу, но иногда так заберутся, что никакого спасу нет... Щекотно и обидно. Мне бы своего дятла... чтоб чистил и ухаживал. Так как? Сговоримся? Подаришь мне дятла?

— Я подумаю, что можно сделать... — Казимир не мог отойти от предыдущего признания избы, и не знал, как осторожно вернуться к теме родителей. — Уж чем-то помогу, то обещаю.

— Вот это мне любо. Когда начнёшь?

— Да прямо сейчас и начну, — кивнул ведун, подходя к полкам со снадобьями. — А ты расскажи пока... про деда и родителей... Как бишь ты говорил? Знался?

— А-а-а это... Да, было дело. Твой батька мою рощу срубил... ну-у-у... считай годков эдак двадцать назад, а может сорок... Ох, память... Тьфу ты пропасть... В общем, лихой же мужик был, скажу я, тятенька твой! Как мы друг дружку мурыжили, ты не представляешь. Иной раз, ну, всё, думаю... Карачун тебе лесоруб вышковский и жинке твоей... Как бишь их звали-то... Ох, и не дали боги трухле старой памяти... Хм... Что-то такое... Горемык... Гостимир...

— Горисвет его звали, — хрипло ответил Казимир, боясь даже дышать, дабы не прервать рассказ своего спасителя.

— А мамку как-то на «д», да?

— Доля.

— Хех, ну, ты подумай! Вот не чаял, не ждал, что на исходе полувека с их сыном буду дела водить, поди ж ты в такое поверь! Погоди-ка, ты ж ведун, так? А можешь ли ты, ведун, — с надеждой в хриплом голосе, проскрипела изба, — Мне дятла заговорить?

— Ты уже спрашивал, — бросил Казимир, не отвлекаясь от работы. Он открывал различные кадки, извлекая на свет самые разные колдовские предметы, иной раз пробуя на зуб, нюхая, и раскладывал всё, что считал приемлемым на столе. — Сделаю, раз обещал. Ты продолжай, я страсть, как хочу всё знать!

— А, да? Ну, это добро. Это мне любо. Давай тогда трудись, не отвлекаю. Так, бишь о

чем же я? А, точно, Горисвет. Лихой был мужик. Я его и так и сяк путал, и тропинки местами менял, и пометки на деревьях ложные ставил, а он всё равно дорогу обратно находил. Жена его тоже... Стал быть мамка твоя, ну на что умная баба оказалась? Все мои уловки насквозь видела! Иной раз, я только подкрадываюсь, а сам думаю, сейчас как за косу хвачу, ох, завизжит, только пятки сверкать будут. А она развернётся, глазищами своими черными как глядь! Ты, говорит, чомор, руки свои от меня подальше держи, а то я тебе их вот этим самым топориком укорочу.

— Так ты чомор? — изумился Казимир. — А звать как?

— Был чомором... А кем прежде был и как звали... Я и не помню того времени. Это ж как давно было... У меня с годами не то, что память отшибает, иногда уже настоящее не шибко ясно вижу. Деревенею, стал быть. Трухи много, а жизни всё меньше.

— А отец значит твою рощу вырубил?

— Как есть, — скрипуче ответила изба. — По правде сказать, уж достал я его. Порой такие пакости творил, даже вспоминать стыдно. И чего я к нему привязался? А-а-а, пустое, уже не упомню. В общем рубил он мою рощу от души и с молодецкой удалью. Я поначалу только смеялся, затем ехидничал, затем гадствовал по-всякому, а когда одна осинка худосочная осталась, понял — карачун пришёл, да не по его душу. Я в то деревце вселился, думаю, костями лягу, всю силу отдам, но топору не взять меня. Но Горисвет тоже был мужик что надо. Он рубил меня день и ночь без продыху. Жинка придёт, уж плачет, оставь ты мол, то ж чомор тебя изводит, надорвёшься, да сляжешь, а ему только б этого и надо! Но Горисвет был упёртый, и когда ствол моей осинки хрустнул, надламываясь, и начал заваливаться, я понял, всё, пропал.

— А почему ты не сбежал? — окликнул его Казимир, с интересом ловя нить истории.

— Ты знаешь... Пожадничал я. У нас там с лешим были свои недомолвочки... Давнее дело... В общем я ту рощу, можно сказать, обманом у него оттяпал. Он, конечно, шибко злился, даже прибить обещался! — Изба издала звук напоминающий смех. — А когда Горисвет последнее дерево рубить начал, тут-то я и понял, без деревьев в земле у меня силы нет. Ежели останусь, леший тотчас изловит и накажет. Лесовику без леса не жить. Так меня и порубили твои батька с мамкой.

— А потом? Как ты в избу превратился?

— То ещё не скоро сталося... Не поспешай. В общем батька твой, часть брёвен продал, а часть пустил на строительство. Давай, говорит, Долюшка новый плот справим, уж на что добрые брёвна заготовили. Так и порешили, значит. Построили они новый плот, широкий и справный. Радовались, как дети, честное слово. И ведь не поверишь, именно бревно со мною, стал быть, туда и заложили в основание. То Долька, конечно, позаботилась, талантливая была девка, даром, что ведьма!

— Чтоо-о-о? — вскричал Казимир. — Ведьма? Моя матушка не была ведьмой!

— Это тебе кто такое сказал? — невозмутимо проскрипела изба.

Ведун подумал и не нашёлся, что ответить. Он лишился матушки во младенчестве, а иных родичей у него не было. Ведь и правда никто и ничего не сказал.

— Огнедар никогда об этом не рассказывал.

— Он тебе, как я вижу, много чего не говорил... Может боялся, что тёмная сила в тебе наружу вырвется? Может и потому... Но я так разумею, не хотел, чтобы тебя селяне на костре сожгли. Ты ж и так не в почёте ходил.

Это было верно. Казимира едва не утопили ещё малюткой, когда плот без родителей с

одним ребёнком причалил к деревне, придя против течения реки.

— Так вот Долька ведьма была талантливая, но не злобливая. Как на духу скажу, засматривался на неё. Да нашему брату такую себе не хотеть... как тебе сказать, чтоб не обидеть... В общем и баба, и ведьма была она, что надо. Любому лесному духу на зависть, а я не исключением был. Ничего Долька тогда мужу не сказывала, но точно чувствовала в дереве душу чомора, потому в плот то брёвнышко вложила. Я по началу испужался, страсть как. Думал, всё. Не убила, хуже того! Подчинила и служить заставит, да всякие гадости делать!

— Ты же говорил, что и так пакостничал? — бросил Казимир через плечо, растирая в ступе семена льна, потихоньку добавляя в них сосновую смолу.

— Пакостничал, а как же. А тут и вовсе струхнул. Но Долька никак не пользовала... Я про себя так рассудил — она всё про меня знала, что я стал быть, внутри бревна живу теперь, и таким образом наказывает. Я как-то, когда Горисвета рядом не было, так прямо и спросил, мол, чего тебе надобно от меня?

— А она чего? — Казимир едва ли не прыгал от нетерпения. История о его отце, матери... Сколько лет он мечтал узнать хоть что-то! А теперь слушал длинный и подробный рассказ о родителях от... избы.

— Доля сказала, будешь служить нам двадцать лет верой и правдой, тогда отпущу на все четыре стороны.

— Ежели говорить по чести, то оно и справедливо было, ты ж их убить пытался, — заметил ведун.

— Не было такого!

— Когда люди в лесу теряются, они иногда умирают. А ты говорил, что тропинки путал, да пометки прятал.

— Ой, подумаешь, смертоубийство! — скрипя, хохотнула изба.

— Ну и дальше-то что?

— Так мы и плавали по речке, друг другом довольные. Доля следила, чтоб муженек меня из воды на берег не забывал вытягивать, а я пороги и камни обходил за них.

— Так почему они сгинули? — спросил, наконец, Казимир то, от чего сердце не на месте было. Правая нога застучала по полу, а руки перестали его слушаться, затряслись.

— Это Милолика твою мать со свету сжила, — мрачно обронила изба, будто и правда сочувствуя. — Она заметила меня, когда Доля и Горисвет в Вантит на ярмарку приехали. У причала заметила, змеюка подколотная. Весь день охаживала да соблазняла, но я сразу понял — прикинусь-ка я бревном всамделишным, ох и не добрый глаз у ней, у ентной завистницы. Но та разузнала, что батька твой и мамка тама частые гости, и стал быть, ещё вернутся и не раз.

— Погоди, это ж сколько лет назад было? Она же совсем молодая... ну, была недавно.

— Ведьма, — рассудительно проскрипела изба. — Ты думаешь, она девок первый год ловит? Сердца она не для морды этой с серпами забирала, а для себя. Молодость Милолики давно уж была неприлично долгой, но кто ж станет на такое брехать. Красивая баба она читай миром и правит, хоть бы кто во главе него не сидел.

— Что она сделала? — дрожащим голосом спросил Казимир.

— Горисвета одурманила. Он тогда на ярмарку ушёл, а Долька на плоту с тобою крохой осталася. И так долго не было его... Долька не выдержала и пошла искать. Уж не знаю, что она там нашла, но орала знатно, когда муженька обратно привела. Я такой ярости от ней и

не помню... Ревела и лупила его. Потом вроде бы всё поуляглось... А как подалее от Вантита отплыли, тут у батьки твоего ум за разум... в общем, горе приключилось.

— Он сам убил мать? — мёртвым голосом, спросил ведун.

— Задушил. Так горло сжал, что оба вместе с плота в речку и плюхнулись, только и видели. А на берегу уж она поджидала... Стоит, рученьки потирает, у самой глаза ажно светятся, от радости... Не знаю, что тогда меня обуяло. Мне же в сущности, какая должна быть разница? Но я отчего-то твёрдо решил: Долька хоть меня и спеленала в своё время, но добра была. Не отдамся я и её дитяtko не отдам!

— Так это ты меня вынес к Вышкам.

— Я.

— Но как ты... Что стало с тобой? Почему ты...

— Изба? Это уже Огнедар постарался. Опосля того, как он тебя к себе взял, появилась Милолика. Пришла с охраною, как бы вроде за пушниной по делам купеческим, а сама прыг-скок и на пристань. А там я! Воровать плот, она, конечно, не стала. Купить хотела. А люди только руками разводят, мол, так нет же владельцев. Не вернулись пока с ярмарки, только плот их пустой прибило. А ей чего? Не скажет же, что сама их в пучину и столкнула, ведьма проклятая. Ну, Милолика походила-походила, да и спрашивает, а как же плот-то без хозяев возвратился? Тут то ей само собой болтуны всё и сказывали, так мол и так, чудеса, да и только. Ведьма, как только про дитяtko прослышала, ломанулася к Огнедару на поклон. О чем они толковали, мне опять-таки неведомо, да токмо видел я, как она улепётывает, только пыль коромыслом стояла. Огнедара я уже тогда знавал не понаслышке. Он был не просто ведуном, а Громобоем — знавался с Перуном и мог прибегать к его силам!

Казимир тотчас вспомнил, как сумел с первого раза призвать силу Небесного Отца, дабы испепелить поганое порождение ведьмы. Эх, видел бы его наставник! Оказывается, тот был таким же... Но каким именно?

— На следующий день Огнедар явился к реке, да на меня уставился, — продолжала рассказ Изба. — Ох и тяжёлый был взгляд у него. У меня даром, что бревно, а и то душа в пятки тотчас забила, хоть и нет их...

Казимир, понимающе ухмыльнувшись, кивнул, переливая полученное зелье в котелок, который установил в печь на огонь. Огнедар и правда мог даже взглядом заставить чувствовать себя ничтожеством, и как выясняется, эта способность действовала не только на людей.

— Мне коли уж совсем по правде, он и раньше то не нравился, когда от лесных соседей о нём слышал. А когда понял, что теперь в плену у него, и вовсе боязно стало. Огнедар отогнал плот подалее от деревни, разобрал, да и перетаскал на укромную полянку по брёвнышку. Свободы хочешь? Спросил он. Ясное ж дело, хочу, как не хотеть, — отвечал я. Долька же тебя наверняка на срок сковала, так? Так, говорю! Ежели её нет в живых, расколдовать, получается некому, так? Получается, так. Я об ентом как-то и не думал до этого, а тут и совсем зачух. Но Огнедар тут же порадовал, сынишке, ейной, грит, сослужишь. У него грит, судьба будет тяжкая, словно над головой ярмо висит, вижу, что худо с ним приключится тутать, но, как и когда — то не ведомо. В тот день он и решил из меня избу сложить. Мне, грит, из этих земель нету дороженьки, я тута родился, тута и помру. А Казимирку однажды надо будет вынести — вот всё, что могу сказать, иного духи не подсказывают! Видение, грит, мне было, что сгубить его попытаются. В нужный час, он сам к тебе явится, а ты унесёшь подобру-поздорову, за тридевять земель. Коли возьмёшься

сдержатъ эту клятву, мальчонок сам тебя опосля отпустит, уж я-то ему всё расскажу, да выучу.

Зелье медленно варилось на огне, булькая надувающимися вязкими пузырями.

— Но как ты попал к Милолике? — спросил Казимир, помешивая большой деревянной ложкой.

— А енто ещё годков через пять было. Огнедар справную избу из моих брёвен построил, да по замыслу решил мне ноги сделать. Чтобы я, стал быть, тебя унести от любых невзгод смог. То дело даже для ведьмы али колдуна не простое, а уж ведун-то деревенский и вовсе пупок развязать может, да ничего не получится. Но Огнедар смог... правда заплатил за это сполна. Он ворожил надо мной денно и ночью, покуда не добился результата, — у меня отросли всамделишные ноги.

— А как он заплатил за это? — спросил Казимир, уже догадываясь каков будет ответ.

— У него самого отнялись ноги. С той поры я его и не видывал. Он на силу уполз тогда в деревню, а обратно как воротиться? Тоже ползком не получится, а просить, чтобы носил кто... прознали б обо мне. Так мы и жили потом, он у себя, а я в лесочке. Я тогда про Милолику и думать уже забыл, да токмо она про меня не забыла. Хитрая баба она была, злющая. Уж не знаю как, но ведьма меня выследила. Она являлась постоянно, но ничего не просила, не требовала. Возникнет из ниоткуда и пялится. Я по началу хорохорился, делал вид, что вот-вот кинусь, да затопчу. А Милолика хитрая, приходит, смотрит, да восхищается. Спрашивает, как я слышу, как вижу, чего мне хочется. Так неделю за неделей... Эх, и ведь заморочила. Сам не помню, как, а она уже внутри всё обустроивает, под себя, значит.

— Поддался, стал быть, — хмыкнул Казимир.

— Клянусь, не помню, как она это со мной сотворила! Меня ж Огнедар-то как складывал, — чтобы я кровь только его, да твою помнил, только вам служил, да не мог послушаться. Но что она такое сделала, как в тумане всё... Раз, и служу уж ей, хоть ты тресни! Увела вон, бог знает куда, у себя в лесу запрятала, а потом и эту тварь начала шить, тьфу ты, ведьма проклятая.

Казимир призадумался и от того, что приходило в голову, ему стало совсем не хорошо. По всему получалось, раз приворожить избу могла лишь кровь, которая чомора зачаровала... много лет назад Милолика держала в неволе матушку или отца, покуда вожделенного духа не украли. А опосля их же кровью его от клятвы освободила, под себя подмяв.

В наступившей тишине Казимир снял с огня котелок, поставил его на стол, накрыл тряпкой, да и замер, глядя невидящим взором в оконце. Изба поскрипела-поскрипела, да и молвила:

— Ты дурного не подумай, но почитай выходит, что сдержал я обещание и вынес тебя.

— Я не знаю, как снять чары... — покачав головой, ответил Казимир, продолжая отрешенно смотреть вдаль. — Огнедар ничего не рассказал. Наверное, думал, не срок ещё... А потом... В общем не важно.

— Может хоть попробуешь? — с надеждой проскрипела изба.

— Попробую, когда пойму, как. Давай пока разберёмся с твоими короедами, — Ведун подхватил котелок, направляясь к двери. — Выйди из болота на твёрдую землю, да присядь пониже, я над тобой поработаю. Это зелье, конечно, не зачарованный дятел, но тебе будет полегче.

— Вот тут напасть одна имеется, — загадочно отозвалась изба.

Отчего-то Казимир совсем не удивился.

— Ноги в трясине увязли, — виновато проскрипела изба. — Я и пошевелиться не могу...

Глава 8. Голоса в темноте

Мрачный саван холодной ночи нарушался лишь отблесками огней, пережёвывающих подношение в виде сухих дров. Семь ярких, изрыгающих подрагивающее пламя костров, горели вокруг избы, застывшей посреди бескрайней топи.

«Как же тебя сюда занесло? — в который раз подумал Казимир, глядя на избу снизу-вверх. — Неужто нельзя было обойти? Столько вёрст проскакать, чтобы так глупо влипнуть!».

Изба смотрела на него чёрным провалом единственного окна, цепenea в мрачном ожидании. Сегодняшняя ночь сулила стать особенной, и ведун, и изба ждали её вот уже многие дни.

«Если всё выгорит, мы оба спасёмся. Коль нет... что ж, ещё покумекаем».

Но ведун был уверен, что у него получится. Волнение в душе сродни охотничьему азарту, давно трепетно ждало, чтобы вырваться наружу, и он приступил к работе. Сперва Казимир долгое время выхаживал болото в поисках бродов. Опасное и неблагоприятное занятие могло бы закончиться гибелью, но ведун не даром полжизни провёл в уединении изучая лес и его законы. Просунув длинные жерди в рукава выдавшей виды рубахи, поверх которой красовался перекроенный полушубок, найденный в сундуке Милолики, ведун вышагивал по кочкам, примечая, да запоминая безопасные дорожки.

Наметив ключевые маршруты, по которым можно перемещаться, не опасаясь закончить свой век утопленником, Казимир принялся стаскивать к избе свежесрубленные деревья. Он уродился не чета могучим предкам лесорубам и похвастаться статью и силой не мог. Однако там, где не доставало физической крепости, её место занимало упорство и трудолюбие. Времени, конечно, уходило куда как больше, но ведун с детства не знал иной добродетели, кроме как уверенность в собственных силах. Привыкший полагаться лишь на себя одного, Казимир с готовностью брался за любой труд. Шаг за шагом, аршин за аршином, он выстилал вокруг избы помост, который затем заваливал камнями. Дерево постепенно утопало в трясине, и ведун повторял всё с самого начала, притаскивая новые брёвна на место старых

Его руки давно превратились в одно сплошное кровавое месиво. Сорванные мозоли, обрастали новыми, трескавшиеся на коже рубцы, не успевали зажить. У ведуна ломило спину, руки по ночам тряслись, а утром казались онемевшими и окончательно растратившими силу. Но невзирая ни на что, он продолжал упрямо и яростно трудиться, гоня прочь даже мысль о том, чтобы дать слабину. Казимир чувствовал, что должен это сделать — освободить избу сначала из плена топи, а потом и данного матери обещания.

Когда очередной настил, заваленный камнями, отказался уходить под воду, ведун понял, что пришла пора приступать к следующему этапу. Снова понадобилось много дерева, на этот раз в виде дров. Дни и ночи напролёт, он поддерживал огонь в кострах, которые должны были непрерывно греть заваленную брёвнами и камнями почву, высушивая её. Стояла середина грудень месяца. Снег ещё не выпал, но заморозки не первую неделю сковывали остывающую землю. Вода медленно отступала, оставляя после себя сухой и податливый торф.

Итак, пришла долгожданная особенная ночь, когда всё должно было случиться. Ещё с вечера, ведун жадно вглядывался в небосклон.

«Ну, когда же? Когда?».

И вот на небо выкатил полумесяц, тускло освещая проклятушие топи. Казимир обошёл каждый из семи пылающих костров, подбрасывая в огонь особые угощения, имеющие глубоко символический толк: горсть хвои, чтобы очистить разум, щепотку соли, дабы отпугнуть злых духов, цветок бессмертника — закалить плоть, змеиную кожу — даровать надежду на перерождение, крыло мотылька — вдохнуть свободу, горсть сухих листьев — принять увядание жизни, и, наконец, вороное перо — вступить на тропу к смерти.

Снова встав напротив тёмного провала раскрытого в избе окна, ведун, взяв в левую руку туго обтянутый воловьей кожей бубен, ударил в него, вслушиваясь в вибрирующий отклик. Звук казался глухим и очень тихим, словно даже потрескивание костров способно было его заглушить. Казимир не придавал этому никакого значения. Он здесь не для того чтобы впустую шуметь. Ударил вновь, не сильнее и не слабее, ровно так же. Затем ещё и ещё, постепенно ускоряясь. Изба едва заметно качнулась, будто прислушиваясь. И правда, в размеренном и глухом пении бубна начали проскальзывали иные чарующие и странные звуки. В нём слышалось журчание ручья и шепот ветра, волчий вой и уханье совы, раскаты грома и шипение дождя, тугое чавканье глины и свистящий хрип пламени.

Глаза Казимира были открыты, но он уже ничего не видел перед собой, всецело отдавая тело во власть потрескивающих от напряжения стихий, что теперь говорили с ним. Его зрачки закатились, а руки не подчинялись телу, продолжая выбивать заунывный, размеренный такт ударов о кожистый бубен. Из рта вырвался хрипящий, гортанный гул не похожий ни на стон, ни на крик, ни на людской говор. Звук шёл, казалось бы, даже не из горла, а из самой души, выплёскиваясь на волю уже совершенно нечеловеческим, отринувшим брэнное тело языком первобытных неистовых духов.

Со стороны леса послышалась робкая поступь, шлёпающих по воде копыт. Пока ещё незримый гость уверенно шёл через топь прямо на рокот ритмичного боя по кожаной мембране. Казимир ставший уже и вовсе не человеком, а скорее проводником божественной силы, продолжал планомерно стучать в бубен, благоговейно вторя тугим ударам, скрипучей гортанной и заунывной песнью. Шаги были всё ближе. Вот, в круг света моргающих пламенем костров, вошла совсем молодая светло-бурая косуля. Чёрные, словно ставшие стеклянными глаза, не двигались. Животное ступало спокойно, не озираясь, не принюхиваясь.

Дойдя до ведуна, косуля застыла, послушно опустив голову и подогнув передние ноги. Казимир медленно отложил бубен в сторону, однако его мелодия не прервалась... стук о кожистую мембрану повторялся уже без его участия. В правую руку ведуна скользнуло свежезаточенное и обожжённое на огне деревянное копьё. Резкий и стремительный выпад вперёд! Удар был точен, как бы Казимир никогда не смог проделать сам. Руки оставались его, но сила в них теплилась чужая. Острие без труда пробило трепещущую грудь косули. Животное даже не взвизгнуло от боли, лишь завалилось на бок. Копьё рванулось назад, открывая кровоточащую рану.

Опустившись на колени, ведун снял с пояса нож и принялся свежевать добычу. Ведун извлёк требуху, собрав её в заранее заготовленный холщовый мешок, который затем убрал в сторонку. После, внимательно осмотрев тушу косули, уложил её на настил из сухой травы, щедро полив сосновой смолой.

— Велес, охотник! Взываю к тебе, — прошептал Казимир зажмурившись, а затем поднёс к траве головешку, в мгновение ока воспламенившую принесённую жертву.

Языки пламени охватили тушу косули, а воздух тотчас наполнился сладковатым запахом жаренного мяса.

— Велес, охотник! Взываю к тебе! — проговорил ведун чуть громче, выпучив глаза, глядя на жертву.

Огонь взметнулся к небу, едва ли не три аршина. Лицо Казимира опалило жаром, реденькие усы и порода задымились.

— Велес, охотник! Прими мою жертву! — взревел ведун, раскинув руки в стороны. — Прими мою жертву! Даруй свою силу!

Стук бубна, покойно лежащего в стороне, стал оглушительно громким. Пламя семи костров, горящих окрест жертвенного настила, взревело, грозя поглотить всё вокруг, сжигая в прах и избу, и тщедушную фигурку человека, стоящего на коленях подле неё. Полумесяц на небе засиял так ослепительно, что на глазах ведуна проступили слёзы, и на краткий миг, ему показалось, что он слепнет.

— В него, — прошептал ведун, указывая на избу. — Вселись в это тело, как вселялся ты в камень, войди в эту плоть, как становился ты деревом, ветром и смертным созданием.

Изба, всё это время стоявшая в могильном оцепенении, вдруг подёрнулась дрожью. Скрипнули старые брёвна, застонала земля под тяжёлыми ногами. Из тёмного оконца, дохнуло пламя, а с крыши заструился дымок. Казимир чувствовал всепоглощающую и грозную силу, что теперь исходила от покосившегося и ветхого строения. Он снова упал на колени, а голова мотнулась вперёд, упираясь лбом в землю. Болотная трясина застонала так, словно была ранена и погибала. Столбы-ноги с чавкающим хлюпаньем вырвались на свободу, расшвыривая комья грязи. Шагая уверенно и статно, изба двинулась прочь из круга костров. Казимир поспешно вскочил, бросившись следом. Без труда поспевая за избой, он с изумлением глядел под ноги — трясина и вода, словно отвердели, ступни больше не проваливались.

Оказавшись на лесной опушке, изба остановилась и замерла, вновь возвращаясь к своему привычному состоянию — глубокого сна.

— Чомор, — позвал Казимир. — Ты меня слышишь?

В ответ тишина.

Ведун настойчиво постучал костяшками пальцев по столбу-ноге, тихо проговорив:

— Опустись немного, лестница на болоте осталась, мне не залезть.

Раздался тягучий скрип, и изба медленно накренилась, позволяя человеку взобраться через дверцу в полу. Внутри царил непередаваемый словами кавардак. Полки попадали со стен, большая часть кадок и ступ были побиты, а заготовки грибов и трав сгорели дотла. Больше всего Казимир расстроился, увидев, что так полюбившаяся ему перина превратилась в пепел. Тем не менее в темноте можно было различить довольную улыбку, которая не сходила с губ ведуна. У них получилось! Стряхнув с кровати то, что осталось от перины и одеяла, он лёг на спину, закинув руки за голову.

— Завтра начнём думать, как снять с тебя чары, — бросил он в пустоту, вовсе не ожидая, услышать ответ. — Мне кажется нужно начать с имени. Нельзя без имени ни человеку, ни духу. Ведьмовские клятвы, да ещё и скреплённые кровью непросто разрушить, но мы и не станем этого делать. Тебе нужно освободиться... — ведун немного помолчал, осмысливая ещё не сформировавшуюся догадку. — Но без моего прямого вмешательства. Переродиться во что-то иное. Тогда старые кости, — Казимир постучал пальцем по дереву, — останутся лишь бранным телом того, кто уже не является собой прежним. —

Немного погодя, ведун сонно проговорил: — Стоян — хорошее имя и тебе вполне подходит.

Изба не ответила, но Казимиру отчего-то показалось, что та очень внимательно прислушалась к последним словам, словно затаив дыхание, если бы, конечно, она могла дышать. Вскоре, ведун уже тихонько посапывал, свернувшись калачиком, обхватив колени руками. Он очень вымотался, но оно того стоило, и теперь мирно и спокойно спал. В наступившей тишине было слышно лишь как в печи вспыхнуло робкое пламя, пощёлкивая полешками, и скоро живительное тепло наполнило комнату. Оконные ставни тихонько и бережно прикрылись, будто боясь нарушить покой уставшего человека.

Казимиру снилась огромная пещера, хотя назвать подобное место пещерой, язык не поворачивался. Чёрный провал в земле казался настолько бездонным и мрачным, что он не мог вести никуда, кроме как на тот свет. Ведун ступал босыми, сбитыми в кровь ногами, то и дело шипя от боли — голые камни были горячими, словно их только вынули из костра. Стены и потолок покрывала гарь. Приглядевшись, ведун заметил на стенах незнакомые символы, выбитые прямо в скальной породе — три черты сходились в одну, внутри замкнутого круга. Что-то неотвратимо толкнуло его, протянуть руку и коснуться загадочного символа. Едва ладонь легла поверх рисунка, тот вспыхнул, зардевшись алым огнём. Линии ожили, придя в движение, они начали извиваться, напоминая клубок змей. Казимир от неожиданности отдернул руку, как вдруг почувствовал боль. Повернув к себе ладонь, он увидел свежий ожог, который очень быстро заживал. Мгновение-другое спустя, жжение ослабло и глазам предстал белёсый шрам — круг, внутри которого три линии сходились в одну точку в самом низу.

В отдалении, там, куда тянулся мрачный и бесконечный туннель, раздался утробный рёв. Казимир инстинктивно втянул голову в плечи. Лицо обдало жаром, а ноги непроизвольно подкосились. Он даже облокотился на стену, чтобы не упасть, — колени предательски тряслись, норовя уронить полнящееся страхом неизвестности тело. Рёв повторился, но на этот раз ведун уже ждал его, внимательно вслушиваясь. Голос был низким и приглушённым, словно существо, его издавшее, находилось за непроницаемой преградой. Казимир отчего-то не сомневался, что это живое существо. Он знал, что, порой, пещеры, болота и даже леса могут издавать весьма необычные звуки, но это... не походило ни на что на свете.

Он брёл впотьмах, боязливо втягивая шею, каждый раз, когда вновь звучал могучий и тяжёлый рёв. Трепеща, словно колосок на ветру, Казимир безвольно шагал вперёд, не зная куда и зачем. Ничто хорошее там ждать не могло. Зачем он тогда туда идёт? Дышать стало тяжело, воздух был наполнен дымом и обжигал лёгкие. Ведун то и дело заходился мучительным кашлем, от которого всё нутро выворачивало наружу. Стены пещеры стали почти не различимы от сажи и копоти. Смахнув пот со лба, Казимир устался на свою руку — та была черна, как ночь. Когда начало казаться, что он вот-вот упадёт замертво, от уже ставшего нестерпимым жара и задымления, проход расширился.

Глаза слезились от едкой гари, и ведун уже давно перемещался наощупь. Подслеповато шаря ладонями, он вдруг нащупал идеально гладкую поверхность. Базальт отшлифованный так, что не найдёшь и мельчайшей щербинки, был тёплым и слегка вибрировал. Казимир понял, что пришёл. Поднявшись на ноги, он смахнул кулаками сажу с век и открыл глаза. Ведун стоял посреди колоссальных размеров зала, подёрнутого сумрачными тенями, пляшущими на стенах. Безупречно гладкая поверхность пола была усыпана отбрасывающими мириады сверкающих огней самоцветами, вычурными искусно отделанными мечами,

секирами, молотами и копьями. Наполненные золотом и серебром сундуки ломались от богатств, кои горами, искрящегося в пламенных сполохах металла, поблёскивали во тьме. Прямо в каменные стены были вбиты держатели для факелов, которых здесь пылала не одна сотня! И всё-таки света не доставало... Посреди этого великолепия губительных сокровищ таилось что-то ещё.

Казимир пытался разглядеть спящее нечто, но голова безвольно опускалась, прижимая подбородок к груди, всякий раз, как он силился поднять взор. То, что спало в центре зала, даже сквозь дрему вселяло ужас, заставляя тело непрошеного гостя содрогаться от животного страха, лишая рассудка и воли. Оно было чернее самой чёрной бездны и, казалось, вытягивало свет факелов, подчиняя себе даже непокорное пламя. Тот рёв, что слышался от самого входа в пещеру, оказался лишь дыханием богоподобного существа, властителя этого места. Ведун вдруг отчётливо понял, что должен бежать. Здесь нельзя находиться ни ему, ни кому бы то ни было из смертных! Прямо сейчас, не медля и мгновения, бежать! Прочь! Прочь, не оглядываясь!

Он развернулся, но ноги отказывались подчиняться. С огромным трудом Казимир сделал неуверенный шаг, едва не упав от натуги. Следующий шаг дался ещё труднее. Ведун уже поднял ногу для третьего, как вдруг за спиной послышался шелест, скребущегося по камню металла. Сердце испуганно замерло, юркнуло в пятки, дыхание прервалось. Казимир так и застыл, недонеся ногу до пола. Затылок опалило таким жаром, что вспыхнули волосы. От неожиданности ведун вскрикнул, сбивая пламя. Оступившись, он упал навзничь и уставился перед собой. На Казимира смотрели шесть янтарных глаз со змеиными зрачками. В клубящемся дымном мареве угадывались смутные очертания чешуйчатого тела, покрытого лоящими блики пламени стальными пластинами. Мрачное и жестокое нечто смотрело на ведуна, заглядывая в самую душу. Это невозможно было вынести, Казимир едва не лишился чувств. Лёжа, будто парализованный, он не находил сил даже на то, чтобы закрыть лицо руками.

Знак из трёх линий в кругу, что остался на ладони, вспыхнул, заставив скорчиться от невыносимой боли. Казимир задрожал, чувствуя, как его плоть рвётся, и не в силах терпеть, закричал. Слезы заливали щёки, но тотчас высыхали от жара. Ноги бессильно стучали по полу, а грудь ходила ходуном. Казалось, ещё миг этой муки и сердце остановится на веки... Янтарные глаза спокойно наблюдали за агонией смертного, как вдруг в голове ведуна зазвучал холодный и твёрдый голос, склонившегося над ним существа. Казимир не понимал, кто перед ним, и отчего он слышит неизвестный голос в своей голове, но тотчас уловил главное, — говоривший привык безраздельно властвовать, повелевать и принуждать.

— Как ты посмел смотреть на меня? **Он осмелился!** *Он осмелился!*

Голос звучал так, словно говорил не один, а трое. Они были очень похожи, как братья, но в то же время отличались.

— Я не смотрел... — прошептал Казимир, и неожиданно для самого себя тихо добавил в конце, — повелитель.

— Ты заплатишь сполна за свою дерзость, ничтожный рус. **Приведи мне людей!** *Много людей!* — взревел голос.

Ведун сжался, зажмурившись так, словно надеялся никогда больше не открыть глаза. Его голос, заикающийся и будто чужой, жалобно пролепетал:

— Скольких я должен привести, повелитель?

— Больше, — прозвучал мрачный ответ. Ведуну почудилось, что он слышит лёгкий

смешок, повторяющийся эхом, хотя вряд ли обладатель голоса вообще когда-то смеялся.

Глава 9. Остров на реке

Утро выдалось солнечным и тёплым. Ещё вчера казалось, что зима вот-вот заявит свои права, но едва Казимир очнулся ото сна, он почувствовал на щеке ласковый луч солнца. Ставни были раскрыты настежь, и комнату заполнял приятный аромат свежести. От печи аппетитно тянуло жареным мясом, и ведун тотчас ощутил, как заурчало в животе. Когда последний раз удавалось поесть уж и не упомнить.

— Стоян, доброе утро! — весело сказал Казимир, зевая. — А чем это у нас так вкусно пахнет?

— И тебе не хворать, — проскрипела изба. — Тут это... рябчик на печную трубу уселся.

— Как удачно, — хохотнул ведун, натягивая лапти. — И что вниз упал?

— Вот, что значит ведун! Всё-то ты знаешь! Пожалуй к столу, коли так.

Казимир вооружился прихваткой и извлёк из печи один из немногих уцелевших глиняных горшков, ставя его на стол. Едва подняв крышечку, он сглотнул слюну. Мгновение колеблясь, ведун набросился на еду и принялся с чавканьем жевать, то и дело прихлёбывая горячий бульон. Казимир не стал ничего говорить вслух, но нельзя было не отметить разительные перемены в поведении избы. Стоян словно воспрял духом. Он поверил в ведуна и его силу, превращаясь из сварливой коряги в добродушного домового. Конечно, не стоило надеяться на то, что так будет всегда. Духи, хоть лесные, хоть домовые, а особенно те, что зачарованы, всё-таки не люди. Переменчивость их настроений, порой скоротечнее ветра. Хотя это была маленькая, но важная победа.

Позавтракав, Казимир выглянул наружу, осматривая окрестности. Болото осталось далеко позади, и нынче изба возвышалась на опушке светлой, искрящейся в утренней росе, дубравы. Спустившись вниз, ведун прошёлся взад-вперёд по полянке, вглядываясь в стволы деревьев. Духи этого места были благосклонны к людям, нигде не угадывалось тёмной воли. Осыпавшиеся листья укутывали землю мягким одеялом.

«Жёлтые, красноватые, коричневые. Ни одного чёрного, — с удовлетворением отметил про себя ведун. — В согласии живут. Молодцы!».

Собрав ладонями ворох листьев, ведун подбросил их в воздух, довольно смотря за тем, как они опадают, медленно скользя по сторонам.

— Стоян, как думаешь, кто здесь живёт?

Изба скрипнула, покачиваясь из стороны в сторону.

— Да никого ж вроде бы.

— Я имею ввиду, не именно тут, — улыбнулся ведун. — А в этих краях?

— Может вятичи, а может и черемисы уже. Я ж того... сюды по сих пор и не хаживал. А чегой ты от них хочешь-то?

— Ничего не хочу... — подумав, ответил Казимир. — Нам бы с твоей бедой разобраться, но чует моё сердце — это не быстро. А пока осесть где-то надобно. Всё одно, зима на носу, а Милоликины знахарские запасы тю-тю, корений не накопишь, а новые травы да грибы теперь не скоро народятся.

— Я не спешу, — резонно заметил Стоян.

— Нам бы местечко найти... Чтоб и укромное, но и до людей недалече... — задумчиво пробормотал ведун, продолжая озираться. — Да только как его сыскать-то? Ежели с тобой по дорогам шляться, того и гляди скоро нас кто-нибудь сжечь захочет.

— Зачем это? — изумилась изба.

— Так... — Казимир пожал плечами. — На всякий случай.

— Поступай, как знаешь, — хмуро ответила изба, Стояну явно не нравилась перспектива быть сожжённым, но и отпускать ведуна одного не хотелось. — Но ты б тоже не шастал. Люди всякие бывают.

— Уж мне ли не знать, — резонно заметил ведун.

Казимир, вдруг понял, что невыразимо изменился. Скажи ему, кто ещё полгода назад, что тот окажется один на чужбине и не будет при этом трястись от страха и искать защиты... не поверил бы. Раньше он и ворожить-то без деда побаивался. Стеснялся лишний раз заговор произнести. В лесу вёл себя тише воды, ниже травы, а теперь... Нет, он не стал храбрецом или могучим витязем, коему и река по колено, и любой враг по плечо. Но всё-таки Казимир изменился, поняв что-то важное о себе, то, что никогда раньше не смел, куда там принять, даже осознать. Он и правда другой, но то не было проклятьем. Напротив, это являлось тем, из чего складывалась его личность и душа. Душа ведуна. Он многого не знал наперёд, но ведал, какими путями идти нужно, а какими нельзя. Казимир стремился не только жить в мире, но этот мир постигать со всеми его тайнами, невзгодами и радостями, принимая, как есть, и отдавая себя без остатка.

Его глаза остановились на крошечной точке. Ведун, наконец, нашёл то, что искал. В ветвях раскидистого дуба сидела совсем маленькая птичка с рыжеватым окрасом головы и чёрными с белым и жёлтым вкраплениями на крыльях. Ведун давно слышал её осторожные и негромкие трели, напоминающие пение сверка. Усевшись на землю, подогнув под себя ноги, Казимир опустил ладони на колени и прикрыл глаза. По мере того, как его ровное дыхание постепенно замедлялось, шелест ветвей, играющих с ветром звучал всё тише и тише. Натужное поскрипывание Стояна вскоре тоже осталось позади, словно его не было рядом. Чернота, опустившаяся на сознание ведуна, едва Казимир закрыл глаза, мало-помалу прояснялась. Ведун оставался сидеть недвижимо, а сам мысленно тянулся к крохотной взволнованной птичке, посвистывающей на раскачивающейся ветви дуба.

Свиристель клацнула клювом, заёрзав на месте, легко толкнулась и полетела, в мгновение ока взмывая в холодные небеса. Казимир едва удержался, чтобы не охнуть, так стремителен был для него момент перехода от собственного взора к птичьему. Он глядел, как внизу на полянке чернеется крыша покосившейся избы, и едва заметный силуэт человека сидит на коленях подле. Птица поднималась всё выше, и скоро крошечные фигурки стали совсем неразличимы. Бескрайние леса тянулись от горизонта к горизонту. Извилистая артерия могучей реки пересекала золото полей и горные цепи. Стадо оленей мчалось сквозь перелесок, петляя и уворачиваясь от нападающих на них волков. Серые тени метались вокруг, силясь достать вожделенную добычу. Вот, сразу четыре хищника ринулись наперерез отстающему оленёнку, отсекая его от стаи. Казимир отвернулся, он не желал знать, чем кончится тот поединок. А меж тем свиристель пролетала над холмистыми лугами, заглядывая к заснеженным шапкам остроконечных гор. Её взор упал на светлую ленту дыма, тянущуюся к небесам.

«Много домов, частокол, даже ров имеется, — отметил про себя Казимир, всматриваясь повнимательней. — Из ворот выезжают всадники. Кажется, при копьях со щитами. Воины. Интересно, куда же вы?».

Проследив взглядом по окрестным землям, он сумел разглядеть с десятка два деревенек от совсем маленьких как его родные Вышки, до больших вмещающих не только дома, но и

высокие мельницы, поодаль от которых лежали пахотные угодья, раскидистые пастбища, где выпасывались кони и могучие мохнатые быки. Реки, речушки и ручьи свивались в мерцающую синеватую паутину, которая уже местами покрылась льдом. Этот край был прекрасен, плодороден, богат и казался необъятным миром, в котором запросто может затеряться один маленький человек. Казимир вдруг ощутил укол, что-то неприятное на уровне подсознания, концентрация внимания нарушилась, видение прервалось.

В голове снова звучали три пугающих голоса, сплетающихся в единую волю. Память услужливо напомнила отвратительное, сколь и могущественное чудище, что повелевало из колоссальной пещеры или расщелины, изрыгая пламя и сотрясая даже вековые горы. Лёгкость, что с самого утра расцветала на душе Казимира, сменилась предчувствием грозы. Ему даже показалось, что небо потемнело, хоть оно и оставалось безоблачным. Краски, и без того отцветающей красоты ушедшего лета, перестали радовать глаз. Чёрное и унылое марево окутало разум, лишая надеж и вселяя сомнения. Виски сдавило болью, ведун даже вскинул руки, обхватывая голову.

— Приболел? — зычно пророкотал Стоян.

— Так... Ночью кошмары снились, — ответил ведун, махнув рукой. — Пустое.

— Повезло, — проскрипела изба. — Мне уже много лет ничего не снилось, — и мечтательно добавила, — а тут ещё и страшилка какая... Повезло!

— А что ты видишь, когда спишь? — спросил Казимир, и призадумавшись, добавил: — Слушай, погоди! А как ты вообще видишь то, что вокруг? Вот, меня, например?

— Да тут так сразу не объяснишь... Ну, почитай с тех пор, как чомором на воле был, изменилось мало что. Вы для нас духов, ну, что-то вроде цветных пятнышек...

— Это как? — встрепенулся ведун.

Его очень интересовало всё, что связано с восприятием духами и нечистью окружающего мира. Казимир давно решил для себя, как следует разобраться в их связях с реальностью, считая это своего рода ключиком к раскрытию тайн происхождения материи, лежащей по ту сторону жизни.

— Гляди, ты кто у нас?

— Человек.

— А чаво тебя человеком-то делает?

— Душа, — ответил Казимир.

— Душа есть у всего, — возразил Стоян. — Даже у камня.

— У камней нет души, — ведун лишь покачал головой.

— Ты только такое чудскому шаману не ляпни, — весело проскрипела изба.

— Вряд ли мы когда-нибудь повстречаемся, — с сомнением заметил Казимир. — Наставник сказывал, что те, кто нынче именуют себя народом чудь, их очень далёкие потомки, растратившие знания, да и не особо похожие на тех, что были прежде.

— Может и так... — медленно проскрипел Стоян. — Может и так... Дык, чаво делает тебя человеком-то, а?

— Живое сердце, — сообразил ведун.

— Во-о-о-от, енто и есть то, что отличает тебя от бесплотного духа. Мы чувствуем тепло живой крови, которой лишены сами. Ни солнце, ни пламя очага не могут даровать этого чувства.

— Чудные вещи ты молвишь, — отозвался Казимир, обдумывая слова Стояна. — Но если вы чувствуете тепло человеческого сердца, то как различаете, кто есть кто?

— Я уже сказал, — проскрипела изба, выпустив облачко дыма из трубы на крыше. — Цветные пятна, ну и малость расплывчатых очертаний. Каждый имеет свой особый цвет, так и отличаем.

— Какого цвета я?

— Был изумрудного.

— Почему был?

— Мне почём знать, — изба кашлянула дымом и добавила. — Темнеть начал. Значит, что-то меняется. Может скоро помрёшь.

— Ну, спасибо, — буркнул Казимир, но не сдержался и всё же улыбнулся. — Ладно, пора в дорогу.

Взобравшись в избу, ведун уселся напротив окна, положив ладони на стол. Его взгляд устремился вдаль, пол качнулся, и вот уже ноги-столбы зашагали вперёд. Путь до заветного места лежал неблизкий, но изба не знала усталости, а Казимир опасался задерживаться где-то дольше необходимого. Они добрались на пятый день. Широкая река расходилась на два рукава, а посреди на стрелке был остров с обрывистыми берегами. Высокая стена берёзовых стволов скрывала то, что находилось внутри — небольшую полянку, поросшую кустами можжевельника и черники.

Ему хватило всего лишь взгляда. Над островком вставало солнце, и первые лучи мягко ласкали верхушки деревьев. Казалось, будто лишённые листвы ветви светятся изнутри, как золотые жилы. Две плакучие берёзы склонились друг против друга, перекрещиваясь. Деревья стояли в самом центре острова, и когда солнце властно выкатилось на небосклон, его пылающий диск засиял между их стволов, являя взору ведуна до боли знакомый символ — Чур. Казимир, едва завидев его, ахнул.

— Можешь пускать корни, — сказал он, соскочив на землю, едва изба перешла через реку.

— Не нравится мне тут, — запротестовал Стоян. — Нас заметят.

— Теперь нас и должны заметить, — возразил Казимир. — Если не будешь никого пугать, то сойдёшь за обычный дом.

— Но зачем?

— Сам не до конца понимаю... — признался вдруг ведун. — Я чувствую, что должен быть здесь. Что обо мне должны узнать те, кто живёт в окрестных деревнях, но... — он замолчал.

— Говори, как есть, — сухо скрипнула изба.

— Это не связано с твоей клятвой Доле, то часть моего пути. Я дал себе зарок больше не жить среди людей. Они должны прийти ко мне сами... чтобы поверить.

Изба молча прошла взад-вперёд по полянке, кряхтя что-то тихо и неразборчиво, а затем застыла, пуская корни. Ноги-ходули вгрызлись в податливую землю, распахивая её крепкими когтями, зарываясь поглубже. Миг-другой и изба застыла, из трубы потянулся светлый дымок. Казимир глянул на Стояна, щурясь от яркого солнца, довольно кивнув самому себе:

«Гляди ж ты, словно полвека тут стоит, самому ведь, поди уже, нравится!».

Место впрямь было удачное. Казимир приметил отцветшие пожухлые, но не растратившие оранжевого благолепия, лепестки купальницы, разметавшиеся по земле, словно просыпанный бисер. Рядом лежали сапфировые колокольчика и желтели цветки мать-и-мачехи. Заросли вереска, раскидистыми кустами образовывали подлесок, в котором

копошились многочисленные пищухи и карбыши. Крошечные зверьки то и дело выглядывали из укрытий, косясь на Казимира встревоженными бусинками черных глазок. Попискивая и суется, как муравьи, они явно были раздосадованы тем, что их остров перестал быть необитаемым.

«Интересно, как вы сюда попали, — раздумывал ведун, с улыбкой наблюдая за переполохом, царящим среди грызунов. — Неужто речка тут мелкая, и вы ходы прорыли, чтобы здесь прятаться? Или вы плаваете?».

Впервые за долгие дни ему было по-настоящему спокойно на душе. Столько добрых трав растёт вокруг, значит и земля чистая. Ещё и эти крошечные хлопотуны! Мышата тоже вовсе глаза глазели на Казимира, изучая повадки гостя, который, по всей видимости, собирался остаться. Вот, одна, видать самая отважная или глупая пищуха, набралась смелости сделать первый шаг. Подбежав к сидящему прямо на земле ведуну, она коснулась его лапкой, тотчас бросаясь прочь. Кусты вереска прям-таки ожили, раскачиваясь от снующих туда-сюда и переполошённых грызунов. Казимир продолжил сидеть на месте, благостно следя за происходящим. История повторилась, но выбегал уже карбыш. Пышные раздутые в преддверье зимы щёчки, то и дело испуганно подёргивались, усатый нос напряжённо втягивал ноздрями воздух. Приблизившись к ведуну, хомяк замер, не решаясь повторить подвиг своей предшественницы. Казимир медленно раскрыл ладонь, на которой лежал орех, протягивая гостинец мышиному гонцу. Не веря своему счастью, равно как и ожидая какую-нибудь каверзу, карбыш схватил угощение, тотчас бросившись в укрытие. Кусты снова зашатались, однако несколько мгновений спустя из них вышли сразу пять мохнатых комочков с чёрными бусинками глаз. В общем дружба наладилась.

Казимир долго ломал голову, как бы организовать переправу на оба берега. Ставить мосты не хотелось по ряду причин. Невзирая на то, что в этом месте река не была широкой, и как он успел запомнить во время полёта свиристели, имела выше по течению более полноводные рукава, ведун не мог знать, не помешают ли кому-то его постройки. Идея с постройкой плота тоже имела свои изъяны. Ежели его сделать шибко лёгким, такой чтоб можно вытянуть на берег, на нём будет сложно ходить вверх по реке. Ежели строить тяжёлым, то придётся справить и пристань, а это лишнее место, да и приглашение. Не то, чтобы Казимир не хотел, чтобы к нему рано или поздно явились люди. Напротив, он всё ещё считал своим долгом помогать тем, кто нуждается в знаниях и силе ведуна. Однако делать своё убежище излишне доступным, тоже не собирался. Уже дважды Казимира пытались убить те, кто ждал от него же спасения. И теперь высокие берега казались хоть и не надёжной, но своей личной крепостью. В конце концов он рассудил так: дюже лютой зимой, всё равно встанет лёд, и переправа сама собой появится, а коли кто решит навестить его в другое время — пускай идёт вброд по воде. Вода очищает и уносит прочь зло. Будет повод обогреть усталого путника, растопить для него очаг, а там уж и душа оттаёт.

Близилась зима, и рассчитывать пережить её без припасов было самонадеянно. В общем-то Казимир понимал, что в ближайшие месяцы придётся туго. Шутка ли, ведун никогда не жил один, а значит все тяготы ложились на его плечи. Селяне в деревне к приходу холодов всегда готовились за полгода... Сама жизнь делилась на выживание и подготовку к выживанию. Пока редкие, ещё не опавшие листья кружились, стекая разноцветным хороводом к земле, Казимир с тоской наблюдал за ними, сознавая, что чудесное спасение лишь ненадолго отсрочило его гибель.

Ведун принялся работать не покладая рук, не зная отдыха, отвлекаясь лишь на редкий и

непродолжительный сон. Сплетя из ивовых веточек корзину, он ходил за реку, выбирая подчистую всё, что не успели склевать птицы. Алые капли ягод клюквы были одной из самых желанных находок. Когда в округе не осталось и их, на смену пришли можжевеловые шишки. Казимира интересовали и молодые светло-зелёные первогодки, и уже синеющие созревшие плоды.

Пару раз удалось напасть на обмороженные, не успевшие сгнить опята. Ведун едва ли не танцевал, увидав на сухом стволе деревьев пышные кучки вожделенных грибов. Он бережно уложил их в корзинку, тотчас возвратившись на свой остров, словно боясь поверить в неожиданную удачу.

Пытался Казимир и рыбачить. Однако охота с острогой, оказалась куда как труднее, чем он представлял. Ведун попросту не умел управляться с копьём, да и сила броска оставляла желать лучшего. Приходилось хитрить. Казимир подолгу бродил вдоль берегов, пока не нашёл отмель. Стоя в воде несколько часов к ряду, он коченел так, что не чувствовал ног. Приходилось выходить на берег, греться у костра, а затем возвращаться. Конечно, будь у него бредень, натаскать рыбы вдосталь, можно было бы без особого труда. Но ведун не только не знал, как его правильно плести, у него не было и самой верёвки. Охотиться на дичь, Казимир не умел никогда, да и секретами изготовления лука не обладал. Оставалась рыбалка с копьём.

Замерший, словно каменное изваяние, с готовой для броска острогой в руке, ведун провел многие дни в изматывающей рыбалке принесшей весьма скудный, но очень желанный улов: три жирных язя, пяток средних размеров плотвичек и один налим. Последняя рыба была наиболее ценна. Налим весом с треть пуда попался ведуну совершенно случайно, он грелся на мелководье, когда острие отточенного дуба пронзило его спину. Казимир от радости даже всплакнул.

Понимая, что, когда придут холода, шансов найти хоть что-то не будет совсем, ведун собирал всё, что можно есть без исключений. Корень болотного рогоза, приходился в этом вопросе как нельзя кстати. Камышей, растущих в болотистых разливах безымянной реки росло предостаточно, поэтому пока не встал лёд Казимир старался хотя бы один раз в день приносить в дом пару пучков. Именно там, стоя по пояс воде и выдёргивая на поверхность толстые стебли рогоза, ведун впервые повстречал людей.

— Будь здоров, труженик! — раздалось за спиной Казимира.

Обернувшись, он увидел двоих мужиков, по-видимому, возвращавшихся с охоты. На плече одного висела уже успевшая распушиться к зиме лисица, к поясу второго была примотана пара уток. Казимир тотчас сглотнул слюну, глядя на птицу. К тому времени, он не ел мяса больше месяца.

— И вам не хворать, — поспешно ответил он, махнув рукой.

— Ты чей будешь? — ожидаемо спросил тот счастливый обладатель лисицы, черноволосый, заросший густой бородой мужик с красным носом. — Что-то я тебя раньше не видывал.

«Можно подумать, ты всех на свете видывал, — мрачно подумал ведун, мысленно готовясь к неприятностям. — Видишь же, что я не охочусь, не перебегаю ваших дорожек, стал быть».

Глаза говорившего очень выразительно следили за движениями Казимира, тотчас оценив его вооружение — острогу и поясной кинжал.

— Ничей, — спокойно ответил Казимир.

— Как это ничей? — не унимался чернявый.

— Я сирота. Живу один, во-о-н там, — Казимир махнул рукой в направлении своего убежища. — Вёрст шесть ниже по реке.

— Беглый чтоль? — вступил в разговор второй мужичок.

Его светлые, похожие на Казимировы, волосы торчали из-под шапки, соломенной копной. Жидкие усишки и бородёнка, молодое и открытое лицо.

— Нет, — твёрдо ответил ведун, глядя ему в глаза. — Я бродячий ведун. Годину здесь, другую там. На всё воля богов, а я лишь их служитель.

Мужики переглянулись.

— Ну, бывай, коль так, — растерянно молвил чернявый. — Доброго, значится, улова!

— Спасибо на добром слове, — Казимир низко поклонился. — Ежели нужна будет помощь знахарская или ещё какая по моей части... заходите, буду рад!

Мужики, покивав, удалились.

— Вот и познакомились, — пробормотал под нос ведун и принялся дальше таскать водянистые корни камыша.

Глава 10. Невинное дитя

Снежная вьюга завывала за окном, норовя прорваться сквозь плотно запертые ставни. Ветер бушевал, разыгравшись не на шутку, словно решил сегодня во что бы то ни стало ворваться в уютное убежище отшельника. Казимир лежал на кровати, вытянув ноги, прижимая ступни к печи, и рассеянно шкрябал ножиком деревянную заготовку. С приходом зимы, работы поубавилось, а собирательство уже не могло принести ничего путного. От того ведун скучал, стараясь не растрчивать силы понапрасну. Еды было очень мало, но всё-таки он не голодал. Чтобы не маяться от скуки Казимир начал заниматься резьбой по дереву, это успокаивало и позволяло проваливаться сквозь время, не замечая его ход. Раньше ведун никогда не занимался этим ремеслом, справедливо считая себя бесталанным, но теперь, когда делать было нечего, открылся неисчерпаемый простор для доведения свежеиспеченного увлечения до совершенства. Казимир вырезал свистульки в виде птиц, ложки, кружки, тарелки, навершия для дорожного посоха, словом всё, что душе было угодно.

Очередной неистовый порыв ветра заставил ставни рассерженно трепетать, а внутри помещения коротко пахло морозной свежестью. Ведун раздражённо покосился на оконце с дрожащими ставнями, слегка покачав головой.

— Всё-таки надо заколотить их изнутри, — медленно произнёс он, не открываясь от работы. — Если ночью распахнутся, я задубею быстрее, чем ты успеешь вскипятить воду.

— Ежели тебе для того, чтобы чувствовать себя спокойно надобно вбить во что-нибудь гвоздь, — сварливо отозвалась изба, — могу предложить прогуляться, да остудить буйну головушку. — После чего добавила и вовсе грозно. — Погода сейчас подходящая!

— У тебя раны зарастают, как на живом теле, — парировал Казимир, не обращая внимания на колкости Стояна. — Где, скажи на милость, след от топора, которым в меня кинул староста? Молчишь? Был напротив окна, а теперь, смотри-ка... нет его!

— Слушай, а чего тогда мелочиться-то? — вскипела изба, аж сотрясаясь от негодования. — Давай ты прямо из меня настрогаешь своих дудочек! У меня же всё равно новые брёвна отрастут!

— Ну, положим, новые не отрастут, это ты выдумываешь, — спокойно ответил Казимир, критически оглядывая на предмет симметрии получившуюся свистульку-петушка. — А от четырёх дырок по бокам от ставней, тебе хуже не станет. Строил же тебя как-то Огнедар.

— То-то и оно, что Огнедар моего мнения, стал быть, тогда не испрашивал! А я, может быть, до сих пор не могу забыть той боли!

— Вот тут ты слегка перегнул, — усмехнулся ведун. — А я-то уж почти начал верить в твои страдания.

— Всё равно не дам, — мрачно отозвался Стоян. — Шутки что ль? По любой прихоти, колотить в живое тело железаки.

Казимир на силу сдержался, чтобы хохотнуть.

— Почему же по любой? Я же не говорю, чтобы каждую зиму наглухо заколачивать окно. Нужно один раз справить две петли для засова. Четыре дырочки и можно забыть о стучащих ставнях!

— Не каждую зиму! — воинственно передразнила ведуна изба. — Не шибко ты спешишь, как я погляжу, снимать с меня проклятие!

Казимир не выдержал и расхохотался, тотчас пожалев об этом. Стоян мстительно накалил огонь в печи, обжигая прислонённые к стенке ступни ведуна. Шипя от неожиданной боли, ведун осторожно коснулся пальцами зудящей кожи. На первый взгляд обошлось без серьёзных ожогов, однако ведун не спешил делиться этой новостью с разбушевавшимся духом.

— Скажешь тоже! Проклятие! Уж больно грозно звучит твоя клятва за собственные шалости.

— Хоть горшком назови, только в печь не ставь, — невпопад ответил Стоян.

— Ты меня сильно обжог, — сообщил Казимир, с притворным ужасом осматривая ступни. — Теперь точно приколочу петли для засова.

— У тебя гвоздей нет, — с плохо скрываемой надеждой отозвалась изба, поспешно добавив: — Ой, там кто-то идёт по льду... Кажися, к нам!

Казимир от неожиданности присвистнул. С тех пор, как он облюбовал остров на реке «Незнакомо какая», конечно, мимо хаживали всякие. В основном охотники, хотя пару раз проплывали купчишки из тех, кто победнее. Они проскальзывали на юрких плоскодонных лодочках, ни охраны тебе, ни толкового груза. Ведун тотчас смекнул, что это редкие одиночки, которые пытались заработать хоть что-то в обход крупных торговых путей. Появиться на большой реке в таком корыте, мог только сумасшедший. Лихому человеку хватит одной стрелы, чтобы нехитрый скарб и жалкие трудовые крохи сменили хозяина. Поэтому они выбирали окольные пути, там, где не будет посторонних глаз, полагаясь на великий авось.

— Сказывай, кто и сколько? — ведун заметно занервничал.

Взгляд скользнул по внутреннему убранству избы, единственная комната выглядела как кладовая, не развернуться, не пройти. В который раз коря себя за то, что с осени не стал браться за рытьё погреба, Казимир наспех поправил висящие пучки корней и трав, проверил котелок с кипящей ухой в печи, и поспешно замёл под кровать стружки от деревянных поделок.

— С каких это пор у нас тут хлев? — нахально осведомилась изба, воинственно скрипя брёвнами.

— Ни с каких, уберу я! — крикнул ведун, притопнув ногой. — Кто там идёт? Говори быстрее!

— Вообще-то у нас окно имеется... — хрипло хихикая, заявил Стоян. — Пока не заколочено, гляди, дивись, сколь душеньке угодно!

— Вместо четырех гвоздей... будет восемь, — отрывисто бросил Казимир, накидывая соболиный полушубок.

Решительно отдёргнув дверцу в полу, ведун спустился вниз, зябко поёживаясь. С приходом зимы, он старался лишней раз не совать нос на улицу, отчего тело очень быстро привыкло к комфорту. Холод пробирал пуще прежнего, и осеннее стояние на рыбалке в промерзающей воде нынче казалось чем-то очень далёким и не вполне всамделишным. На полянку через высокие сугробы как раз вышли две фигуры: одеяния у них были одинаковыми — медвежьи тулупы, подпоясаны широкими ремнями, головы укутаны платками так, что ничего окромя глаз не видать.

«Странно... Оружия нет при них, — отметил про себя Казимир, — Да это ж бабы!».

И точно, едва завидев спустившегося хозяина, пришедшие ступшевались, нерешительно переступая в отдалении. Ведун, миролюбиво помахал им рукой, прокричал сквозь

завывающую вьюгу:

— Какими судьбами на моём пороге? Заплутали, аль нужда какая привела?

Бабоньки немного помявшись, всё же приблизились, глядя настороженно и неуверенно.

«Боятся, но притащились в такую даль... — размышлял Казимир. — А в какую?»

Интересно, откуда они? И без мужицкого сопровождения... Это когда по округам волчьи стаи лютуют! Тут что-то нечисто!».

— Мы слышали, что на разливе летом поселился странствующий ведун, — начала одна, а вторая тотчас подхватила. — Ещё говорили, к новому лету уходить собрался, вот мы и это...

— Проверить решили? — подбодрил их Казимир, улыбаясь.

— Ну, выходит, что так, — неуверенно согласилась первая.

— Давайте-ка в дом зайдём, — ведун указал на избу, мотнув подбородком. —

Отогреетесь, а то из вас и слова лишнего не вытянешь.

Заметив у бабонек лёгкое замешательство, ведун вновь обезоруживающе улыбнулся и добавил:

— У меня как раз уха поспекает.

Надо сказать, что скудных запасов ведуна и без незваных гостей хватало с натягом. Но держать на пороге продрогших женщин, которые тащились к нему не знамо сколько и зачем, тоже было никак нельзя. Казимир было уже начал подниматься, как вдруг понял, что за ним никто не идёт. Бабоньки топтались на месте, неуверенно поглядывая друг на друга.

— Не бойсь, бабьё, не снасильничает он, — громогласно проскрипела изба так неожиданно, что все трое втянули в плечи головы. — Худосочный же, в чем только жизнь держится. Слово даю, не опасен!

Услышав за спиной сдавленное «ой», Казимир пошёл пятнами от смущения и гнева одновременно. Смущённо обернувшись, он виновато глянул на женщин, и вынужденно признался:

— Знакомьтесь это Стоян, говорящая изба.

И не дожидаясь ответа, продолжил подниматься по лестнице.

«Не захотят идти, так пусть и не идут, — решил Казимир. — Надоело уговаривать, а теперь так точно не стану!».

К своему вящему удивлению, ведун услышал, как бабоньки приближаются. Один из голосов, тот, что помоложе, тихонько шепнул:

— Я ж говорила тут настоящий ведун поселился, не то что наш пень трухлявый!

— Тихо ты! — шикнула на неё мать. — Ещё покумекать надо, что он за ведун!

Казимиру одного взгляда хватило, дабы понять, что перед ним мать с дочкой. На улице их лица были скрыты под платками, только глаза видать, но выдало женщин другое. Младшая всё время непроизвольно держалась чуть позади, то и дело нервозно теребя рукав тулупа старшей. К тому же при каждой звучащей фразе, она заискивающе поглядывала на первую, словно ища поддержки и одобрения.

Когда бабоньки поднялись в избу, Казимир уже разливал суп из парящего котелка, извлечённого из печи, поставив на стол две миски, собственноручно вырезанные из дерева. Увидав, что в небольшой комнатушке и правда не скрывается разбойников аль ещё каких ужасов, женщины немного осмелели. Избавившись от платков, да поскидав тулупы, они плюхнулись на единственную скамью у стола, тотчас вооружившись ложками. Ведун присел на край кровати и только коротко кивнул им на угощение:

— Кушайте и грейтесь. Разговор после.

Бабоньки были не против. Принявшись активно колошматить ложками по мискам, они в миг расправились с ухой. Опосля кушанья начали украдкой осматриваться. Младшая с интересом вертела в руках ложку, рукоять которой была в виде лебединой головы. Поймав её взгляд, Казимир понимающе хмыкнул:

— Нравится?

— Хорошая работа... — покраснев, ответила девица.

— Дарю, — мгновенно отреагировал ведун, и не дожидаясь, пока мать запротестует, продолжил: — С чем пожаловали? Какая напасть пригнала вас по такому бурану?

Бабоньки как всегда переглянулись, словно решаясь, стоит ли вообще говорить. Но они уже сидели в избе ведуна, угощались его стряпнёй, а значит, отступать было некуда.

— Меня зовут Дружана. Я жена Зорко... купца, — добавила она со значением. — Это моя дочурка Смеяна.

Девушка всё ещё рдевшая после того, как Казимир посулил той в подарок резную ложку, едва заметно поклонилась, когда её представили.

«Смешно даже, — подумал ведун, глядя на них. — Я-то думал, им по нраву моя резьба. А они, поди, и не такое видали при купце-то муже и батьке. Небось думают, вот же голытьба, простофиля, ложками своими дочку сватает, дурень лесной!».

— Я Казимир — ведун и знахарь, — сказал Казимир, уже в который раз задумываясь о том, не стоит ли начать зваться иначе, памятуя свои прошлые «успехи».

Как бы он не хотел забыть старое имя, в надежде, что вместе с ним исчезнут без следа и былые неудачи, ведун не мог себе этого позволить. Данное при рождении имя — почитай основа души. По нраву оно, аль нет, то не важно. Не ты его выбирал, не тебе и менять.

— Мы пришли просить о помощи и защите, — продолжила Дружана, набравшись духу. — Нечисть поселилась в нашем доме и житья не даёт.

— Какая нечисть? — быстро ответил Казимир, оживляясь. — Что вытворяет, кто пострадал?

— Так мы это... не знаем какая, — растерянно протянула Дружана, теребя в руках платок. — Потому и пришли. Курей режет по ночам, окаянное отродие! Спасу нет, мы ж так до весны и вовсе всех потеряем.

— Давайте по порядку, — ведун помотал головой, хмурясь. — Рассказывай всё, что вспомнишь. С чего началось, чем кончилось, и главное, с чего вы решили, что это нечисть?

— По порядку, — протянула Дружана, подняв глаза к потолку. — По порядку... В общем было так. Муж мой Зорко — купец. Он много времени проводит в разъездах. Привозит нам всякое, — тут женщина заулыбалась, мечтательно сверкая глазами, но опомнившись, продолжила. — Как-то раз Зорко пропадал особенно долго... почти год, значит. А по приезду подарил мне тканое полотно... красивое такое, но со странностями.

— Там чужеземные боги вышиты, — таинственным шёпотом доверительно сообщила, молчавшая до этого, Смеяна. — И они людей на том полотне мучают!

Дружана недовольно зыркнула на дочь, незаметно пихнув ту локтем в бок, и продолжила:

— Вот тогда-то всё и началось. Как сейчас помню... ночь, тихо всё, как вдруг бормотание какое-то и не где-нибудь, а прямо за стенкою! Я ж по началу решила — причудилось со сна. Но встала, да к двери, и прислушиваюсь — тихо, нет никого вроде бы. Я на печь к мужу и только засыпать начала, как опять всё повторилось! Бормотание за стеной

и звуки такие... шлёп-шлёп... шлёп-шлёп, — Дружана попыталась изобразить непонятный звук, хлопая ладонью об ладонь. — Ну тут уж я мужа-то разбудила, но всё вновь прекратилось. С неделю ничего необычного не было. Хотя, может все две, сейчас могла и запомнить. Опять ночью явилось нечто. Теперь доча услышала... Как бишь ты говорила? — женщина потрясла за плечо дочь, которая даже вздрогнула, от пробудившихся в памяти воспоминаний.

— Кто-то шептал за оконцем... Будто меня звал... — пряча глаза, сказала Смеяна.

— По имени звал? — спросил Казимир, подавшись вперёд.

— Вроде бы и нет... — растерянно протянула девушка. — А вроде бы и да...

— Да откуда этому выродку-то имя твоё знать, ежели ты сама его не сказывала? — недовольно прошипела мать. — Показалось тебе!

— Дальше, что было? — прервал её ведун, раздосадованный тем, что мать не даёт дочери и слова молвить самостоятельно.

«Что-то она от меня скрывает, да недоговаривает и боится, что дочка ляпнет, — подумал Казимир, следя за тем, как мать под столом украдкой тыкает дочь. — Пришли за помощью, но всё рассказывать не хотят».

— Случалось такое ещё трижды. Побормочет, постонет, да уйдёт, а потом и вовсе пропал надолго. Лето минуло, мы уж думали, всё кончено, пошалил дух, да отстал...

— Погоди, — остановил её ведун. — А прежде, чем перестал являться, вы что-то делали? Говорили с ним?

— Нет, конечно, — удивлённо ответствовала мать. — Об чём бы нам с ним проклятым говорить? Ясно же нечисть какую-то муж с чужбины на хвосте притащил... Вышивка ещё эта чудная... Нет, мы с этим родом ничего общего не имели и иметь бы не стали.

Казимир заметил, что Смеяна выглядит очень сконфуженно. Она явно хотела что-то рассказать, но боялась прогневить мать.

— Вы же богато живёте? — вдруг спросил ведун.

— Да... как сказать? — Дружана выглядела озадаченно. — Не жалуемся... Какие-то у тебя вопросы странные.

— Стал быть в доме достаток, что и подкармливать кого можете по доброте душевной? — проигнорировав её замешательство, продолжил Казимир. — Молочко в тарелочку, к примеру, налить соседской кошечке?

— Да бывает, конечно, — растянувшись в улыбке, призналась Дружана. — Ходила у нас как раз летом одна. Такая хорошенькая, рыжая, пуши-и-и-истая! Я ей каждый день молочко в блюдечке оставляла.

— А потом кошечка пропала? — подтолкнул её Казимир.

— Ну да... убежала или скрал кто... — пожал плечами Дружана. — Она ж красивая дюже, ох, главное, чтоб не на шкурку кто позарился!

— А когда кошечка пропала молочко в блюдечке ставить перестали? — продолжил Казимир, с прищуром глядя на гостей.

— Перестали... Так оно зачем же, ежели... — неуверенно протянула Дружана, оглянувшись на дочь.

— И через какое-то время бормотание продолжилось, — закончил за неё ведун.

Женщины молчали, но всё и так было понятно. Обе побледнели, то и дело друг на дружку косясь. Всё в точности угадал ведун. Казимир же, помрачнел, призадумавшись, патлатые космы свои пальцами взрыхляя.

— Помочь вашему горю можно, но сами вы, боюсь, не справитесь. Вы откуда, стал быть?

— Из Черёмушек, — ответила Дружана. — У нас три дома тама за лесом. — Она махнула рукой, указывая направление.

— Ведун в деревне есть?

— В соседней имеется... — неуверенно протянула женщина. — В Горемычишах... А тебе это зачем?

— Ну, как я с вами пойду-то? У вас же свой ведун местный имеется. Он, поди же недоволен будет, что чужак вмешивается.

Женщины снова очень странно переглянулись, словно решаясь, стоит ли идти на крайние меры.

— Казимир, — вновь заговорила Дружана и голос её неожиданно стал властным и покровительственным. — Я заплачу тебе столько, что ты до лета не будешь такой блёклой жижей, как этот суп питаться... Пойди с нами сам. То не нашего ведуна ума дело... — и подумав, добавила. — В ссоре мы. Не хочу с ним дел иметь.

— Ну, коли так, будь по-вашему, — пожав плечами, ответил ведун. — Через недельку ждите в гости. Загляну.

— Нам нельзя столько ждать... — Смеяна говорила твёрдо, но в голосе сквозило отчаяние. — Не окончен мой рассказ ещё. Опосля как бормотание явилось вновь, нечисть ентая начала курей резать. По одной в ночь, паршивец убивает. Не каждую является, но уж как явится... По утру выйдешь — весь двор в крови, всё в перьях и следы такие чудные...

— Это какие же?

— Словно одноногий кто-то ступает.

— Но ведь и это ещё не всё? — ведун внимательно следил за нитью разговора и перешёл в наступление. — Почему сейчас именно пришли? Что он сделал?

— В дверь нынче в ночь стучался... — севшим голосом прошептала Дружана, а Смеяна едва ль сознания при этих словах не лишилась. — Утром дверцу отворили... Всё в крови, и курица лежит на пороге, разорвана на части...

— Всё понятно. Вы хотите, чтобы я прямо сейчас пошёл?

Те неистово закивали.

— Тогда в путь, — кивнул ведун, собираясь. — До темноты дойдём?

— Дойдём! Только, Казимир, уговор давай один сразу... Ты как всё у нас закончишь, сразу назад к себе воротайся... На ночь нельзя тебе у нас оставаться. Муж мой в отъезде сейчас, нельзя чтобы люди чужого при нас увядали. Сам понимаешь... слухи пойдут.

— Я же не дойду впотьмах, меня волки задерут! — запротестовал Казимир.

— Не задерут. Тебя мой брат на санях по речному льду довезёт. Он как раз к ночи тоже должен воротиться.

— Ладно, раз так, согласен.

Казимир накинул полушубок, замотался в просторный тканый шарф, нахлобучив на голову меховой капюшон и распахнул дверь.

— А тебе ничего не надо с собой взять? — с сомнением протянула Дружана, поглядывая на многочисленные корни и травы.

— Ничего, — мотнул головой ведун. — Я, кажется, знаю, кто вас беспокоит. Так справлюсь.

Женщины заметно приободрились, после чего, наконец, двинулись в путь. Вьюга чуть

поутихла, но от того было не легче. Сугробы намело такие, что люди, порой, утопали по колено, с трудом переставляя ноги. Казимир шёл молча, боясь нахвататься холодного воздуха. Его провожатые двигались споро, явно хорошо ориентируясь на местности. Шли часа четыре без продыху, когда, наконец, увидали огоньки поселения. Однако перед самыми воротами Дружана забрала в сторону, обходя деревню по краю леса. Пригибаясь и то и дело, прячась за деревьями, они прокрались к дальней околице. Смеяна юркнула в раскидистый ивовый куст, увлекая остальных за собой.

— Веток не касайся, — шепнула она, косясь на Казимира. — Чтоб снег не осыпался. Воль стены иди след в след.

В частоколе оказался проход. Не выше пояса лаз, ведущий в деревню. Ведун только вздохнул, ничего не сказав, вот так лихо в дом и является. Оказавшись по ту сторону околицы, бабоньки провели ведуна к стоящему неподалёку сараю, за которым уже успокоились. Казимир понял, что они на месте — в глаза бросились алые следы на снегу. Кровь обильно окрасила небольшой дворик, то тут, то там валялись чернявые перья. Пока он осматривался, женщины отворили дверь в дом и уже зазывали его внутрь.

Пройдя в просторную избу, Казимир, лишь диву дался, как оказывается, порой живут люди. Под ногами были мягкие цветастые половицы, на стенах висели вычурные вышитые бисером картины, горница могла вместить человек пятнадцать... Красота, да и только! Бабоньки уже всю хлопотали, разжигая печь, да набрасывая различную снедь на стол. Ведун тотчас сплотнул, глядя на богатство, коим его собирались потчевать. Пирог, блины, пареная репа, куриная похлёбка, мочёные ягоды и мёд... У Казимира даже голова закружилась. Однако ж, взяв себя в руки, он к своему сожалению и вящему удивлению хозяйки от всего отказался.

— Поселившийся у вас ночной шопотун, голоден. Он разозлится, увядав сытого. И вы не ешьте, нынче. Будем ждать.

За окнами уже давно смеркалось. Ставни были плотно заперты, так что ночные звуки, едва ли проникали в дом. Слышалось отдалённое брехание собаки, да возня птиц в курятнике через двор. Казимир молчал. Сложив руки на животе, он дремал, полуприкрыв глаза. Не было нужды сидеть начеку, трясясь от возбуждения. Ведун знал, что нынче нечисть явится, как и то, что бабоньки многое от него утаили.

Прошло ещё два часа. Деревня совсем затихла и слышно было лишь как огонь потрескивает в печи, пережёвывая отсыревшие поленья. Смеяна клевала носом, но не смела спать под грозным взором матери. Дружана же явно нервничала. То и дело косясь на ведуна, она, похоже, начала жалеть, что притащила того в свой дом. Шутка ли, припёрся, ничего с собой не взяв. Как он будет жуткую нечисть прочь гнать? Щуплый, облезлый, кому такой помочь сможет? Но вспоминая странную чудо-избу, всё же успокаивалась.

Вдруг за стенкой послышалась какая-то возня. Хруст снега и правда напоминал шаги, но весьма странные. Словно некто не шагал, а прыгал. Женщины переглянулись. Смеяна затряслась, вцепившись пальцами в лавку. Её лицо побелело от суеверного ужаса, а глаза округлились. Послышалось бормотание. И правда даже слова не разобрать. Бу-бу-бу! Тишина, потом хруст снега и снова бу-бу-бу! Казимир глянул на Дружану, и как ни в чём не бывало, бросил:

— Пришёл ваш родственник, встречайте, что ль!

От неожиданности и наглости ведуна, та даже не сразу совладала с собой, а затем хрипло, потеряв голос, проямлила:

— Да какой же он нам родственник...

Казимир не ответил. Он прошел к двери, опустил ладонь на ручку, а затем, обернувшись, глянул на Смеяну и рванул на себя. Бабоньки вскрикнули, закрывая лица руками. На пороге стояло омерзительное существо. Без рук и без ног, тело синее крохотное, голова лысая, глазёнки навывкате, большой зубастый рот... Игоша хлюпнул носом и вновь забормотал, приблизившись к самому порогу, но не переступая его.

Казимир глянул на Дружану гневно и зло. На лице его заиграли желваки, а кулаки сжались.

— Ну? — выплюнул из себя он, на силу сдерживая ярость. — Чего замерли? Говорите, чей ребёнок за домом зарыт? — Последние слова он прокричал, абсолютно не заботясь, не услышат ли его в деревне.

Игоша нетерпеливо подпрыгнул, отталкиваясь уродливым и нагим телом, оскалил остренькие кривые зубы. Дружана тихо завывла, трясущимися руками обхватила голову, жмурясь, не в силах смотреть. Смеяна же попросту потеряла дар речи, окаменевше глядя на жуткое существо. Она медленно сползала с лавки на пол. Казимир, быстро подошёл к ней, схватил за плечо и потащил ко входу в избу.

— Не губи, — тихо, одними губами прошептала Дружана. — Молю... Всё что хошь отдадим... не губи доченьку.

Казимир ничего не ответил. Крепко держа, норовящую упасть в обморок Смеяну, он подвёл её к порогу, встряхнул и молвил:

— Вот, кто ваше молочко из блюдечка лакал тем летом. Кошка пропала, потому как он её съел, чтобы не шастала и молочко ему одному доставалось. А как молочко перестали ставить, начал на курей охотиться.

Смеяну била сильная дрожь, она сучила ногами, стараясь отойти подальше, но ведун не обращал на это внимание, продолжая:

— Я его бормотание не понимаю, как и не понимает его твоя мамка. Зато понимаешь ты и только ты! — с нажимом добавил он. — Говори! Говори, что он спрашивает?!

Смеяна не сдюжила такого напора. Закричала, хлеща Казимира ладонями по лицу, потом сникла, заливаясь слезами. Она упала на пол, обессиленно перебирая ногами и стараясь отползти прочь. Прочь от проклятого ведуна, от жуткой жути, что стояла и выжидательно палилась из-за порога, что-то бормоча под нос. Казимир бесцеремонно сгрёб девушку, схватив за волосы, и подтащил обратно.

— Говори! — кричал он, подтащив её к самому краю, так, что от игоши до Смеяны оставалась всего поларшина, иль того меньше. — Говори, что он у тебя спрашивает?!

Наконец, она сдалась. Вьюга свирепо ворочала отворённую дверь, в избу летели и тотчас таяли снежинки. Игоша замер, неотрывно глядя на девушку, и бормотал, бормотал буравя её своими дикими и полными... слёз глазами.

— Говори, — устало бросил Казимир.

— Не могу, — взрыдала Смеяна, мотая головой.

— Говори, — нажимал ведун, тряся её за плечо.

Смеяна оглянулась на мать, затем подняла на Казимира красные полные слёз очи и медленно, будто не веря пролепетала:

— Он спрашивает... он... он... Он спрашивает, как меня зовут... Как меня зовут, мамочка?

Девушка завывла, да так громко, что её рыдания и стоны, казалось, способны

перекричать даже бушующую вьюгу. Сотрясаясь всем телом, она плакала, не в силах оторвать взгляда от жуткого существа, которое и не думало уходить.

— Имя дай, — бросил Казимир, железным, не терпящим возражений, тоном.

— Ч-что? — заикаясь, не поняла Смеяна.

— Дай имя сыну, — процедил сквозь зубы ведун, стараясь не смотреть на неё, словно ему было противно.

Она долго сопротивлялась, противилась, не в силах принять то, что происходило с ней здесь и сейчас. Наконец, решившись, девушка медленно, глядя в глаза Игоше, прошептала:

— Тебя зовут Славик...

— Полностью, — прошипел Казимир. — Как раньше придумала!

— Мстислав, — неожиданно ласково и нежно сказала Смеяна, глядя на чудовище.

— Додумалась, етить твою... — буркнул ведун, сплюнув под ноги.

Игоша вдруг довольно хрюкнул. Подпрыгнув на месте, он завозился, отплёвывая летящий на него снег, а затем поскакал куда-то в сторону сарая, словно потеряв к людям интерес. Казимир постоял мгновение-другое, глядя ему в след, а затем запер дверь. Пройдя мимо лежащей на полу Смеяны, он сел за стол и принялся с аппетитом поедать успевшие остыть явства. За его спиной Дружана поспешно бросилась поднимать дочку. Та ни жива ни мертва, еле стояла на ногах. Хлопоча и успокаивая свою кровиночку, мать отправила ту спать на печку, а сама робко под села к ведуну за стол. Ели молча, то и дело обмениваясь угрюмыми взглядами. Наконец, Дружана не выдержала:

— Теперь всё? Уйдёт он?

— Нет, — равнодушно ответил Казимир. — Но пакостить не будет. Надо лучше кормить. Попробуйте прознать, что ему больше по нраву... Говорить он, конечно, не станет... Но, может, угадаете. Тогда за домового сойдёт, даже оберегать станет.

— А можно... его как-то... ну, это... — осторожно протянула Дружана.

— Убить? — напрямую спросил Казимир.

— Ну... в общем, да... — нехотя отозвалась хозяйка.

— Лучше не надо, — хмуро ответил ведун. — Сейчас он просто маленький, голодный и брошенный, — при этих словах Казимир, кинул осуждающий взгляд на печь, — ребёнок. Да, не такой, как у всех. Но у него и судьба не такая, какая положена. Вы сами его таким сделали. А ежели попытаетесь извести... получите злой дух, от которого и кикиморы шарахаться будут. Просто кормите, да доча пускай доброго слова для него не жалеет. Глядишь и сам уйдёт.

Ведун вдруг потемнел лицом, да как грянул кулаком по столу. Не узнать было прежнего робкого Казимира, коего вся деревня понукала, да подзатыльниками потчевала.

— Вы как до такого додумались? — взревел он, буравя Дружану слезящимися глазами. — Дитё малое, своё, родное, да в землю... живым?!

Смеяна тихо всхлипнула за печкой, да так и затихла. Мать долго молчала, но ведун не собирался ей помогать, он ждал. И тогда она рассказала.

— Муж мой купец, я тебе сказывала, — говорила она севшим, отрешённым голосом. — Уехал он годину назад до Царьграда. Мы со Смеянкой на хозяйстве. Ну, и как оно обычно бывает... Именно тут и появился к нам раскрасавец молодец. Из этих он... варяжский проныра... Они в наших краях и не бывают-то. А тут то ли заплутали, то ли разведывали чегойсь... В общем пристали на своей этой драккаре и с неделю топтались. Смея-то одному из них глянулась, проходу не давал. А я что сделаю? В общем обрюхатил девку, да и уплыл,

пропади он пропадом. Я дочери сразу сказала, ежели понесёшь от него, мы тебя как-нибудь уж от этого семени вылечим. И травки пила она, и тяжести таскала... Ничего не помогает, растёт живот. Чтобы никто из села не видывал, я её в избе и спрятала. Всем говорила, мол, больна дочура, потому и не выходит. Так и жили тут... Ой, боги великие, как же тяжело-то было! Разродилась она, наконец. Дура, ещё оставить хотела. А я ей и сказала, давай, доча ты моя, как договаривались... Не зря ж прятали тебя столько... Как родила, так мы его и закопали, стал быть... Там, — она махнула рукой в сторону леса, — прямо под сараем. Я хотела придушить... Уж так плакал он... Ну, не смогла я, понимаешь? Не смогла, дура я! — проглотив подступивший к горлу крик, Дружана вдруг подняла на ведуна глаза. — А как ты догадался-то?

— Да то как раз не сложно, — холодно ответил ведун, рассеянно жуя репу. — Ты ещё ко мне в избу придя, сказала сама всё... Выродком ту нечисть назвала. Говорила про «него». Позвала, куда муж в отъезде, да к своему местному ведуну идти не хотела.

— Ты не выдашь нас людям? — с надеждой спросила Дружана.

— Не выдам, — качнул головой ведун.

— Как камень с души... — прошептала хозяйка, но поймав укоризненный взгляд Казимира, осеклась. — Спасибо тебе...

— Ты меня уж прости за грубость, — оборвал её Казимир, глянув прямо в глаза. — Но мне твои спасибо-пожалуйста, не нужны. Вы такое тут сотворили на пару... Ежели б я был вашим ведуном деревенским, я бы вам и сарай, и дом поджог. Зови своего брата... где он у вас там? И плату, что посулила, изволь.

— Сейчас! Сейчас, позову! — Хозяйка тотчас бросилась прочь, а затем, вернувшись, быстро заговорила. — Будет ждать там же, откуда мы пришли, за околицей у кустов!

— И плату, — с нажимом напомнил Казимир.

Дружана запричитала, хватаясь за голову, взясь, аки курица. Юркнула за печь, оттуда послышались звуки открывающегося сундука, позвякивание, да побрякивание. Наконец, хозяйка вернулась, да дрожащими руками просунула в ладонь ведуна три сребреника. Сумасшедшие деньги! Но на душе Казимира не было радости, коротко кивнув, он покинул их дом, уходя в ночь.

Глава 11. Незнакомка

Мало-помалу к Казимиру стали являться новые просители. Из уст в уста люди передавали рассказы об ведуне отшельнике, что поселился на островке. Чаяния были самыми разными: сорванная спина, заболевшая скотина, ссора между соседями, желавшими проклясть друг друга, неразделённая любовь, снятие сглаза, целебная заживляющая мазь. Люди желали простого человеческого счастья, которое всенепременно должен был посулить им островной чародей за умеренную плату. Многие именно так его и воспринимали — чудотворцем, которого можно попросить, о чем только душе угодно. Казимир вынужден был многих разочаровывать.

— Нет на тебе никакого сглаза, — глаголил Казимир, устало объясняя раз за разом прописные истины. — Нельзя винить во всех горестях судьбы злой рок и чью-то тёмную волю! Жизнь, она вообще не сахар. Кулаки сожми и иди дальше.

«Поди, сам тот сглаз и навёл, проклятый чародей, — уходя, думал угрюмый мужик, бессильно сжимая кулаки. — Гляди, как бы самому хребет не сломали».

Казимир только головой качал.

«Уж на что лучше девицы, что за приворотным зельем бегают. Те хотя бы не злобные».

Поначалу, ведун пытался объяснять, что для приготовления подобного зелья нужно собрать такие ингредиенты, на добычу которых он и в жизнь не согласится. Потом увещевал, не пытаться добыть любовь обманом. В конце концов, Казимир пошёл на хитрость.

— Хочешь милого приворотить? Это можно, но выйдет долго и ненадёжно. Сдюжишь за любовь свою побороться? Да? Ну и славно. Вот тебе зелье, добавляй его в пироги или другие какие гостинцы и потчевай избранника в течении годины? Долго? А ты как хотела, чтобы любовь и легко, и просто? Годину по капле в день будешь ему подмешивать, тогда и счастье твоё придёт. Точно ли поможет? Ежели не поможет, значит не судьба. А супротив судьбы, кто мы такие роптать, чай не боги!

Под видом чудодейственного зелья Казимир давал страждущим до приворота милого обычный настой ромашки и зверобоя, разумно сознавая, что ничего сложнее им доверять нельзя. А ну как найдётся «умница», которая решит всю годовую норму влить в желудок избранника за раз. Платы за такой обман ведун, конечно же, не брал, лишь отмахивался, мол, вижу, что именно тебе то надо особенно, а потому ступай и будь счастлива.

Однако случалось и такое, что просители приходили с действительно серьёзными проблемами, решать которые было должно, хоть и не просто. Казимир и не заметил, как минуло полгода. За окном расцветала зелень, наполняя избу ароматом свежести приближающегося лета. Пели птицы, перекрикивая друг друга на все голоса, это вернулись грачи и дрозды, ласточки и жаворонки, зяблики и иволги. В зарослях камыша статно вышагивали цапли, из глубоких нор выползали змеи, сбрасывая старую кожу. Очнувшийся ото сна мир оживал. Ставни вновь были запахнуты настезь. К вящему удовольствию Стояна за зиму их так и не заколотили, чем тот очень любил бахвалиться, как важной и знаковой победой. Лед давно сошёл и хоть вода и оставалось холодной, Казимир частенько баловал себя купанием. Прямо с высокого берега он прыгал в студёную водицу, довольно фыркая и брызгаясь, а потом бегом возвращался в избу отогреться. Тело радовалось таким встряскам, напитываясь жизнью. Ведун не мог нарадоваться — зима осталась за спиной. Он снова выжил.

Как-то раз на бережок его острова вышли трое мужиков. Все при мечях в дорогих ножнах, у двоих за спиной луки. Они приплыли на лодке, и сразу было видно, что оказались здесь не случайно. Первый нёс на вытянутых руках румяный каравай, запах от которого ведун учуял едва ль не за версту. Для того, чтобы в травник месяц приготовить выпечку, нужно было умудриться сохранить муку в течение всей зимы, то есть либо знаться очень богатым человеком, либо умышленно себе отказывать. Казимир сразу же оценил цену подношению, смекнув, что гости явились с необычной просьбой. Второй мужичок, огненно-рыжий, заросший бородой так, что едва было видно лицо, тащил на плече связку заячьих шкур. Третий ступал позади остальных налегке, внимательно поглядывая по сторонам, словно примечал, как это тут поживает отшельник. Он был одет намного богаче своих спутников: белоснежная рубаха с красными оторочками, на плечах зелёный льняной плащ, застёгнутый у шеи сверкающей серебряной брошью в виде щита, на ногах кожаные сапоги с меховым лисицевым голенищем, длинные пшеничные волосы подобраны бронзовым обручем, инкрустированным речным жемчугом.

— Ишь ты, каким петухом вышагивает, — проскрипела изба. — С такого можно дорого взять.

— Ты же знаешь, я никогда сам не назначаю цену работе, — привычно отмахнулся Казимир. — У людей, может, горе, дурно говорить о выгоде, когда просящий в беде.

— Смотри, как бы последние штаны до дыр не сносить при такой-то наивности, — отрезал Стоян.

Ведун не стал отвечать на типичную для избы колкость. Денег, полученных от Дружаны могло хватить на год безбедной жизни, а он так ни разу и не выбирался на ярмарку. По правде сказать, Казимир не шибко-то спешил выходить в люди, боясь встретить кого-нибудь из прошлой жизни.

«Пущай-ка всё поутрясётся да забудется. Годы лечат всё, кроме человеческой памяти. Глядишь, и та повыветрится, лет пять пройдёт, да обо мне и не вспомнят».

Мужики подошли к избе, а старшой откашлявшись, молвил:

— Доброго утречка! Здесь живёт ведун отшельник?

— Здесь, — крикнул Казимир, высовываясь из оконца. — Не желаете ли подняться, передохнуть с дороги?

Мужик с сомнением покосился на лестницу, ведущую в узкую дверцу в полу избы.

— Не взыщи, но уж лучше ты к нам.

— Как пожелаешь, — ответил Казимир и спустился вниз.

Мужики смотрели на него с плохо скрываемым сомнением, а тот, что стоял с караваем, так и вовсе нахмурился.

«По одежке встречают», — хмыкнул про себя ведун.

— Меня зовут Казимир. Я ведун, но это вы и без того знаете. Какая напасть привела вас? — осведомился он, вглядываясь в лица гостей.

— Ратибор, — зычно отозвался старшой, протягивая руку.

Казимир подал руку в ответ. Ратибор сжал предплечье ведуна, словно и вправду искал спрятанный в рукаве нож. Его лицо, в отличие от сопровождающих мужиков, не выражало пренебрежения или сомнения, напротив, в глазах читался живой интерес.

— Это мои близкие, — он кивнул на мужиков. — Юрас и Мечислав.

Мужики коротко кивнули.

— Угостись, добрый человек, — продолжил Ратибор, сделав короткий жест рукой.

Юрас сделал шаг вперед, протягивая Казимиру каравай. В его лице читалось глубокое разочарование и алчущая зависть. Ведун отломил небольшой кусок выпечки, и быстро проживав, проглотил.

— Спасибо за угощение, — ответил он, глядя на Ратибора. — Вкуснее каравая я не пробовал.

— Дочка состряпала, — улыбнувшись уголком рта, молвил Ратибор. — Мы тебе весь оставим, опосля полакомишься, а теперь поговорим о деле.

Не успел Казимир ответить или хотя бы кивнуть, как Ратибор взял его под локоть, отводя в сторону. Его провожатые остались стоять, как вкопанные.

— Дело, значит, вот в чём. Я родом из Белозерска. Бывал у нас?

Казимир развёл руками.

— Оно и видно, — хмыкнул тот, добавив: — Не обижайся. Диковат ты с виду, но то поправимо. Так вот, наш город славится искуснейшими кузнецами и особой харалужной сталью. Мы куём лучшее оружие, доспехи, инструменты и сбрую. Для всего этого нужна хорошая железная руда. Не обычная, — он поднял палец вверх. — Мы ничего не ввозим. Только та, что добыта в наших землях, руками наших людей. Добрый кнес Белозерска Велерад ценит своих работников и опекает всех тех, кто добывает славу его граду. Он щедро благодарит за службу, как и круто обходится с предателями, — Ратибор выделил значительной паузой последние слова. — У одного месторождения творятся чудные дела. Рудокопы то и дело разбегаются, побросав заступы и телеги, а опосля рассказывают страсти, коим не место в наших землях. Кнес велел мне, своему воеводе, стал быть, разобраться. Я дважды приезжал к шахтам с малой дружиною, думал разбойники шалят, такое уже бывало, но нет — весь лес прочесали, ни следа. Пробовал говорить с рудокопами, а те мелят не пойми что, — он с досадой поморщился. — Духи, говорят, их обижают! Болотник, мол, на них тут охотится! Я бы, может, и поверил, коль бы сам там не был. Ну, нету там никаких страстей, а ведь искали мы хорошо. Тогда я смекнул, что кто-то из местных воду мутит. Рассуждал так: рудокопы решили сами себе жалование поднять, а чтобы обосновать зачем и почему, придумали страшилку, вроде их гоняет нечистая, поди ж ты проверь такое. А по всему выходит, вроде как, они теперь жизнями рискуют, и худо бы не доплачивать при таких делах. Я, право слово, уж думал не запороть ли мне парочку таких работничков, а там бы и правду выбил, но кнес не велел. Разбирайся, говорит, по-хорошему, чтобы люди были довольны и не роптали.

— Добрый кнес у тебя, — кивнул Казимир.

— Справедливый, — подняв бровь, подправил ведуна Ратибор. — Так вот, коль не удалось найти живых вредителей, надобно искать тех, что нечистью зовутся, я так рассудил. Раз говорят рудокопы, что обижают их, будем защищать, правильно?

Казимир коротко кивнул.

— У нас в Белозерске имеется и ведун свой, и знахарки, да токмо не хочу я, чтобы делом этим занимались местные. Тут же какой момент... — он немного помялся, да заговорщически подмигнул ведуну. — В городе ж все либо родня, пусть и дальняя, либо ещё как повязаны... Я так смекаю, ежели это всё байки, да сговор, чтобы нажиться, жалование себе поднять, то замешаны многие. Стал быть, они меня за нос водить будут, да ни за что не признаются в том, что рассказы те — невидаль и пустая выдумка.

— А ты, значит, хочешь их на чистую воду вывести? — понимающе хмыкнул ведун.

— Мне, Казимир, нужно прежде всего наладить работу шахты. А тут одно без другого и

быть не может. Коли и правда есть беда— её надо решить, коли нет беды — наказать выдумщиков, это уже по моей части. Потому мне нужен ты. Я, прежде чем сюда ехать, народ поспрашивал. Говорят, ведун тут у нас поселился недалече, который простому люду помогает, не жадничает, да и ко двору, стал быть, не рвётся. Честный человек, выходит? — он хохотнул, вызываясь глядя на Казимира.

— Людям виднее, — ведун, пожал плечами, но опосля, подумав, добавил. — Хоть и не всегда.

— Тоже верно. Ну так как? Берёшься?

— Берусь, — кивнул Казимир, понимая, что вопроса тут в общем-то не стоит.

— Я знал, что мы договоримся, — расплылся в улыбке Ратибор, хлопнув ведуна по плечу.

Казимира не обмануло радушие воеводы, его глаза вовсе не отражали той теплоты, которую он старался изобразить. Впрочем, ведун сразу рассудил, что жаловать его Ратибору пока было не за что. Тем временем тот кивнул провожатым, они молча ступили вперёд, протягивая принесённые дары.

— Прими гостинцы от нашего кнеса, так скажем, за знакомство, — сказал воевода уходя. — Меха убери в дом, а каравай откушай по дороге.

Казимир не ожидал такого скорого отбытия, но протестовать не стал. Такие люди не любят ждать, да и зачем годить, коль и правда нечисть в округе шахты орудует. Он быстро поднялся в избу, бросив шкурки на стол, пробежался взглядом по восстановленным полкам со снадобьями, да так ничего и не взял с собой.

«Мало ли что там у них завелось, — рассудил ведун. — Так сразу не угадать, на месте смекнём».

Дорога до Белозерска заняла добрых два дня. Они поднялись вверх по реке, несколько раз уходя по рукавам на запад, а затем вышли на берег, оставив лодку подле рыбацкой сторожки. В этом месте река разливалась необычайно широко и на мягких волнах покачивались четыре ладьи. Хмурые и неразговорчивые мужики безропотно приняли лодку, а один из них вывел четырёх лошадей. Казимир тотчас занервничал, ведь раньше он никогда не скакал в седле. Было очень неловко, но пришлось обо всём рассказать Ратибору. Тот выглядел немного рассерженным, но после смягчился и велел рыбакам подкатить телегу. В неё запрягли двоих коней, а Мечислав принял вожжи. Ведун уселся довольный тем, что не расшибёт голову, но вскоре об этом пожалел. Дальнейшая дорога проходила по разбитому тракту, и колёса на каждой кочке подбрасывали телегу. Уже через час на Казимире не было живого места от шишек и синяков. Когда стало смеркаться, Ратибор скомандовал привал. Юрас и Мечислав натаскали хвороста для костра, и вскоре на огне парил котелок с свежевыловленными окунями, которых им подкинули рыбаки. Казимир и сам не заметил, как его сморил сон, едва он поел.

Ему снились высокие горы, вершины которых скрывались в густых и пушистых белых облаках. Ведун шёл по узкой тропе, один край которой граничил с отвесной каменной стеной, а другой с пропастью. В лицо хлестали горячие потоки воздуха, в которых чудился запах серы. Здесь совсем не росло трав, только мёртвый камень, да снежные шапки, то и дело срывающиеся в пустоту. Казимир неуверенно ступал, инстинктивно прижимаясь к стене и стараясь не смотреть вниз. Право слово, там и глядеть было некуда, влажные объятия облаков скрадывали расстояние до земли, словно её там и не было в помине. Время от времени его слуха доносился далёкий и тяжёлый рёв, напоминающий гулкое эхо приливных

волн, разбивавшихся о скалы.

Казимир шёл по тропе так долго, что у него закружилась голова. Сначала он пытался гнать прочь явившееся наваждение, а когда понял, что это невозможно пошёл ещё медленнее, держась обеими руками за стену. Легче не стало, дурнота подкатывала то сильнее, то слабее, но никуда не исчезала. Вдруг ведун оступися, его левая нога супротив воли шагнула чуть дальше, чем он хотел. Ступив на влажный камень, Казимир поскользнулся и зашатался, хватая руками воздух. На силу ему удалось не свалиться. В последний момент, когда тело уже начало заваливаться в сторону пропасти, ведун прыгнул, прижимаясь к земле. Переведя дыхание, Казимир уже не стал пытаться встать и пополз, не осмеливаясь даже поднять голову, чтобы посмотреть вперёд.

Когда начало казаться, что он ползёт целую вечность, тропа неожиданно оборвалась. Ведун выбрался на просторную площадку, границы которой хищно ощерились каменными выступами, напоминающими звериные зубы. Поднявшись на ноги, Казимир хотел было осмотреться, но плотный туман не позволял ничего различить дальше вытянутой руки. Вдруг ведун понял, что кто-то стоит у него за спиной. Не услышал, не увидел, именно почувствовал. То ли лёгкое дуновение ветерка, то ли едва уловимое тепло дыхания. Он обернулся. На каменном выступе стояла женщина неопишуемой красоты. Сапфировые глаза были чисты и холодны как лёд, синие губы оттенка безоблачных небес, высокие скулы, подчёркивающие изящество и худобу впалых щёк, идеально прямой нос, словно выточенный из камня. Её волосы цвета спелого каштана, сплетённые в тугую и широкую косу, казались жёсткими медными струнами, а лебединая шея длинна, тонка и белоснежна, как свежий снег.

Незнакомка шагнула вперёд, цепко ухватив Казимира за подбородок. Тот замер, не понимая сути происходящего. Женщина внимательно взгляделась в его глаза, а затем шумно втянула ноздрями воздух. Её холодные и ловкие пальцы скользнули к его правой руке, разворачивая к себе раскрытой ладонью, на ней явственно проступал алый шрам — три черты сходились в одну, внутри замкнутого круга. Незнакомка подняла на ведуну ледяной взгляд, едва заметно укоризненно качнув головой. Казимир и рта раскрыть не успел, как её ладонь легла сверху на его. Он ощутил холод, пробирающий до костей, вытягивающий тепло и смертельно опасный. Ведун было дёрнулся, но женщина держала крепко и только сдвинула его кисть. Казимир отчётливо понимал, что ещё мгновение-другое и он не выдержит этой боли и пытки. Он почти не чувствовал руки, а холод поднимался по венам, приближаясь к плечу.

Вдруг она расцепила пальцы, и ведун со стоном отпрянул назад, тряся кистью. Повернув к себе ладонь, он увидел, что шрам исчез, а на его месте проступил новый узор, очень похожий на рисунок, что оставляет иней на морозе.

Глава 12. Белозерцы

Казимир проснулся от того, что телега вновь скакала по кочкам, подбрасывая его ещё не отошедшее от ночных грёз тело. Мечислава сменил за вожжами Юрас, который правил намного лучше, избегая попадания колёс в глубокие ямы и колдобины. Ратибор скакал впереди, то и дело привставая в седле. Ведун понял, что проспал дольше обычного, и они уже приближаются к городу. Повернув голову, он заметил, что лес кончился. Казимир привстал на локтях, выглядывая за борт телеги, да так и застыл с разинутым ртом. Перед ним лежало широкое поле, искрящееся в бликах солнечных лучей, скользящих по капелькам росы. Впереди на холме возвышался город, от величия которого захватывало дух.

Высокие стены простирались так далеко, что можно было лишь гадать, сколько же людей живёт внутри. Над стенами грозно нависали дозорные башни с узкими бойницами, а внизу простирался оборонительный ров. Подъёмный мост сейчас был опущен, а центральные ворота распахнуты настежь. Над воротами ведун заметил три воинских щита: круглый с белыми и красным полосами, вытянутый прямой со скруглёнными углами с изображением рыси, и третий в виде ромба, на котором нарисовано могучее дерево, раскинувшееся над озером. Казимир откашлялся, привлекая внимание Юраса.

— Чьи это гербы?

— Круглый щит варягов. Приходили они к нам, да не солоно хлебавши воротались, — с явной гордостью в голосе отозвался воин. — Дерево над озером — это наш Белозерский.

— А третий с рысью? — спросил Казимир, когда понял, что продолжения не последует.

Юрас почему-то не спешил с ответом, словно был недоволен находжению этого герба над воротами.

— Это щит вогуличей. Мы с ними вроде как в дружбе.

— Но тебе это не особо по нраву? — Ведуну стало страсть как интересно, разговорить молчаливого воина.

— А чего тут хорошего? — буркнул в ответ Юрас, пожав плечами. — Дружба эта однажды нам боком встанет. Нет бы воевать, как должно, как деды завещали... А мы всё договариваемся, да свадебки справляем.

— Ты мне тут давай... — гаркнул Ратибор, незаметно поравнявшийся с телегой. — Мечом ещё махать начни, как языком машешь!

Воин в миг присмирел, недовольно зыркнув на ведуна, мол, из-за тебя всё. Воевода же, заметив на себе взгляд Казимира, пояснил:

— Юрас у нас не токмо говорить мастак, да и витязь он славный. Ему лишь бы руки размять, да кого-нибудь укокошить, — со смехом добавил Ратибор. — Только вот одна беда, сначала говорит, а опосля думает.

Бросив напускной гневный взгляд на притихшего воина, и довольный тем, как тот неловко умолк, воевода вновь обратился к Казимиру:

— Ну, ты, брат, спать! Мы уж решили издох, захворал или того хуже, обнаглел! — с усмешкой пробасил Ратибор. — Я думал ведёрко воды тебя в чувство приведёт.

— Хорошо, что до этого не дошло, — отозвался Казимир. — И на том спасибо.

— То не мне спасибо, — ухмыльнувшись в усы, ответил воевода. — Просто ведра с собой не было.

Когда они подъехали к воротам, навстречу вышли четверо всадников, вооружённых

копьями и щитами с изображением дерева над озером. Ратибор не останавливаясь махнул им рукой, и воины, окружив телегу, двинулись следом, словно сопровождают пленника. Едва арка ворот мелькнула над головой, опешивший Казимир понял, почему они так сделали. Им открылась улица, мощёная деревом. По ней едва ли могли проехать строем четверо верховых, а потому, скакавшие впереди разгоняли толпу перед телегой. Народу было видимо невидимо! Ведун в жизни не встречал столько новых лиц одновременно. К его вящему удивлению, на них никто не обращал внимания, словно подобный конный разъезд для обывателей не являлся чем-то из ряда вон. По своим делам спешили мастеровые, погонявшие перед собой подростков, тащивших инструменты, суетились земледельцы, которые тянули и катили многочисленные тележки с товаром, расхаживали солидные, зажиточные хозяйки в сопровождении ни то дочек, ни то невесток, оглядывая разномастную продукцию многочисленных уличных торгашей. Весь город напоминал одну огромную ярмарку.

— У вас всегда так? — спросил Казимир, но Юрас ничего не ответил, то ли не слышал, то ли делал вид.

Гомон и правда стоял такой, что в пору и себя перекрикивать. Казимир решил, что его везут прямо к кнесу на поклон, но оказалось, что он ошибался. Телега остановилась подле вычурного терема с резными петушками на крыше. Ладные прилаженные одна к другой без малейшего зазора ставни были заперты. Воевода первым спрыгнул с коня, коротко свистнув. Из сеней тотчас выскочил пожилой мужичонка в простой серой рубахе, принимая из рук Ратибора уздечку. Бережно поглаживая животное по щеке, конюх повел того в стойло.

«Значит не к кнесу, — понял ведун, разглядывая дом воеводы. — Хорошо живёт. Доброе жилище».

В небольшом дворике росли ухоженные яблоньки, несколько кустов смородины, имелся и свой колодец-журавль. Из построек был хозяйский терем, конюшня и небольшая пристройка, видимо, для работников. Вместо забора улицу ограждала витая изгородь, сплетённая из тончайших веточек, протянутых между украшенными резными набалдашниками столбами.

«Да уж, — подумал Казимир. — Вряд ли Ратибор боится воров. Кто к нему полезет? Всё равно, что сразу на плаху голову положить».

Между тем, Мечислав и Юрас, дождавшись отмашки воеводы, откланялись по своим делам, коротко распрощавшись с ведуном. Казимир неловко застыл посреди двора, переминаясь с ноги на ногу. Он никогда не видал такого достатка. Люди в Белозерске жили совсем иначе, как ему даже и не снилось. Большой город, казалось, мог бы вместить сотню, а то и больше таких деревень, как его родные Вышки.

— Казимир! — прозвучал зычный голос воеводы, явно привыкший выкрикивать команды на поле брани. — Ты что там замер? Подь сюды!

Ведун прошёл в сени, стараясь ни на что не пялиться. Ему впервые в жизни было до одури неловко, что он настолько дик по сравнению с этими людьми, о существовании которых, раньше и не знал. Оказавшись в светлой и уютной горнице, Казимир снова застопорился, глядя на чисто подметённый дубовый пол. Зыркнув на свои изношенные и замаранные дорожной грязью лапти, ведун чуть сквозь землю не провалился от стыда. Заметив его замешательство, Ратибор его по-своему истолковал, спокойно бросив:

— Да не бойсь ты, иди, говорят! Вот, усаживайся, — продолжил воевода, указывая на лавку через стол от себя. — Чем богаты, как грится... — и толкнул к нему миску с остывшим супом, с кусочками куриного мяса.

Казимир тотчас почувствовал, как же он голоден. С прошлого вечера во рту и маковой росинки не было. Тем не менее есть он начал не спеша, хотя в пору было вылакать содержимое тарелки одним махом. После похлёбки закусили вчерашними лепёшками и парой головок лука, которые запили смородиновым компотом.

— Ну, что? — встрепенулся Ратибор, едва с трапезой было покончено. — Отдыхать с дороги, надеюсь, не надобно? Махнём сразу к рудокопам?

Казимир прочистил гордо и сказал то, что уже давно решил:

— Я должен идти туда один.

— Это ещё зачем? — с сомнением протянул воевода.

— Ежели подозреваешь своих в том, что они всю историю с нападением болотника выдумали, то увидав тебя все будут по струнке ходить. Лучше мне самому. Я поброжу по округе, поговорю с лесом, может чего интересное найду, а там глядишь и дух сам на меня выйдет.

— А если разбойники нагрянут? — поднял вверх бровь Ратибор. — Чего делать будешь?

— А что с меня взять? — пожал плечами Казимир. — Да ты и сам сказал, что прочесали всё, нет их.

— Ну, сказал, — нехотя согласился воевода. — Но всё равно не дело это. Ежели ты мне опосля доложишь, мол, так и так, извёл я вашего болотника. Как мне потом кнесу докладывать о том, чего я не видел сам?

— Если там и правда болотник, то изводить я его не стану, не в моих то силах выгонять лесного духа с его же дома. Да только вот сомневаюсь, что стал бы он понапрасну народ гонять. Здесь что-то иное... Не бывает так.

— Добро, — наконец, согласился Ратибор. — Сколько тебе времени понадобится?

— Не знаю, — честно ответил ведун. — Может один день, может несколько. Пока новое нападение не застану, буду ходить.

— А ты, я вижу, парень не промах, — оскалив свою немного жутковатую улыбку, пробасил воевода. — Добро. Как, что, приходи сюда переночевать, аль откушать. Я дворовых предупреду. Провожатых до приисков тебе выделить?

— Не надо, — возразил Казимир. — Я лучше постепенно начну. С города.

На том и порешили. Выйдя из дома Ратибора, Казимир замер в нерешительности. За поясом прожигал кожу сребреник, который ведун взял с собой, прознав, что поедет в город. Ему страшно хотелось прогуляться по торговым рядам и что-нибудь купить... что угодно, лишь для того, чтобы потратить деньги, которых у него никогда не было. Медленно шагая по улицам, ведун, наконец, решил, что ничего дурного не станется, если он просто немного погуляет. Иногда Казимир останавливался у торговцев съестными припасами, напрочь теряя дар речи.

— Яблоки? Откуда? Не могли же они ещё народиться? — вопрошал он, тыкая пальцем в полотняные мешки, полные мелких краснобоких плодов.

— Так это не наши, а Таманские, — отвечала розовощёкая девчонка, лучезарно улыбаясь. — Тятенька с Фанагории привёз.

Казимир кивал, улыбаясь в ответ, хотя и слова не понимал в чужеземных названиях и никогда не слышал про те края.

— Умелец, сколько просишь за такой кинжал? — интересовался Казимир, зачарованно глядя на тёмный металл безупречной работы клинка.

Торговец смерил ведуна брезгливым взглядом, хмыкнув, но всё же ответил:

— А что у тебя есть? Уж явно не червонное золото.

Стоящие рядом люди засмеялись. Казимир совсем не обиделся, гордо достав из-за пояса начищенный до блеска сребреник. Рядом кто-то ахнул. Не каждый из толкущихся здесь людей мог похвастаться таким, однако же торговец не выглядел впечатлённым.

— Вижу, человек, ты приличный, но этого всё равно будет мало.

— Ну, что ж поделать, — беззаботно отозвался Казимир. — Буду копить!

Его не оскорбило ни отношение людей, увидевших оборванца в чужом, неумело перекроенном соболином полушубке, ни надменность в голосе торговца. Казимир и не собирался покупать его товар, даже на глаз определив, что тот кинжал сушая драгоценность достойная если не кнеса, то его воеводы. Он уже хотел было, как вдруг кто-то настойчиво подёргал его за рукав. Обернувшись, ведун с удивлением вновь увидел торговца оружием. Тот поманил его, отводя в сторону и поинтересовался:

— Не местный? — он скорее утверждал, чем спрашивал.

— Ага, — ответил Казимир. — Воевода ваш меня привёз, кой-какая работёнка имеется.

— Вот оно, что, — понимающе покивал мужчина. — Слушай, это, конечно, твоё дело, ходить в обносках... Но можно же подобрать и что-то получше. Деньги у тебя есть. Могу посоветовать к кому обратиться.

Ведуна очень не хотелось в первый же день в большом городе оказаться обманутым, но желание поскорее расстаться с сребреником оказалось куда сильнее. Он довольно закивал, с трудом скрывая всколыхнувшееся в душе волнение. Скоро его подвели к прилавок, за которым стояла упитанная женщина в цветастом кокошнике, инкрустированном резными цветами, очень тонкой работы. Бабонька была в летах, однако вела себя бойко, тотчас взяв ведуна в оборот.

— Одеть, обусть, да накормить, — резюмировала она, оглядев покупателя с ног до головы.

— Накормить не надо, — робко улыбнулся Казимир. — Я недавно ел.

— То не тебе решать, — отрезала женщина, с прищуром снимая мерки одежды. — Такой тощий, что на тебе всё будет мешком висеть. Не бабские же вещи мне тебе предлагать!

— Бабские не надо, — смущённо протянул ведун.

— Ладно, заходи за прилавок, да сымай это тряпье, — решительно заявила купчиха.

— Прямо здесь? — изумился Казимир, робея.

— Нет, можно до леса сбегать, — грозно отрезала бабонька, игнорируя его сомнения.

Готовых рубах было немного и все оказались сильно велики, но подбрав ту, что более прочих пришлась покупателю по нраву, женщина тотчас отдала её на перешивку дочери. Тот и глазом не успел моргнуть, как натягивал на грудь новёхонькую по колено длинной коричневую робу с зелёными манжетами. За место старых сношенных до дыр и множество раз штопанных тканых штанов, у него теперь были кожаные, непривычно жёсткие, но очень плотные. Это качество Казимир тотчас оценил особенно, помятуя, как страдали от мелких ран ноги в его долгих походах по лесу. Вместо лаптей, ведун обзавёлся бобровыми сапогами, которые сидели как влитые. В довершение всего на плечи Казимира лёг тёмно-синий плащ с медной застёжкой и головной обрuch, подбирающий волосы. Купчиха была очень довольна собой, но Казимир тотчас смекнул, что его монета стоит немного больше. Он указал на пояс из тёмной кожи со множеством крючков и застёжек, про себя прикидывая, как будет удобно на нём развесить мешочки со снадобьями. Ведун поглядывал на него всё время, пока

расторопная торговка с дочерями хлопотали вокруг. После непродолжительного торга та согласилась уступить, и к вящему удовольствию Казимира, он вернулся на улицу совершенно иным человеком. Не то, чтобы ведун шёл горделиво, он никогда не питал страсти к хвастовству, но всё-таки сиял, как новенький самовар.

Побродив вдоволь, изучая незнакомые улицы и чужие дома, ведун время от времени обращался к местным с простыми и бесхитростными вопросами.

— Не слыхали ль вы, что стряслось на шахте? Болотник людей гоняет? А где именно его видели? У какой-то одной шахты нечисть проказничает или где-то по дороге людей вылавливает?

Отвечали очень по-разному. Кто-то охотно излагал обросшие несущественными подробностями слухи, другие пересказывали одни и те же заученные версии произошедшего, иные же и вовсе ничего не слыхали. Очень быстро Казимир смекнул, что о «бушующем» на болотах подле шахт неизвестном духе вообще мало кто знает. Главное, что ему удалось понять — никто толком его не видел, кроме старателей, а те, чуть что давали дёру, хотя жертв пока не было. Это и удивило ведуна больше всего.

«Не станет болотник просто так людей гонять. Это в конце концов опасно. Значит, либо кто-то прикидывается болотником, либо его с кем-то путают».

Сказать по правде, болотник мог быть недоволен самим присутствием людей в непосредственной близости. Шахты по добыче железной руды ставились на болотистых участках. Сначала выкапывали яму, в ней строили деревянную клеть, возводили опоры и начинали углубляться. Дух мог быть разгневан тем, что в его вотчине постоянно стучали заступы и кирки. Такое можно понять. Но ведь кто он таков, супротив людей с города? Захотят извести ж, изведут, то вопрос лишь желания. Вот, ежели у него обида какая имеется... Но узнать про то, не обижали ли болотника, так и не удалось. Старатели по большей части были неразговорчивыми и отвечать на вопросы незнакомца не желали. Но ведун привык к упорству в работе, и, наконец, нашёл того, кто смог ему помочь.

Молодого мальчишку лет двенадцати, которого Казимир отыскал к исходу дня, звали Желан. Он был младшим сыном старателя и только обучался отцовскому ремеслу. Тот с двумя старшими братьями пропадал в шахте по паре недель, а опосля возвращался на отдых. Желан следил за хозяйством и сёстрами, выполняя роль единственного мужчины в доме, пока отсутствовали отец и братья. Ведун сразу смекнул, что ему очень хочется уходить на работы вместе с батькой, но поскольку довольствоваться приходилось сидением в городе, парень старался извлечь какой-то прок хотя бы из этого. Он делал вид, что гордится выполняемой функцией «головы» в доме.

— Тяжело поди, когда всё на тебе одном? — участливо осведомился Казимир.

— Ничего не поделаешь, кто-то должен за всем смотреть, — с достоинством отвечивал Желан. — Бабы ж без меня что? Пропадут сразу. Как без мужской руки, да твёрдого слова.

— Это точно, — кивнул Казимир. — Но ведь и родичам в шахтах тоже, поди, не сахар?

— Это наш родовой промысел. Старатель — почтенная работа. Кнес ценит наш труд и никогда не обижает. Всё, что добыли идёт на плавку лучшей стали до самых красных гор.

— Хорошо, когда свою работу любишь, — продолжил Казимир, стараясь его разговорить. — Но всё ж таки бывает и тяжело? Этого не надо стыдиться. Каждому бывает тяжело. Жизнь, она ведь не бывает лёгкой.

— Да нет, — рассеянно отвечал Желан. — Разве что вот болотник этот нынче

выискался... Раньше ж такого не бывало, а теперь гоняет народ!

— А твои братья и отец его видали? — ухватился за нужную нить ведун.

— Не, — с явной досадой в голосе протяну парень. — Если б мой батька его увидел, то в раз бы в землю заколотил. Он у меня знаешь какой? Кулаки во! — Желан показал в воздухе кулак, размер которого превосходил его собственную голову. — Потому-то болотник и не разбойничает, когда мои на работу выходят.

— Но я слыхал, что пока болотник никого не забрал. Иль может кого-то скрал так, что никто и не знает?

— Мне про то неведомо, — пожав плечами, ответил Желан, жуя травинку. — Из тех, кого я знаю, никто не сгинул.

— А до этого? — не унимался Казимир. — Может, раньше кто-то из старателей пропал?

— Дык... это... на сколько раньше? — удивился парень. — Всяко ж бывало. Вот, помню годин пять тому назад, парнишка один на речке утоп, так его мамка до сих пор туда приходит, с ним, тобишь, всё попрощаться не может.

— Не то, — покачал головой ведун. — Вообще в тех местах пропадал кто из местных? В лесу, на самих болотах?

— Да мне откуда знать-то? Я ж не слежу за всеми, на мне вона свой дом, и того хватает.

— Может, кто из дому сбежал? Невеста иль муж заблудивший? — продолжал настаивать ведун. — Такие дела всегда на слуху! Уж ты бы точно знал, — добавил он, чтобы слегка поддеть самолюбие пацана.

— Да не, дядь, ничего такого не припомню... хотя... слушай, был год назад один случай... Точно! У Златомира сыновья Прозор и Тихомир в разбойники подались. Поговаривали, сперва они хотели свою банду среди местных собрать, а когда ничего не вышло к кому-то прибились. У нас же как... все люди мирные, живём мы у кнеса, как у Сварога за пазухой... На кой нам воду мутить-то? Батька сразу сказал, что Прозорка зря брата подбивает, что он дурак и плохо кончит.

— А что много кто знал об их замыслах?

— Ну батька мой знал, он вообще всегда и про всех знает.

— Это как?

— Так на шахте ж у кого хошь язык развязывается... работать-то оно всегда за болтовнёй приятнее.

— Эт ты верно говоришь, — улыбнулся Казимир. — А где, говоришь они жили Прозор и Тихомир эти?

Найти жилище Златомира отца семейства, в котором жили мятежные братья не составило труда. Мастеровые и старатели все селились неподалёку друг от друга. Однако, как зайти в дом, да выспрашивать у людей, при каких обстоятельствах исчезли их родичи, Казимир постеснялся. Он топтался у порога небольшой избы, уже собираясь уйти, как вдруг дверь отворилась и на улицу вышел крепкий и коренастый мужик. Его седые волосы облепили потный лоб, а тугие бугры мышц были видны даже через рубаху. Плечи по ширине едва протиснулись в дверной проём, а ноги ступали так, словно столбы вбиваются в землю. Заметив ведуна, он бросил на него подозрительный взгляд.

— Тебе чаво? — его голос был низким под стать звериной мощи обладателя.

— Ты Златомир? — обронил Казимир, собираясь с мыслями, что же сказать.

— Ну.

— Мне сказали, ты видел болотника, который наводит шороху на шахту, — на удачу пискнул ведун, глядя, как громадный мужик надвигается на него словно стена. — Правда ли то?

Ведун сказал первое, что пришло в голову, опасаясь поднимать тему о сбежавшем сыне в разговоре с таким-то медведем. Внезапно, он увидел, что по лицу Златомира словно тень пробежала. Вся суровость этого колосса, будто на миг потеряла яркость, отступая перед чем-то таким... чего он не мог понять или принять.

— Я не знаю, чего видел... — медленно произнёс тот. — Тебе кто такое сказал? — он оглянулся на свою избу. — А кто это об том треплется?

— Да так... — Казимир попытался небрежно махнуть рукой, но вышло не слишком убедительно. — На базаре слышал... от кого-то.

В глубине души ведун, едва ли не кричал! Он соврал на удачу, и попал в точку.

— И ты пришёл языком почесать к моему дому? — голос Златомира вдруг стал твёрже камня и наполнился гневом.

Казимир и глазом не успел моргнуть, как мужик сгрёб его за грудки, встряхнув так, что тот едва не подлетел в воздух.

— Я бродячий ведун, — быстро затараторил Казимир, пытаясь убраться огромными кистями с ворота нового плаща. — Меня попросили помочь с болотником.

Старатель вдруг переменялся лицом, тотчас разжав пальцы. Поставив Казимира на место, он даже попытался разгладить его смятую рубаху, ведя себя так, словно ему до ужаса неловко.

— Ты это... не взыщи... Я ж думал, болтун какой-то припёрся, добрым людям докучать... А ты правда ведун?

— Правда, меня ваш воевода Ратибор нанял, чтобы помог разобраться, — нехотя признался Казимир.

Вообще ему очень не хотелось об этом упоминать, поскольку уговор с воеводой гласил, что помощь Белозерску должна быть оказана тайно. Но ведун попросту боялся, снова не угадать с ответом перед обладателем таких внушительных лап.

— Зайдём, — коротко буркнул тот, мельком глянув по сторонам.

Оказавшись в избе, Казимир тотчас почувствовал кисловатый запах браги. Ещё тут царил жуткий беспорядок и было очень грязно. Только теперь ведун понял, почему Златомир выглядел таким хмурым, когда вышел на порог, — он крепко пил, и судя по тому, как выглядел дом, пил уже не один день. Словно в подтверждение мыслей ведуна, хозяин достал из-под стола низкий дубовый бочонок, и потрясши им в воздухе, приложился к отверстию, сделав несколько глотков. Отбросив опустевшую тару прочь, старатель обвёл мутным взглядом свой дом, остановившись на Казимире.

— В общем так. Было дело месяца два назад. Земля уже подоттаяла, начали мы закладывать новую штольню. Копали долго, наконец добрались до жилы. Я проходчик, стал быть, рою первым, а как найду, пускаю молодых. В тот день, когда пошла рудная порода, я оставил парней трудиться, а сам решил смотаться отдохнуть денек другой, да выспаться в тепле. Иду я значит по тропинке... каждый же листик иль травинку знаю... сколько там хожено... Вдруг, глядь, а от трясины лезет тварь какая-то... Сам весь зелёный, ряской и тиной обмотанный... и орёт на меня.

— Орёт? — опешил Казимир. — Ты его понимал?

— Да нет, конечно... Он, как бы это сказать... То ли рычал, то ли хныкал... Выл,

короче... Так заунывно, знаешь...

Златомир вдруг обхватил голову руками, икнув. Помолчал-помолчал, да и продолжил:

— Я ж трусом никогда не был... а тут... не знаю, что со мной случилось... словно ёкнуло в груди что-то... Он ко мне, я от него... И бежать...

— Это происходило не раз? — спросил Казимир, боясь, что тот замкнётся. — Болотник снова на тебя выходил.

Златомир снова икнул, и зажмурил глаза, затряс головой, кивая.

— Четырежды гад бросался из трясины... Иду... Вот она дорожка, нет никого... И раз... На тебе!.. Стоит... и руки свои тянет!

— А другие старатели его видали?

— Да, как-то с ребятами шли и опять он из трясины выполз... тьфу ты...

— И они что? Те, которые с тобой его увидели?

— Дык, что... драпали тоже... Это знаешь... вот сейчас при свете дня, да в городе кажется... как... А когда ты с этой тварью сталкиваешься... Он... я не знаю... Словно, всю душу одним взглядом скомкал, да вытянул!

— А без тебя его кто-то встречал? — спросил Казимир главное, что взбудоражило его разум ещё не оформившимися догадками.

— Да почему мне знать... Вроде, нет.

— И как теперь? Ходишь работать?

Златомир покачал головой.

— А другие?

— Пару семей работают, но на ближней шахте. Это они тут петухами ходят, что ничего не боятся, а сами поди там сидят, теней своих шарахаются. А у меня теперь... ничего... Жинка к родне ушла в Рощи. Сказала, проведать..., да я уж думаю, не вернётся... Я бы тоже не вернулся.

— Я знаю, как вашего болотника уговорить, — вдруг решительно заявил Казимир. — Но ты должен пойти со мной.

— Иди ты... — буркнул Златомир. — Я туда ни ногой.

— Надо, — ведун постарался, чтобы его голос звучал твёрдо. — Ты хочешь, чтобы эта тварь и дальше людей по болоту гоняла? Пока никого не поймал ваш болотник. Обождём, пока поймают?

Златомир угрюмо молчал, старательно отводя взгляд. Наконец, он тряхнул головой и тихо буркнул:

— Ладно уж.

День уже клонился к вечеру, но Казимир настаивал, что идти нужно прямо сейчас.

— Ты ж его не по утрам встречал, так?

— Ну так...

— То-то и оно. Покажешь мне точное место, а как явится — беги.

— Чего это?

— Раньше ты что делал? Бежал?

— Ну...

— Вот потому и не погиб никто. Ты и теперь беги.

— А ты? Что? — неуверенно протянул Златомир, с сомнением глядя на ведуна. — Один супротив этого болотного?

— Тут сила не нужна, — ответил Казимир. — У меня с ним другой разговор будет.

Златомир снова глянул на ведуна, теперь в его глаза читалось уважение, смешанное с изумлением. Они двинулись в путь, не собираясь и больше ничего не обсуждая. Казимир вовсю глядел по сторонам, на всякий случай запоминая обратную дорогу, старатель помалкивал. Златомир мучался с похмелья, а ведун не хотел спрашивать лишнего. Тяжёлая судьба рудокопа открылась ему, как на ладони. Ведун боялся лишней раз растревожить истерзанную душу, а потому благоразумно молчал. А ну как передумает!

Всё случилось так неожиданно, что Казимир даже не сразу понял, что идёт один. Он оглянулся, увидав Златомира шагах в двадцати позади. Того подменили словно. Мужик стоял, как в землю вкопанный, выпучив глаза и следил за чем-то в недрах редких елей, растущих на болотце. Казимир проследил за его взглядом и охнул, тотчас почувствовал, как застучала правая нога, дрожа от окатившего, словно ведро холодной воды, приступа паники. Со стороны болот шло нечто, лишь отдалённо напоминающее человека. Тина и ряска облепляли тело так плотно, что не было видно кожи. На месте глаз сияли две чёрные, как смоль дыры. Тварь передвигалась на четырех ногах, в двух из которых с трудом можно было различить руки. Болотник явно увидел Златомира, а может учуяв, искал именно его. То и дело он глухо ревел, а звук, эхом отскакивая от деревьев, кратно усиливался, превращаясь в многоголосный рык.

— Беги! — крикнул Казимир, но старатель, казалось, его не слышит.

Заламывая руки, мужик топтался на месте. Его искажившееся лицо было бледным, как снег, а из глаз текли слёзы. Недолго думая, ведун подхватил с земли камень и что было силы швырнул в старателя. Получив удар, тот вздрогнул от неожиданности, словно очнувшись ото сна.

— Беги, Златомир! — снова закричал Казимир. — Беги!

Не заставляя просить себя трижды, старатель развернулся и побежал прочь, не оглядываясь. Болотник неуклюже пытался нагнать Златомира, то и дело испуская гортанный вой, но путь ему преградил ведун. Мрачно застыв перед завывающим чудищем, Казимир, собрав всю решимость, на какую был способен, замер. Покрытое болотной слизью существо рассерженно рыкнуло, а затем развернулось, уходя прочь. Оно шлёпало по замшелым кочкам, то и дело оглядываясь. Казимир преследовал его неотступно, все так же храня молчание. Уже начало смеркаться, тени деревьев удлинились, превращаясь в бесконечные чёрные полосы. Ведун уверенно брёл за болотником, который, казалось, позабыл о преследователе. Они миновали водянистую топь, в которой Казимир мог бы запросто утонуть, но тот, даром опытный в таких делах, ступал строго по следам болотника, чудом разминувшись со смертью.

Вскоре kloкочущее чудовище выбралось на небольшой островок, скрывавшийся от глаз за частоколом побегов тростника. Болотник растянулся на животе, словно собрался отдыхать, а затем принялся шарить лапами. Наконец, найдя то, что искал, он развернулся к Казимиру, снова издав глухой и надрывный стон. Ведун приблизился. Перед ним лежал изъеденный червями и птицами труп. Плоть давно прогнила, но ещё не сошла с обнажившихся костей. Ошметки одежды выцвели и сваялись, трудно было даже понять мужчина это или женщина. В боку у мертвеца торчала стрела. Казимир опустил на колени, вглядываясь. Острие прошло между рёбер, засев так, что несчастный не смог от неё избавиться.

— Его ранили, и он прибежал сюда, чтобы переждать, пока погоня отстанет, — тихо шепнул Казимир.

— Р-р-р-а-а-а, — взвыл болотник, мотая головой и тыча себя пальцем в грудь.

— Ты его принёс на себе, — догадался Казимир.

— Р-р-р-а-а-а! — простонал болотник, кивая.

— Это твой младший брат Тихомир, — грустно протянул ведун, повернувшись к чудовищу. — А ты никакой не болотник... ты Прозор... а ныне шишига... Спятивший от горя утопленник, который не может себе простить, что подбил брата на дурное дело и сгубил.

— Р-р-р-а-а-а-а-а-а-а! — взвыл шишига, обнимая костлявое тело и сотрясаясь над ним.

Казимир помолчал, глядя на тёмную болотную воду, в которой алыми бликами отражались последние лучи заходящего солнца. Он давно перестал бояться таких проявлений смерти, как несчастный шишига, рыдающий над гниющим телом брата. У нечисти много лиц и имён, но не каждый, кто не смог уйти в поводу смерти — зло. Многие из тех, кто остались бродить по земле, просто уставшие и истерзанные души. Им нужен покой и доброта. Последняя ласка, которой они лишились, отстав в погоне за уходящим к горизонту светом.

— Тебе нельзя здесь оставаться... Я буду говорить, а ты кивай или мотай головой... — быстро сказал ведун, понимая, что до темна времени осталось немного. — Вы погибли прошлым летом, а потом ты очнулся весной, когда сошёл лёд?

Кивок в ответ, сопровождающийся тяжелым стоном.

— Люди, которые убили твоего брата, это воины под рукой воеводы Ратибора?

— Р-р-р-а-а-а! — взревел шишига, снова кивая.

— Вы ускользнули от них, но потом Тихомир помер от ран, а ты не смог найти дорогу назад и утонул здесь же в болоте, — Казимир ткнул пальцем в сторону тёмной воды.

— Р-р-р-а-а-а! — простонал болотник, и уронил голову на грудь.

Пламя костра взметнулось к небесам, освещая мрачный и тёмный лес. Не было видно ни зги, но ведун все же успел насобирать хвороста. Огонь трепетал, то и дело разбрасывая искры, жадно пережёвывая сухие ветки. Казимир, вооружившись горячей ветвью, продолжал поиски дров, все время подбрасывая в пламя новые угощения. Когда жар поднялся такой, что стало больно приближаться к костру, ведун решительно подхватил истлевшее тело покойника, предварительно выдернув стрелу, и опрокинул мертвеца в огонь. Шишига оглушительно взвыл, глядя, как языки всепоглощающего пламени, разрывают на части останки его несчастного брата. Тело застывшего в кругу света чудовища начало мелко подрагивать. Вибрации, что исходили от него становились ощутимы даже для Казимира, словно он держал того за руку. Вой оборвался, а потом голова шишиги медленно повернулась... Чёрные провалы несуществующих глаз вперились в ведуна, исторгая потоки ненависти и злобы. Он прыгнул не разбегаясь, прямо с места, фыркая и рыча, загребая прогнившими пальцами. Казимир увернулся, едва не свалившись в воду, с чавкающим звуком выдернув ногу из трясины.

«Чуть не попался, — мелькнула шальная мысль. — Сейчас начнётся!».

Шишига снова прыгнул. Ведун пригнулся, прижавшись к земле и чудовище пролетело над ним, обрушившись в топь. Воспользовавшись его временным замешательством, а Казимир не сомневался, что шишига выберется, ведун бросился к ближайшему дереву. Активно работая руками и ногами, он взобрался настолько высоко, насколько смог, не опасаясь упасть. Внизу раздалось утробное ворчание. Тварь рыскала в темноте, то и дело показываясь в отблесках пламени костра, на котором уже всю занималось от огня тело

Тихомира. То и дело упоение ночи нарушалось невыносимо тоскливыми и полнящимися слепой ненависти воплями. Казимир осторожно снял пояс, а затем перекинув его через ствол ели, пристегнул себя, так чтобы не упасть, если заснёт. Хотя этой ночью он так и не смог уснуть.

Глава 13. Сделка с совестью

Полночи шишига рыскал в окрестностях, утробно рыча и царапая древесные стволы. Не в силах снискать себе покой, он то и дело кидался на ни в чём не повинные кусты, выискивая невидимую жертву. Иногда его крики удалялись, и Казимир в тайне надеялся, что больше их не услышит. Но каждый раз чудовище возвращалось, замирая подле догорающего костра, принявшего останки его несчастного брата.

Шишигу не зря путают с болотником, они и правда во многом похожи. И тот и другой обитают в трясилах и топях, становясь стражами торфяных царств. Они угрюмы и неповоротливы, в силу своей медлительности, чаще всего безглазы и неказисты, нередко имеют распухшие, аляповатые тела, всегда покрытые грязью, водорослями, тиной, ряской, улитками, пиявками, лягушачьей икрой, насекомыми и их личинками. Однако на этом их схожести заканчиваются. Болотник, хоть и является нечистью, не таит в себе зла. Он не агрессивен и не жаждет крови по своей природе. Болотник, как и любой хозяин, ревностно охраняет свой дом, но сразу топить заблудшего путника не станет. Наоборот, он скорее отведит того прочь от своей топи, указав на нужную тропу, хотя со стороны это может выглядеть, как нападение. В этом нет ничего удивительного, ведь дух и человек — существа, живущие на разном плане бытия. Их пересечения чаще случайны, а благополучный исход такой встречи всецело зависит от доброй воли самого человека.

Но совсем другое дело его собрат шишига. Будучи неупокоенным, шишига всегда появляется в результате трагедии. Болото вообще опасное место и без неистовых духов. Во времена пращуров, поклонявшихся богам, каких ныне и не вспомнят, трясины почитали священным местом. Не земля и не вода. Болота считались вратами в мир мёртвых, и ведь сложно с этим поспорить, живыми оттуда вернуться не просто. Но коль в таком месте проливается кровь... жди беды. Уставшие, отверженные, преданные и потерянные души нередко могли задержаться здесь после смерти. Отринутая плоть замирала в ожидании, когда неупокоенный дух жаждал вернуться. Не закончившие дела, непрощённые, неотмщённые, они выбирались обратно, уже пройдя грань, после которой нельзя оставаться человеком. Так и появлялись шишиги.

Когда Казимир ввергнул тело Тихомира в объятия очищающего пламени, он уже знал, что несколькими мгновениями спустя, то, что осталось от Прозора на него нападёт. Шишига был привязан не только к болоту, останки несчастного брата стали для него камнем преткновения и алтарём. Он существовал подле него, ради него и вопреки его смерти, не простившим самого себя, заблудшим злым духом. Шли месяцы и сошёл лёд, Прозор отправился на поиски родичей, но не мог уйти от тела далеко, боясь вновь его оставить и вновь потерять. Каждый раз, когда он чуял поблизости присутствие отца, ополоумевший от горя и страданий шишига бросался к нему.

— Там лежит брат! Забери его тело! — кричал он, но сгнившие губы и язык, изрыгали вместо слов только нечеловеческие вопли, от которых кровь стыла в жилах.

Студёная ночь медленно отступала, выпуская из своих властных объятий растревоженное болото. Щёголь весело перекрикивался с куликом, прыгая по травянистым кочкам. Трясина то и дело урчала, выбрасывая на поверхность воды пузырьки. Казимир потёр глаза и широко зевнул. Бёдра занемели так, что он не чувствовал ног, а новёхонький ремень, которому ведун так радовался накануне, теперь врезался в плоть, причиняя

немыслимую боль. Вокруг было тихо, словно ничего не произошло минувшей ночью. Костёр давно прогорел, оставив после себя кучу пепла, в которой с трудом угадывались обломки человеческих костей. Шишиги поблизости не было. Приглядевшись, ведун заметил его тело, лежащее неподалёку в тростнике, лицом вниз.

Отвязавшись от древесного ствола, Казимир осторожно спустился на землю, перебирая руками и ногами как можно медленнее. Мышцы всю ночь были в напряжении, он не спал, а потому, оступиться в самом конце пути, когда, казалось бы, всё позади, очень не хотелось. Оказавшись на твёрдой почве, ведун с чувством выдохнул. Даже предстоящий путь через болото его не страшил так, как перспектива упасть в лапы обезумевшего шишиги посреди ночи. Застегнув ремень, Казимир двинулся в обратную дорогу, обдумывая, что и кому стоит рассказать. В последний раз глянув на лежащего в тростнике Прозора, он заметил, что тот встал и пялится на ведуна, пустыми провалами на месте глаз. От бывшего пыла не осталось и следа. Шишига флегматично воззрился на Казимира, словно встретил того впервые. Разорванная связь с неупокоенным братом лишила его цели и остатков чувств.

«Ты будешь блуждать здесь, пока трясина окончательно тебя не переварит, — грустно подумал ведун, глядя как тело шишиги скрывается в мутной болотной воде. — А когда от тела ничего не остается, душа высвободится... Больше мне ничего для тебя не сделать».

Отвернувшись, Казимир зашагал прочь, прыгая с кочки на кочку. На душе скреблись кошки. Уже в который раз, ведун достал из-за пазухи переломленное древко стрелы. Металл наконечника не заржавел за неполный год времени, он выглядел совсем как новенький, поблёскивая на солнце гладкими и тёмными гранями.

«Мы куём лучшее оружие, — возникли в памяти слова воеводы, — доспехи, инструменты и сбрую».

Всю обратную дорогу, ведун ломал голову, как быть, но в конце концов победило благоразумие. Украдкой глянув по сторонам, он зашвырнул стрелу подальше в траву.

«Никто не должен узнать о том, что с ними приключилось, — решил Казимир. — Зачастую правда горька, а некоторая ещё и опасна. Если парней и правда уколошили люди воеводы, что ж... они это заслужили. Шутка ли, я всего за день разноухал о том, что они собирали разбойничью шайку, а князь и подавно должен был прознать. Лихие мысли пресекли на корню, разделавшись с запевалами. Пускай, они так и останутся для всех сбежавшими мальчишками, ушедшими на поиски счастья. И батька их пускай так думает (авось, однажды вернутся!). Так лучше для всех. Родители со временем привыкнут к мысли, что ребята просто живут где-то в далёком краю... быть может, они там даже счастливы...».

По возвращению в Белозерск, Казимир без промедления ринулся на поклон к Ратибору. Воеводы дома не оказалось, он с самого утра откланялся по делам. Конюх Василёк узнал ведуна, радушно пригласив присесть с ним во дворе, пока сын сбегает, разыщет хозяина.

— Чего это ты такой бледный? — осведомился он, протягивая ещё тёплую, но уже надкушенную краюшку свежего хлеба.

Казимир с удовольствием откусил, благодарно кивнув.

— Ночь не спал, за вашим болотником бегал, — ответил ведун.

— Ну и что, догнал?

— Ага. Правда по итогу ночи у нас, можно сказать, боевая ничья.

— Бывает, — рассудительно и степенно, словно говорил о погоде, хмыкнул Василёк. — Я вот как-то раз тоже... Пришёл, стал быть, коня подавать Ратибору, а эта скотина... эт я про коня, само собой... как сбрую увидал, так ни шагу из стойла... Я уж и так и эдак, и

ласково и строго... стоит, зараза такая и ни шиша. В общем, когда терпение лопнуло, схватил его, окаянного за гриву, да как дёрнул, а он башку в угол, да ка-а-ак даст мне копытом... Полдня потом на четвереньках ползал!

— С гонором животина, — посетовал Казимир.

— Я зато в его овёс помочился, — доверительно заявил конюх, захихикав.

— А это было до или после удара копытом?

— Да какая разница? — беспечно буркнул Василёк. — Вон, идут! — Он махнул в сторону улицы, оттуда приближался Ратибор, перед которым бежал мальчуган сын конюха.

Воевода выглядел хмурым и каким-то взъерошенным. Похоже его сегодня подняли ни свет, ни заря. Пройдя мимо Казимира, он махнул рукой, мол, обожди пока и поманил за собой Василька, проходя в конюшню. Тот резво шмыгнул следом. О чём они говорили, ведун не слышал, то ли воевода нарочно не повышал голоса, то ли шум в ушах, вызванный усталостью от бессонной ночи заглушал чужой разговор. Наконец, появился Ратибор, всё такой же нахмуренный и взъерошенный. Пройдя мимо ведуна, словно и не видел его, он быстрым шагом направился в сени, громко хлопнув за собой дверь. Несколькими мгновениями спустя, из конюшни появился донельзя озадаченный Василёк. Он плюхнулся на лавку подле ведуна, задумчиво взъерошил волосы на затылке, поцокивая языком. Казимиру было страсть, как интересно узнать, в чем же дело, но, понимая, что совать свой нос в чужие дела лучше не стоит, ведун помалкивал. К его вящему удовольствию, конюх сам всё выложил, благо это не было тайной.

— Кажися, намечается поход, — хмуро доложил он, глядя перед собой. — Упахиваться придётся, что твой бычок.

Казимир вопросительно глянул на конюха.

— Ратибор сказал на той неделе взять на постой еще двух коняк.

— Почему сразу поход?

— Да потому... боевой конь у нас в конюшне уже имеется, рабочая лошадка тоже, скаковых две, — начал загибать пальцы Василёк. — А эти, стал быть, заводные.

Тут из терема, наконец, раздался зычный голос воеводы.

— Казимир, с чем пришёл?

Ведун не стал кричать в ответ. Подойдя к сеням, он неловко постучал костяшками пальцев по окованной железом двери.

— Да, входи-входи, — заторопил его Ратибор. — Выкладывай, что узнал, да какие новости?

— Рядом с вашим прииском жили две шишиги, а не болотник, — соврал Казимир. — Одного я развоплотил, второго отвадил.

— Иди ты! — хохотнул воевода. — Вот так прям сразу и все проблемы решил с бухты-барахты?

— Да, — сдержанно ответил ведун.

— Хм... — Ратибор почесал бороду, погружаясь в раздумья. — Вот о чём я тебе и говорил... Как мне теперь понять, что ты не брешешь? Есть у тебя что-то в подтверждение слов?

Казимир вспомнил о выброшенной стреле и виновато развёл руками.

— Шишига не появляется просто так, это всегда преображённые мертвецы. Кого-то укокошили на болотах... Кого? То ведают только боги. Важнее другое — их больше нет там. Что же на счёт подтверждения... А чего ты ждал, воевода? Чтобы я руку ему отрубил и к

тебе в город принёс? Так это было бы похуже проклятия... — Казимир вдруг осёкся, вспомнив коготь кикиморы, с которого начались его скитания. — Ежели не веришь мне на слово — ты в своём праве, я понимаю.

— Так что же мне тебя без платы отпустить? — нахмурился Ратибор. — Это тоже не по чести выходит. Белозерск никогда не плюёт на руку помощи.

— Скажи старателям, что нечисть у прииска извели. Чтобы люди со страху ничего не напридумывали, пускай, пока всё не уляжется, да позабудется, ходят на промысел под охраной твоих воинов. Много не надо, хватит одного ратника сопровождающего, и то лишь чтобы приглядывал. У страха глаза велики, но при княжеской охране старатели успокоятся. Уже через месяц станет понятно, врал я или нет. Тогда и решишь, отблагодарить меня или поругать.

— Хех! Ну ты задвинул! — оскалился в усы староста, довольно глядя на ведуна. — Я всё тебя рассмотреть не могу, хитрющий ты или просто бесшабашный. Что ж, будь по-твоему, так мы и сделаем.

Казимир вышел от воеводы ни сколь не разбогатевшим, но всё-таки живым и свободным, что тоже немало. Ратибор настаивал на том, что выделит для ведуна повозку с провожатым, но тот только отмахивался.

«Так дойду, — решил он, едва разговор зашёл о возвращении к дому. — Ежели теперь это мой край, надобно его узнать получше».

Миновав арку врат, Казимир долго шёл не оглядываясь, чтобы затем, отойдя подальше, вновь прочувствовать тот чудный миг — увидеть статный град Белозерск издалека. Высокие башенки с тёмными провалами глаз-бойниц молчаливо смотрели ему вслед. Едва различимые щиты красовались над воротами, приветствуя и провожая путников.

«Интересно, на кого они пойдут? — рассуждал Казимир, бредя по дороге. — И что за срочность? Ратибора явно подняли с постели спозаранку... Похоже, он побывал у самого кнеса».

Приближался лес, укромные объятия которого, уже вот-вот должны были принять одинокого скитальца. Бросив последний взгляд на высокий вал и городскую стену, ведун невольно вспомнил Златомира. Казимир так и не зашёл к нему, после того, как старатель отвёл его в лес, а потом бежал, увидав чудовищного Шишигу. Стоило ли с ним объясниться? Ведун решил, что нет, но теперь сомневался. Одиноким всеми покинутый мужик упивался кислой брагой, трясясь от страха, вновь и вновь вспоминая пережитый ужас. Сколько ещё таких уставших душ ожидают встречи с близкими, не чая того при жизни? На душе стало чёрство и тоскливо.

Когда опустилась ночь, ведун трижды пожалел, что не остался ещё на день в Белозерске. Пришедшее по утру желание бежать, как можно дальше, нынче уже не казалось оправданным. Склизкая серая хандра запустила цепкие когтистые лапы в сердце Казимира. Разведённый костёр не грел, словно языки пламени были призрачными неощутимыми тенями. Скучный паёк, собранный ему в дорогу Васильком, не возбуждал аппетита, комок в горло не лез. Ведун не мог взять в толк, отчего ему так плохо? Решение сохранить случившееся на болоте в тайне не было вынужденным, Казимир действительно верил в то, что делает лучше для всех... Но что тогда не давало покоя, будоража рассудок, как назойливый комар?

Покопавшись в себе, Казимир всё-таки понял. В памяти ослепительной вспышкой молнии восстали изумлённые глаза Марфы, которую он предал. Но предавал ли? Спасённая

жизнь была же им и отнята. Фантом из закрывшейся до срока памяти стоял словно живой, неммым укором. Костяной кинжал проклятой ведьмы снова и снова пронзал тело Марфы, забирая надежду и свет этих изумлённых глаз. Первая и единственная жизнь, которую он отнял. То, что происходило потом, словно провидение судьбы, гнало ведуна прочь от места, где случилось кровавое подношение. Его преследовали, а он бежал, отринув всё. Но теперь... когда над миром вновь разливалась тьма, а Златомир безутешно топил своё горе на дне бочонка с хмельной бормотухой... Казимир всё вспомнил, и сердечная рана закровоточила с утроенной силой. Можно сотни и тысячи раз убеждать себя в том, что цена одной жизни ничто в сравнении со спасением многих, но бремя до конца своих дней вспоминать эти глаза, будет лежат лишь на нём одном.

Подкинув побольше веток в потрескивающий костерок, ведун завернулся в плащ и попытался уснуть. Растревоженный разум послушно угас, подчиняясь усталости после вчерашнего бдения на ели посреди болота. Веки опустились, и тьма, царившая вокруг, мягко нырнула в его душу.

Бушующий ветер яростно раскачивал травяное море, раскинувшееся покуда хватало глаз. Стебли высоких колосьев волнами трепетали, вздрагивая с каждым новым порывом. Небо застилало низкие и тёмные облака, но дождь всё не начинался в преддверье грозовой бури. Клубящиеся угольно-чёрные тучи двигались так быстро, словно их гнал незримый наездник. Казимир заслонился рукой, ветер швырял в лицо пыль, от которой жгло в глазах. Проведя по щеке, он заметил, что ладонь окрасилась в чёрный...

«Это не пыль, — догадался он, растирая на пальцах песчинки. — Сажа».

Новый порыв ветра был столь силён, что чуть не опрокинул ведуна навзничь. В отдалении нарастающим воем громыхал приближающийся ураган. Ослепительная вспышка осветила окрестности, и тогда он разглядел... вдалеке стеной бушевало пламя. Казалось, что огненная преграда высотой способна дотянуться до небес! Она двигалась безучастно и неотвратимо, пожирая всё, что встречалось на пути. Мягкие и сочные, полнящиеся жизнью стебли трав стремительно чахли, превращаясь в солому, которая вспыхивала, в мгновение ока превращаясь в прах, уносимый ревушим ветром. Казимир вздрогнул.

«Нужно бежать! — кричало сознание. — Сейчас же! Прочь! Времени нет!».

Ноги застыли, как вкопанные, и шагу не сделать. Сердце же не хотело поверить, крича, что не сдастся! Бешено стуча и разгоняя кровь в жилах, оно пробуждало одурманенный разум.

«Бежать! Сейчас же! Скорее! Очнись!».

Ведун с трудом развернулся, оставив пламя за спиной и... упёрся взглядом в незнакомку. Она была молода, едва ли четырнадцать, может пятнадцать лет. Узкие миндалевидные глаза смотрели строго и без страха. Карие, такие глубокие и сильные... Широкое лицо, чуть приплюснутый нос, тонкие губы, из-под которых торчат два ряда белоснежных зубов. Тёмные волосы подобраны тонкими цветными лентами, к которым привязаны монеты, трепещущие на ветру и отбрасывающие блики, бушующего за спиной ведуна пламени. Её по-детски крошечный заострённый подбородок утопал в пышном меховом воротнике из шкуры лисы.

— Беги прочь, — хотел было вымолвить ведун, но от сухости во рту, язык прилипал к нёбу. — Спасайся, там огонь! — вновь попытался сказать Казимир, но из глотки вырвался лишь приглушённый хрип.

Вдруг его поразила довольно странная и беспокойная мысль.

«Кто она такая? Почему застыла позади меня? А может всё наоборот? Ведь прямо сейчас стена пламени наступает за моей спиной? Может пламени вовсе нет или... пламя это и есть я?».

Раскат грома грянул после очередной ослепительной вспышки, заставив людей втянуть головы в плечи. Девушка нервно озиралась, словно ища защиты. Казимир протянул руку, коснувшись её. Он снова хотел что-то сказать... что-то ободряющее, но та отшатнулась, неловко сделав шаг назад и упала на спину. С ужасом глядя на подступающего ведуна, который всё ещё тянул к ней руку, она закричала. Зрачки бедняжки расширились от страха! Её пронзительный вопль врезался в уши, и снова грянул гром... Ливень стеганул, словно плеть, бесчисленными ударами проливая капли, изрыгнутые мрачными чернильными тучами.

«Что за бесовщина?» — мысли возникали в сознании ведуна медленно, словно, он с трудом передвигал ноги, увязающие в болотной топи.

Капли дождя были алыми, будто кровоточили сами небеса! Крик девушки оборвался... Она промокнула ладонями лицо... Уставилась на руки, затем на ведуна... А потом резко встала, шагнув навстречу к нему, неотрывно глядя глаза в глаза.

Глава 14. Ворон

Дорога обратно к дому заняла больше времени, чем до Белозерска, но Казимир преодолел её шутя. После затяжного сидения на одном месте, растрясти тело, провалявшееся всю зиму у печи, сошло за радость. Когда на горизонте показался, ставший столь мил сердцу, островок посреди реки, ведун невольно улыбнулся. Из-за деревьев струилась тоненькая струйка дыма.

«Учуял, значит, — хмыкнул ведун про себя. — Встречает!».

Однако едва его нога ступила на землю, послышалось скрипучее и сварливое бормотание.

— Всё ходит и ходит куда-то, а я тут, значит, торчи! — ругался Стоян, разговаривая как бы с самим собой. — Можно подумать, я ему жена очаг поддерживать, да с чужедальних земель ждать.

— Я всё гадаю, чего же мы с тобой сделать-то забыли? Ещё с зимы... не припоминал, а тут на тебе, осенило! — вместо приветствия бросил Казимир. — Мы ж засов для ставней так и не повесили.

— Какой ещё засов? — полыхнула от возмущения изба, закачавшись из стороны в сторону. — Зима кончилась! Какой тебе ещё засов подавай?!

— Ну, знаешь ли, готовь сани с лета, как говорится... — невозмутимо ответил ведун.

— Может ты сани из меня и сделаешь? — мстительно осведомился Стоян. — До чего же светлая мысль! А что? Мне же не привыкать! Плотом был, избой был, самое время сделаться санями. А ты какие хочешь? Чтобы тройку запрягать? Или может быть я и бегать сам буду?!

— Ладно, не бурчи, — примирительно сказал Казимир, поднимаясь по лестнице.

Но не успел он зайти внутрь, дверь захлопнулась, придавив ему пальцы.

— Ой, прости великодушно, — невинно проскрипела изба. — Петли не смазаны, не ухаживает же никто.

Шипя от боли, ведун забрался внутрь, ничего не сказав.

«Всё-таки надо будет придумать, как от него избавиться. Неровен час, заносчивому духу вздумается мне голову прижать, — подумал Казимир, растирая придавленные пальцы. — Дружбы у нас не выйдет. Он дуреет без новых подношений крови, а я не собираюсь кормить нечистый дух».

— Что там в большом городе? — как можно более равнодушно осведомился Стоян, хотя не было и малейших сомнений, что ему страсть, как интересно всё и поскорей разузнать.

Ведун в общих чертах рассказал о случившемся и своих впечатлениях от Белозерска. Дух как-то странно отреагировал на историю, поведенную Казимиром. Обычно охочий до сплетен и мастер на каверзные вопросы, Стоян на редкость внимательно выслушал ведуна, не перебивая, погружившись в раздумья. Когда тот закончил, изба, помолчав некоторое время, изрекла то, что ведун никак не ожидал услышать:

— Валить надо.

— С чего вдруг? — изумился Казимир.

— Ты сам себе могилу роешь, — проскрипел Стоян. — А за собой и меня потянешь. Зря, я, конечно, перед теми бабами хвост распустил... зимой то. Но те, может, язык за зубами и будут держать... А вот другие...

— Какие другие? — Не понял ведун.

— Не знаю. Но надо валить.

— Погоди. Что не так? Мы же только обосновались здесь...

— Не мы, — перебила изба. — А ты! Это тебе хочется жить среди людей и найти своё место. Никаких мы нет, — гневно буркнул он, раскочегаривая огонь в печи.

— Я же много раз говорил, что ищу решение твоей беды... — начал было Казимир, но Стоян и слушать ничего не хотел.

— Ты что совсем ничего не понимаешь? — взвилась изба, грохоча полками и многочисленными катками. — Вот уж точно, кто тут дурак, так это я! Ты-то, что? Блаженный! Богами обиженный. Ум дали, мудрость забыли! А настоящий дурень — это я! Радовался, что с тобой судьба свела... Вот, уж думал, этот наверняка освободит, мол, добрый он, не соврёт, не обидит...

Казимир молча внимал истеричному потоку высказываний, никак не пытаясь его прервать.

— Думаешь, ты кнесу в лице воеводы помог и молодец? Ты же на цепь к ним сел.

— Вовсе нет, — возразил ведун.

— Ещё как да! Сам посуди, работу ты выполнил? Выполнил! Чисто сделал? Чище некуда и вопросы не задавал! Много ль за неё попросил? Ни шиша! Да таких как ты днём с огнём не сыщешь.

— Считаешь, я этого не понимаю? — огрызнулся Казимир, которого уже порядком утомили отповеди Стояна. — А как надо было поступить? Подальше их послать?

— Надо, Казимирчик, учиться врать! Ты не местный, со стола его не ешь! Попросили помочь, соглашайся, но только не делай! Пришёл бы, поболтался по весям, по болотцам, да к воеводе назад, так, мол, и так, не сдюжить мне супротив этой погани, сильнее она меня! С тебя что взять? Не смог помочь и ладно! Ты ж не нанимался и сам не упрашивал, но и не отказал при этом.

— Я как-то об этом не подумал, — растерянно проговорил Казимир.

В словах Стояна однозначно был смысл, и всё-таки в глубине души ведун не мог согласиться с таким подходом.

— Будь ты хоть трижды прав... Не по мне это, людей дурить, когда у них за околицей невесть что поселилось. Дело же не только в воеводе и старателях... Шишига пускай и мертвец, но страдал. Такие клубки нужно распутывать, хочешь того или нет. Он не мог сам себе помочь, понимаешь?

— Я-то как раз понимаю, — отозвался Стоян, немного поутихнув. — Да только помани моё слово, аукнется тебе однажды мягкосердечие.

Каждый остался при своём мнении. Тем временем лето было в самом разгаре. Мимо островка Казимира часто сновали лодки, а на берегах то и дело появлялись люди. Надо сказать, что далеко не каждый из тех, кто проходил мимо оказывались тут случайно. Слухи о том, что на «туманном острове» (впоследствии он узнал, что его жилище почему-то прозвали именно так) живёт ведун отшельник, расползлись по всем окрестным деревням. Поскольку никаких злых дел за ним не числилось, за исключением слухов, которые селяне сами же и сочиняли, его не боялись и даже уважали. Рыбаки иной раз нарочито медленно плыли мимо, надеясь получить благословение, и порой его получали. Ребятишки на спор играли в игру, кто ближе подойдет по воде к туманному острову зловещего ведуна. Молодые девушки нет-нет, да и останавливались, как бы невзначай, передохнуть на берегу, нарочито

громко гадая друг дружке. Случалось и такое, что кто-нибудь просто и беззастенчиво оставлял на берегу туманного острова гостинцы, просто так, от чистого сердца, чтобы поддерживать связь.

Казимир уже и думать забыл о том, что ему полагается награда за избавление Белозерска от повышенного внимания шишиги к старателям, как вдруг на его пороге появились уже знакомые Юрас и Мечислав. Ведун никак не думал увидеть их вновь, а потому сразу же почуял неладное. Подойдя к избе, они замерли, будто знали, что их давно увидели.

— Доброго дня, — молвил Казимир, высунувшись из окна. — Проходите, гости дорогие. Те лишь покачали головами.

— И тебе доброго дня, Казимир, — заговорил Юрас, прикладывая ладонь ко лбу, закрываясь от солнца. — Нужно поговорить, спускайся.

Ведун внимательно изучал незваных гостей. У тех с собой не было и намёка на гостинцы, как в прошлый раз. Надеяться, что кнес повелел серебром выплатить ему жалование за успешно решённую проблему, не приходилось. Уж больно суровые лица прислал воевода.

«Наверняка они лучшие из его воинов, — подумал Казимир. — Может именно они и сгубили сыновей Златомира. А теперь что? За мной явились? Чем же я вас прогневал?»

— Что вам надо? — наконец, выпалил он, не спеша спуститься на землю.

Все невзгоды и неприятности, что сулил Стоян, враз возникли из памяти. Воины переглянулись, их явно не устраивало перекрикиваться через окно.

— Тебе нужно пойти с нами, — твёрдо заявил Мечислав. — Кнес Велерад хочет тебя видеть.

— Он сказал, зачем? — Казимир лихорадочно гадал, что бы это значило, стараясь тянуть время.

— Казимир, ты чего испугался? — бесстрастно спросил Юрас, с прищуром глядя на него. — Кнес велел тебя привести, разговоры будешь с ним говоришь. Чего тут не ясного? Твой дом на его земле. Это не просьба. Ты должен пойти с нами, спускайся.

— Можем послать их на все четыре стороны, а ночью сами того... — тихо проскрипела изба, стараясь говорить так, чтобы не было слышно людям внизу. — Решайся, Казимир, время пришло.

— Не могу я так, — медленно проговорил ведун, растирая виски. — Опять бежать... Да, что ж это такое? Может, обойдется ещё всё? Я ж ничего худого не сделал.

— А для таких людей и не надо особенно стараться! Кнес сам придумает, в чём твоя вина, — не унимался Стоян. — Решайся, Казимир! Только слово скажи, я хоть сейчас их раскидаю и ходу! Только нас и видели!

— Нет, — упрямо ответил ведун и спустился вниз. — Я вернусь... Обещаю!

Стоян промолчал, но Казимир явственно ощутил, какой гнев исходит от избы. Оказавшись на земле, он тотчас лишился всей уверенности в своём выборе, но отступить было поздно.

— Надо так надо, — ведун постарался, чтобы его голос звучал небрежно. — Как здоровье Ратибора?

— Не жалуется, — безразлично отозвался Мечислав.

— Ежели что, только свисни, я им в миг калитки повышибаю, — грозно гаркнула изба, резко накренившись перед людьми.

От неожиданности оба воина отскочили назад, схватившись за мечи. Надо отдать им должное, они не перетрусили, хоть и выглядели ошеломлённо. Казимир медленно опустил ладонь на клинок Юраса, покачав головой.

— Не надо его злить, — молвил он, в коем-то веке благодарный Стояну за то, что тот выкрутасничал. — Он просто меня защищает.

— Ну, так скажи ему, что мы не разбойники какие... — процедил сквозь зубы Мечислав, застывший в оборонительной стойке. — А то мы сами...

— Не надо его злить, — повторил Казимир и направился к лодке. — Не хочу потом оправдываться перед Ратибором, отчего его витязь без руки вернулся, — последнюю фразу он выговорил уже повернувшись спиной, с трудом пряча улыбку.

Уговаривать никого не пришлось. Ведун видел, что оба мужика с радостью убрали мечи в ножны, и то и дело оглядываясь, последовали за ним, прочь от странного существа. В дороге Мечислав и Юрас вели себя сдержанно, лишний раз не теша ведуна болтовнёй. Казимир всё гадал, приказ им дали, держать язык за зубами, или воины по какой-то причине испытывают к нему неприязнь? Ведун по старой памяти привык к тому, что может кому-то не нравиться просто за непохожесть на остальных, от того его весьма позабавила новая мысль на этот счёт:

«А может быть они сами боятся меня? Нет, конечно, вовсе не обязательно... Но вдруг?».

Это несколько придало ему уверенности. К тому же и так было ясно — убивать его никто не собирается. Везти ради этого в Белозерск... ну уж нет. Воспрянув духом, Казимир сам того не заметив, начал волноваться. Однако теперь это волнение было сродни нетерпению, ему до одури хотелось поскорее обо всём разузнать. Второй раз в он въезжал в Белозерск, сидя в телеге, но как же ведун теперь был горд собой! Волнение сменилось нервной дрожью, едва Казимир оказался перед кнесовскими хоромами. Вход в сени располагался на высоте второго этажа, к которому вела высокая лестница. Перила покрывала вычурная резьба: листья, птицы и цветы. Краснодеревщик постарался на славу, изображения были столь живыми, что ведун не удержался, и проходя мимо, украдкой скользнул пальцами по резным стеблям диковинных трав. У высокой в два человеческих роста двери стояли два ратника. Статью каждый из них мог посоперничать с медведем: крепкие руки, широкие плечи, шеи как нет. Верхняя часть лица обоих воинов была сокрыта под шлемом полумаской, придававшей их образу какой-то невыразимой мрачной решимости. Из-за спины Казимира раздался крик Юраса, оставшегося вместе с Мечиславом у подножия лестницы:

— Этот Казимир с туманного острова! Кнес к себе звал, пропустите.

Воины молча сдвинулись в стороны, приоткрывая дверь ровно на столько, чтобы можно было пройти боком. Сени вели в просторную и светлую горницу. Пол укрывала чужеземная ткацкая работа... Это были... картины! Колоссальные гобелены изображавшие сцены охоты, битв, пиршеств. У Казимира закружилась голова, а правая нога застучала по полу, но не от страха... То было восхищение. Никогда прежде, он не видывал ничего подобного. Подняв глаза, Казимир заметил, что в помещении не один. Слева и справа двери сторожили новые витязи, не менее хмурые и статные, что стояли у входа. Воль стен стояли четыре вытянутых стола, явно убранных с центра.

«Наверное, на пирах тут сажают тех, кто достаточно высок происхождением и статусом, чтобы быть приглашённым, но недостаточно хорош, чтобы сидеть за столом в покоях кнеса» — догадался Казимир.

Вот и сейчас подле одного стола на лавке сидели три мужичка. Одеты они были богато, даже привыкший к новым вещам, которыми ещё не устал гордиться Казимир, на их фоне выглядел ряженым скоморохом. Одному было лет под пятьдесят, двое других в половину младше и судя по лицам его сыновья. Старший не поднимая головы, склонился над разворотом бересты, медленно и любовно делая какие-то пометки короткой заточенной палочкой. Казимир никогда такого не видел, от чего, вытянув шею, уставился на получающееся изображение. Похоже мужик не просто рисовал, а помечал какие-то сведения, но большего ведун разгадать не успел. Один из скучавших рядом с отцом сыновей глянул на ведуна так, что Казимиру пришлось тотчас отвернуться.

— Ты, вестимо, тот самый Казимир, — окликнули его в спину.

Ведун обернулся и встретился глазами с ещё одним посетителем, которого не заметил с первого взгляда. На него смотрел старец, голова которого была укрыта капюшоном однотонной робы чёрного цвета. Он был немолод, но судя по громадным кулакам и запястьям, толщиной с бедро Казимира, ещё пребывал в богатырском здравии. Мужчина сидел на лавке, прислонившись к стене, а на его коленях покоился тяжёлый дорожный посох, справленный из ствола дерева с корневищем. Изогнутые корни сплетались в немыслимый для живого растения клубок, образующий подобие булавы.

«Таким посохом и голову можно проломить, — отметил про себя Казимир, глядя как недружелюбно его рассматривает старец. — А ты, похоже, и есть местный ведун, у которого я увёл работу».

— Подойди, — повелительно обронил мужчина, неотрывно глядя Казимиру в глаза.

Ведун повиновался, стараясь вести себя так, словно несколько не удивлён и не боится.

— Кто учил? — старец говорил так, словно выплёвывал слова.

— Огнедар... — проямлил Казимир, сомневаясь, стоит ли говорить настоящее имя наставника, а затем гордо добавил для остратки. — Громобой.

Стальной взгляд вдруг немного смягчился, сменившись шутливым изумлением.

— Огнедар? Он жив ещё?

— Живее всех живых, — гордо ответил Казимир.

— Хм... помню его... да, было дело, — старец усмехнулся в бороду, его глаза на миг подёрнулись пеленой, словно он вспоминал события давно минувших дней.

Казимир же тотчас подумал, что с его бывшим наставником этот дед не посмел бы разговаривать в таком тоне. Старец хотел сказать что-то ещё, но их прервал гомон множества голосов, приближавшихся из недр кнесовских палат. Двери распахнулись и начали выходить люди двое, трое, пятеро, десяток! Ведун зачарованно глядел на идущих мимо воинов и купцов. Все одеты богато, с изысками, каких он сам не видывал в жизни. Красные рубахи, столь яркие, что рябило в глазах. Пояса украшены самоцветами, на руках многих металлические браслеты, сияющие серебром и даже золотом! Позади всех брели два мужика, сосредоточенно что-то обсуждавших.

— В общем, не подведи меня, Ратибор, — говорил тот, что помоложе. — Как хочешь действуй, но чтоб из-под земли мне их достал! Взались давать клятву, пускай двадцать... нет лучше пятьдесят всадников от них прибыло.

— Будет сделано, кнес, — кивал второй мужчина, в котором Казимир признал воеводу.

Нынче тот выглядел не так, как запомнился ведуну. Борода заплетена в две тугие косы лежащие на груди, а сама голова гладко выбрита. Теперь на коже виднелись до этого скрытые символы. Кажется, это были варяжские руны! Глянув на ведуна, Ратибор коротко

ему кивнул, а затем обратился к кнесу:

— А вот и наш бродяга с туманного острова, — последние слова он произнёс с весёлостью в голосе.

Казимир низко поклонился, глядя в лицо кнеса Велерада. Тот был сравнительно молод, лет тридцать не больше. Лицо красивое, благородное и мужественное. Низкий лоб, прямой и острый словно клинок нос, квадратный подбородок венчающий тяжёлую челюсть, но главное глаза. Цвета небесной лазури светлые холодные пронизательные. При виде ведуна в них проснулся живой интерес. Хлопнув воеводу по плечу, мол, ступай, кнес поманил Казимира за собой, бросив на ходу:

— Ну, здравствуй, ведун Казимир. Ступай за мной, побеседуем.

Они вошли в новую палату. Длинные столы в ней стояли в центре помещения. Самый высокий из всех, стоявший по центру просторного зала, венчался громадным тяжёлым стулом с резными подлокотниками, единственным отдельным сидением. Однако Велерад занял не его, а уселся на одну из лавок, жестом указав Казимиру место напротив себя. Ведун благодарно кивнул, усаживаясь. Хотел было что-то сказать в знак благодарности за предложение присесть, но кнес его опередил.

— Не буду ходить вокруг да около, времени очень мало, — быстро сказал Велерад. — Тебя хорошо отрекомендовал Ратибор. Говорит проблему решил без шума и пыли, так ещё и с наградой не пожадничал. Я таких людей люблю... — добавил он, стуча пальцами по столу. — И к себе приближаю. За то на тебя, кстати, мой городской ведун зуб имеет. Вы уж познакомились, я видел.

— Да, кнес, — сдержанно ответил Казимир.

— Ой, да не робей ты так, — скривившись продолжил Велерад. — Впрочем, чего от тебя ждать... Ты же у нас лесной самородок... Ну да ничего, привыкнешь. Так... что я хотел тебе сказать... Ах, да! Я иду в поход на восток, стягиваю силы... Мне нужны воины, обслуга обоза, знахари... ведун тоже нужен. Пойдёшь со мной.

Он не предлагал, не спрашивал, а утверждал. Казимиру было жутко не ловко, ведун никак не мог взять в толк, как бы уклониться от этого предложения, которое предложением не было. Кнес явно хорошо знал людей. Заметив на лице Казимира промелькнувшую тень сомнения, он истолковал её по-своему.

— Боишься? В первый раз все боятся, не бери в голову. Я не на убой вас поведу... мы им такого шороху дадим! — он сжал кулак, показав ведуну.

— Кнес, дозволю сказать... — запинаясь начал ведун. — Я же отшельник... никогда в военном деле не участвовал... да и не хотел... Я людям помогаю... Лечу...

— Так тем и займёшься, — ничуть не изменившись в лице, заметил Велерад. — Лечить будешь столько, что надоест успеет, это я тебе обещаю. А вот эти твои хочу, не хочу, ты давай-ка брось! — продолжил кнес, уже резче, в его голосе зазвенел металл. — Ты живёшь на моей земле ведун Казимир. На моей земле, под моей защитой, в моей власти. Когда ты выполнил работу для Ратибора, я тобой заинтересовался. Мне есть кого поспрашивать, чтоб не слухи досужие, а как есть правду вызнать, — он помолчал, изучая реакцию ведуна. — Интересные про тебя вещи рассказывают! Ты знаешь, что за тобой уже и прозвище имеется?

Казимир изумлённо покачал головой, не в силах сказать ничего.

— Вороном кличут. Беду, говорят, навлекаешь.

У ведуна встал ком в горле, а нога затряслась.

— У меня тоже есть прозвище, — продолжил кнес, сверля ведуна лишённым эмоций

взглядом. — Краснорукий. Не народом моим данное, врагами. Догадываешься почему?

Казимир кивнул.

— Я так считаю, коль человеку прозвище за спиной приклеивают, да ещё такое, что сами боятся, он чего-то в этой жизни стоит. И ты, Казимир, прямое тому подтверждение. Пойдёшь со мной?

— Пойду, — ответил ведун.

Глава 15. Призывающий бурю

Сборы в поход начались задолго до того, как Казимира доставили в Белозерск. Привычно заполненные горожанами улицы теперь опустели. По приказу Велерада запрещено было загромождать проезды телегами, торговыми лотками или проводить лошадей незадействованных в предстоящей кампании. Каждый день прибывали новые воины, получившие весточку от кнеса. Иногда это были небольшие группы по десять-пятнадцать всадников, но чаще приезжали по двое, трое, четверо. Конечно же, это были семьи, — отцы с сыновьями, братья, свояки. Собраны все были тоже по-разному.

Каждый всадник имел боевого коня, те, что побогаче двоих, кроме того от двух до трех заводных лошадей приводили для самого перехода и перемещения обоза с провизией и обслугой. Одеты воины тоже были разномастно. Вычурные открытые шлемы со стрелкой, защищавшей переносицу у одних, маски полушлемы у других. Кто-то мог похвастаться кольчугой, иные кольчужной бронёй двойного плетения, а кто-то довольствовался кожаными куртками с пришитыми поверх металлическими бляшками. Каждый всадник вооружался длинным копьём и мечом. У иных к седлу дополнительно крепились топоры или булавы, луки и даже метательные дротики. Едиными в этом пёстром воинстве были только щиты — ромбовидные деревянные с изображением могучего дерева, раскинувшегося над озером.

Обслугу обоза составляли крестьяне, которых, конечно же, никто не собирался вооружать. Казимира это поначалу расстроило. А ну как нападут и на нас? Что тогда делать? Он обратился с подобным вопросом к воеводе, на что Ратибор лишь рассмеялся.

— Никто вас не тронет, — тот лишь отмахивался. — Дались вы кому-то! Скажешь тоже. Резать крестьян... Что за вздор? А пахать-то, кто будет? Кто провизию для войска, да кнеса соберёт? Заруби себе на носу, мудрый ты наш ведун, селянин — это и есть самое ценное сокровище любого кнеса, потому, как стоит он дороже и злата, и пушнины. Без крестьянина ничего делаться не будет! Урожай без него не народится, а опосля не соберётся, руда не добудется, а опосля не переплавится. Поэтому вас вооружать никто не станет — толку от толпы с вилами и топорами никакого, драться вас не обучали, а пораниться коли в пекло полезете уж это вы всегда.

— А ежели нас неприятель захватит? — не унимался ведун.

— Значит у тебя будет новый кнес, — и глазом не моргнув, заявил Ратибор.

За городскими стенами творилось такое, что Казимир и представить себе не мог. Если раньше он считал огромной толпой обычную деревенскую ярмарку, то какого же было его удивление, когда он увидел десятки повозок с овсом, сотни костров, горящих между палатками и шатрами, снующих повсюду людей, катящих, несущих и волокущих многочисленные припасы и снесь. Одни разгружали привезённое, другие напротив загружали, третьи крепили к телегам разобранные каменётные пращи, вертлюги от осадных самострелов, укладывали длиннющие лестницы, а также окованные сталью брёвна таранов.

Всего под своей рукой кнес Велерад собрал четыре сотни всадников собственной дружины, ещё двести человек степной конницы привёл с собой печенежский друг кнеса — могучий Карамá. Казимир раньше никогда не видел печенегов, только слышал о них, и рассказы те никогда не бывали добрыми. В его представлении они слыли кровожадными

воинами с востока, увешанные черепами убитых врагов — дикие, злые и беспощадные. Какого же было его удивление, когда ведун увидел... простых людей, таких же как он сам.

Их открытые шлемы венчали шишаки с конскими хвостами, вооружались печенеги длинными копьями и прямыми мечами, круглые обтянутые кожей щиты с изображением трех перекрещенных стрел висели на крупах коней, короткие луки в седельных сумках, стёганные кожаные курки на теле, но главное лица... Они вовсе не походили на половцев или хазар. Ведун мог бы поклясться, что, если бы ему не сказали, он ни в жисть не догадался, кто перед ним.

— Здорово, озеричи, — весело крикнул богатырь с серыми глазами.

Его обветренные щёки и лоб имели медный загар, над верхней губой росли реденькие усы, а через правую бровь пролегал застарелый шрам.

— Привет и тебе, Карама! — зычно отвечал кнес, оборачиваясь.

Велерад целыми днями занимался смотром и муштрой своего воинства, в числе прочего пресекая попытки бойцов подгулять и добыть медовухи, а потому тотчас появился в рядах ратников, едва прошла молва о том, что прибыли печенеги. Богатырь спешился, и они обнялись как братья, хлопая друг друга по спинам.

— Ну ты и раздобрел, — весело заметил Велерад. — Конь-то ещё держит?

— У меня много коней, — в тон ему отвечал Карама. — Если один упадёт, не беда! — И они оба расхохотались.

— А где же Талмат? — спросил кнес, глянув за спину Карама. — Как всегда отстал из-за того, что не мог решить, какую девку сегодня осчастливить?

Лицо могучего воителя помрачнело, словно его по щеке ударили, губы поджались.

— Убили Талмата, — коротко бросил он. — Изу-бей зарезал.

Велерад осёкся, улыбка тотчас сошла с его светлого лица.

— Моё сердце скорбит с твоим, — тихо проговорил кнес. — А я ведь ему уже и невесту присмотрел подстать...

— Наглуую и норовистую? — невесело улыбнувшись спросил Карама.

— Почти... — кивнул кнес. — Отдохни с дороги, — сказал он, опустив другу руку на плечо. — Останься сегодня в моём доме. Там и поговорим, — добавил Велерад.

— А кем был этот Талмат? — спросил Казимир у хлопчущего подле него старика, местного ведуна по имени Белун.

Тот скривился, он явно не хотел отвечать. Ещё с их первой встречи старый ведун невзлюбил молодого конкурента. И хоть Казимир ни коем образом не старался залезать в чужую вотчину, в поход кнес определил именно его. Белуна от этого известия, чуть удар не хватил. Невзирая на предстоящие трудности пути, он страсть, как хотел пойти с войском.

— Добычу он любит, — украдкой пояснил ведуну один из дворовых мальчишек, что были в услужении при палатах кнеса. — Говорят, дважды ходил к «Горам» ещё при батьке нашего Велерада, каждый раз возвращался весь в мехах, да злате.

— Так зачем же ему опять идти, ежели уже всё есть? — опешил простосердечный Казимир.

Мальчишка покосился на него, глядя, как на дурачка, и не нашёлся, что ответить, наверное, подумав, что тот шутит.

Ещё Казимир слышал, что склочный старик пытался отговорить кнеса брать молодого «криволапого лопуха» вместо себя, но тот даже обсуждать это не стал, оставив Белуна при городе. Когда дело дошло до подготовки и сборов, Казимир, пускай и нехотя, но вынуждено

пришел к старому ведуну за помощью. Целебные травы, корни, припарки, грибы — для огромного войска нужна была целая прорва запасов, кои заготавливали городские собиратели. Всё это добро хранилось в амбаре Белуна. Когда явился «презренный шлында», старик бы рад послать его куда подальше, но опытный Ратибор заранее предупредил Казимира, как правильно вести разговор.

— Скажешь ему, что сам погрузишь всё необходимое в телегу, а забирать явятся мои ребятки Мечислав с Юрасом, — хохотнув, посулил воевода. — Он тебе не то, что амбар откроет, ещё таскать поможет, лишь бы мои орлы сами ничего не трогали!

Так Белун и оказался у Казимира во временном услужении, хоть и до последнего не хотел того признавать, при любом удобном случае демонстрируя своё превосходство.

— А кем был этот Талмат? — снова спросил Казимир, поняв, что Белун упорно делал вид, будто не слышал вопроса.

— Старший брат Карамы... нашему кнесу, стал быть, названный брат.

— Названный? — удивился Казимир. — Это как?

— Давно это было... лет двадцать пять уж прошло... прежний кнес Белозерска Велизар, отец Велерада, разбил на поле сечи Метигая отца Карамы и Талмата.

— Они враждовали?

— Ну, конечно, враждовали, — раздражённо глянув на Казимира, ответил Белун. — Печенежская дружба, она как щит. Ежели рука с нужной стороны, то держит крепко, а ежели не с той, то и шипом может в рожу ткнуть. Когда Велизар побил Метигая, то поступил благородно... и мудро. Кнес не стал разорять и обижать людей поверженного врага. Он взял с того слово, что отныне биться они станут лишь плечом к плечу, а не друг с другом. А чтобы Метигай не забыл, взятой с него клятвы, Велизар забрал на воспитание его старшего сына — Талмата.

— Вот оно как... — протянул Казимир.

— Да, Талмат рос и обучался воинскому искусству с названным братом Велерадом у нас Белозерске. Они жили вместе и, говорят, стали друг дружке почти родня. Кнес и хотел, чтобы они стали роднёй...

— Кнес сказал, что присмотрел для него невесту, — припомнив недавний разговор, подсказал Казимир.

— Изначально речь шла вовсе не об этой пыне! — хмуро буркнул Белун. — Кнес собирался... А чего я вообще тебе это рассказываю? — вдруг осёкся старый ведун, глядя на молодого. — У тебя дел других нет, как со мной лясы точить? А ну, пшёл, прочь! Что с меня спросили, я всё вам дал.

Казимир только плечами пожал, набиваться в дружбу старому брюзге он не собирался. Ближе к вечеру в лагере под стенами вновь началась какая-то суматоха. В свете факелов мелькали серые тени, разбрасывая металлические отблески. Слышалась ругань, смех и непонятные ведуну слова на чуждом гортанном наречии. Виляя между многочисленными кострами и палатками, Казимир вышел к тому месту, откуда доносились крики. Его глазам предстали новоприбывшие воины. Молодцы были как на подбор светловолосые и ясноглазые, хотя ведун заметил и парочку рыжих, да пяток чернявых. Красные и голубые рубахи, кожаные штаны, у всех на плечах волчьи меха, хоть и лето на дворе, за спинами повязаны объёмистые позвякивающие мешки (с воинским снаряжением, вестимо) и круглые щиты с белыми и красными полосами. Некоторые воители посинили себе усы, а иные так разукрасили лица, что у Казимира не осталось сомнений в их принадлежности.

— Нурманы, — выдохнул он.

Варяжских наёмников прибыло сто двадцать человек. Они хотели было пройти в город, но их не пустили. Казимир прибыл как раз, когда затевалась ссора. Командовавший отрядом могучий и грозный варяг, опиравшийся на рукоять огромного двуручного топора, гневно рокотал, то и дело указывая на ворота. Застывший перед ним воин, казался крохотным и шуплым, хотя Казимир и знал, что так витязь выглядит лишь в сравнении с северным гигантом. Гордо сложив руки на груди, он качал головой, отвечая нурману тихо и с достоинством. Прислушавшись, Казимир понял, что понимает их, потому что они то и дело переходили с одного наречия на другое.

— Мы пришли защищай твой дом! — рычал викинг, разбрызгивая слюни. — А ты оставляй нас как собака под забор?

— Проход в Белозерск с оружием запрещён для любого иноземца, — и глазом не моргнув, отвечал ему молодой ратник. — Всё воинство отдыхает под стенами и печенег, и русы, и варяги. Скажи, где вы будете, и я распоряжусь, чтобы вам доставили еду.

— Мы будем там! — громогласно ревел викинг, тыкая пальцем за спину витязя, указывая на ворота в город. — Дай, дорогу, ты, или пожалеешь!

Угроза не выглядела настоящей, однако привела всех окружающих в состояние внезапного напряжения. От костров то тут, то там вставали чьи-то тени и тянулись на ругань. Подле молодого витязя, словно из-под земли выросло ещё двое, став так плотно плечом к плечу, будто они сами были частоколом дубовых брёвен. Вглядевшись в их лица, Казимир ахнул, они были похожи друг на друга, как листья с одного дерева: серые глаза, курносые носы, полные губы, одинаковые ямочки в уголках рта и светло-русые волосы. Варяг тоже воззрился на них с изумлением, переводя взгляд с одного на другого. Надо сказать, в действиях тройки витязей не было и капли агрессии, но лишь твёрдая решимость и уверенность в собственной правоте. Чего-то поворчав для порядка, дабы не потерять лицо, нурман вынужденно уступил. Его хрипловатый и грубый голос ещё долго звучал, удаляясь. Кажется, все выдохнули. Кровопролитье откладывалось.

— А чего они так рвались в город? — спросил Казимир стоящего рядом мужика, который тоже собирался уходить назад к своему костру, решив, что всё веселье закончилось. — Это ж нурманы, они привычны в своих драккарах по волнам трястись...

— Чего-чего... — хохотнув, ответил воин. — Ты с дальнего похода чего больше всего хочешь?

— Поесть, — равнодушно пожал плечами ведун.

— Понятно, — ещё больше развеселившись буркнул мужик, покровительственно поглядывая на ведуна. — А нурманы, видишь ли, большие неженки... им не пожрать, а тепла хочется... и желательно женского, вот тут! — смеющийся воин указал себе под ремennую бляху.

Казимир покраснел, не найдясь, что ответить. Заметив, что вокруг уже посмеиваются другие витязи, он хотел было уйти прочь, но не смог совладать с любопытством снова спросил.

— А кто эти трое? Ну, наши, которые его не пускали.

— Боровички мы их зовём, — добродушно пояснил мужик. — Троица как на подбор, братья родные, друг на друга похожи, иной раз и не отличишь. Все трое статные, крепкие, приземистые, ну чистые боровики!

— Понятно, — кивнул ведун, улыбнувшись. — Доброе прозвище, мне нравится.

— Да ты ж не местный, — догадался мужик. — У нас их, поди, каждый малец знает. Тот, что первым стоял на пути нурмана, это Владимир или Воля, как его называют братья, он самый младший из тройки и самый спокойный, рассудительный и головастый. Радомир или Ра — старший, лихой, будьте здрасте, но добрый и отзывчивый парень, последнюю краюшку хлеба отдаст, ему хоть бы хны. Средний у них Яромир или просто Яр, тихий с виду, смешливый, но рука тяжелая, моё почтение, ежели в морду даст, дня три моргать не сможешь.

— Я недавно в городе, ещё не встречались, — улыбнувшись, заметил Казимир. — Хорошие у вас люди живут, — добавил он, и вдруг что-то про себя осознав, тотчас признался. — Я рад, что с вами иду.

Мужик, довольно оскалившись, хлопнул его по плечу.

— Мне ребята сказывали, что за лесом на речке живёт какой-то ворон, — весело сообщил он. — Думали, ты страшный!

Мужики вокруг тотчас загоготали, но в этом смехе не было издёвки. Его весело подначивали, но делали это как-то... по-доброму. Едва Казимиру стоило сесть подле костра, какой-то незнакомый парень впихнул ему в руку ломоть хлеба и миску супа, другой справился, с кем ведун завтра поедет, чтобы подготовить тому место в обозной повозке. Казимир, пожалуй, в первые в жизни чувствовал себя на месте. Заглядывая в искрящиеся в отблесках костра весёлые лица, он видел простых людей, которым выпало суровое испытание, — идти на чужбину с оружием в руках. Он, как возможно и они, не знал зачем и почему это надо делать, ведуна одолевали сомнения и страхи... Но теперь сидя у тёплого и уютного костра, прихлёбывая из деревянной миски наваристый бульон... Казимир, вдруг, понял — он для них нынче свой. Он дома.

Вспомнив об избе, что ждёт его на острове, ведун не нашёлся, как с ней поступить. Стоян не знал про предстоящий военный поход, предупредить бы его, а то неровен час искать пойдёт. Но что сказать? Изволь, ещё немного обождать, покуда я смотаюсь на чужбину? Казимиру и без того было стыдно раз за разом признаваться перед избой, да и перед самим собой, что ему неизвестно, как снять ворожбу, подчинившую и залявшую душу чомора в дерево.

— Послать бы весточку, — пробормотал ведун, обдумывая судьбу Стояна.

— Чегой, говоришь? — спросил сидящий рядом воин.

— Да вот, думаю, как домой сообщить, что ушёл надолго... Я ж не знал, что не скоро вернусь, когда за мной посылали.

— Я могу отправить сынишку, он сбегает, — предложил ратник, отозвавшийся от другого костра. — Завтра же жена отправит. А кому передать-то? У тебя там кто?

Казимир призадумался.

— Домовой в избе живёт, — нехотя признался ведун, решив не вдаваться в подробности того, что там обитает не самая светлая душа — чомор. — А лодка есть?

— У меня нет, у Ваньки имеется, — ответил мужик. — А тебе зачем?

— Это не мне, — рассеянно сказал Казимир, решаясь. — Ванька сможет твоего сына отвезти туда?

— Ну, сможет, — сказал третий мужик, видимо, отец или брат Ваньки.

— Пускай, вдвоём тогда отправляются... дней через десять, не раньше... — медленно протянул ведун, представляя, какой истерикой разразится Стоян, — Из лодки вели им не выходить, лучше прямо с воды и покричать, мол, Казимир вернётся, но не очень скоро, — и

заметив подозрительные взгляды, пояснил. — Домовой у меня с придурью.

Ведун допоздна просидел у костра, погружённый в свои мысли, флегматично ворочая поленья костра палкой. Далеко на западе облака и верхушки деревьев окрасились в розовое сияние.

— Будет ветрено, — подметил Казимир, бросив полнящийся благоговения взгляд.

Уже давно пора было почивать, а он глядел в полное звёзд, безмятежное тёмно-синее небо, размышляя о грядущем. Дурман полевых трав, мягко ласкал ноздри, наполняя голову покоем. Казалось, что сейчас самый важный день в году. Важнее не будет даже потом, когда они сразятся с грозным врагом, и, конечно же, победят. Сердце ведуна то и дело замирало от трепета. Набрав полные лёгкие воздуха, от медленно выдохнул, и подняв ладонь вверх, принялся ловить кожей тончайшие потоки ветра. Повинуясь сиюминутному порыву, Казимир встал, и подойдя к телеге со знахарскими припасами, начал наощупь собирать высушенный букет: ромашка, крапива, полевой хвощ, первоцвет, ятрышник, змеиный горец, щавель и сныть. Увязав пучок таким образом, чтобы он стал тугим, ведун подпалил его у костра и принялся обходить палатки и догорающие костры, медленно шепча под нос.

*Тёмное небо узрит наши души,
В час, когда властвует жёлтое око.
Дорожная пыль опадает, как пепел,
Путника тень пляшет прочь одиноко.
Полнится грустью ретивое сердце,
Волны угаснут, как в озере камни,
Нечего больше желать в белом свете,
Грянут мерцающих гроз наковальни.
Плачут росой, рассыпав, мерцая,
Камни дождя, что не выпали прежде,
Высохшей ивой, в стети одинокой,
Шепчет без слов, ворожея глухая.
Вспыхнет рассвет, освещая прозревших,
Хладных, как лёд и горячих, как пламя,
Черных, как свет и сухих, словно море,
Твёрдых, как сено и мягких, как сталь.*

Размахивая сплетённым из трав веником, Казимир шагал и шагал, не слушая самого себя, не думая ни о чем, и не замечая заинтересованных взглядов, что, то и дело, провожали его спину. Когда дорожки сизого дымка, прочертили несколько десятков линий по тёмному полю, окутывая засыпающее воинство Велерада, ведун остановился, бросив почти истлевший травяной факел к ногам. С десятков раз глубоко вдохнул и выдохнул, так, что слегка закружилась голова, а затем тихонько, но в то же время твёрдо, и будто бы, даже любовно, прошептал закрыв глаза:

— О, Стрибог, повелевающий ветрами! Даруй нашим ногам лёгкость, нашим коням силу, а нашим стрелам прыть! Сегодня я прошу тебя и кланяюсь. Благослови грядущий день, мы выступаем под твоими крыльями!

Ведун низко поклонился и замер. Когда его спина разогнулась, налетел неистовый порыв ветра, завывающего в ушах. Огни костров, что ещё отбрасывали последние языки пламени, взметнулись единым порывом, да так, что на миг стало светло будто днём. Казимир улыбнулся и тихо уснул прямо под открытым небом, на кровати из полевых цветов

и трав.

Глава 16. Меж трёх огней

На утро воинство Велерада двинулось в путь, подгоняемое западным ветром, мягко толкавшим в спину. Казимир чувствовал нарастающее возбуждение, не зная куда деваться от волнения. Обоз двигался очень медленно, отчего к середине дня силы кнеса растянулись на добрых пару вёрст. Даже находясь на своей земле белозерцы осторожничали. Время от времени ведун видел сновавшие мимо конные разъезды. Чаще прочих среди них попадались братья боровички, видимо они отвечали за сохранность части обоза, в которой, в числе прочих, ехал Казимир. От этого на сердце делалось немного спокойнее, всё-таки слава парней неслась впереди них.

Мимо мелькали провожающие своих отпрысков веси. Каждая деревня отряжала ладных девиц, одетых в цветастые сарафаны и венки из луговых трав. Они кидали под копыта боевых коней свежие цветы и низко кланялись, то и дело затягивая звонкие и весёлые песни. Никто не прощался, хоть Казимир, нет-нет, да и замечал, как те, что помоложе украдкой смахивали с уголков глаз слёзы. Войско шло не куда-нибудь, а к Великим горам в тайгу.

Тайга... многое в этом слове страшило ведуна, и одновременно манило неясной для души властью. Чтобы объяснить, что это такое не хватит никаких слов, они попросту ещё не придуманы. Из глубины веков, когда тёмные пращуры бродили по лесам и горам бескрайнего зелёного моря, на потомков теперешних смотрели бесстрастные и суровые глаза стихии особого толка. Тайга — это не просто непроходимые хвойные леса, перейти которые из края в край не хватит и целой жизни... В самом этом слове заключены мрачные знамения и неясные образы, робких духом пугающие, а отважных — манящие. Казимир слышал разные смыслы, что люди вкладывали в название лесного царства, которым никто не правил. Одни полагали, будто слово тайга означает, буквально, крутая гора, могучая скала. Ведун уже не раз слышал о некой далёкой горной цепи, преодолеть которую возможно лишь по морю, либо пройдя такими потаёнными тропами, о каких ведают лишь шаманы из племени чудь. Иные полагали, что тайга означает «конец», край мира, шагнув за который, упрёшься в абсолютную пустоту, узреть которую смертному не суждено при жизни.

Привалы устраивали не часто и всегда на закате дня. Когда обоз докатывался до условленного места, там уже всю кашеварили, а кто-то и вовсе видел третий сон, впрочем, и уходя по утру раньше. Конные разъезды, сновавшие от головы к началу колонны, сменялись, а разведчики возвращались с донесениями для кнеса. Пока что припасов было в достатке, но ведун сразу подметил, что тем, кто не держит в руках оружие его выделялось кратно меньше. Когда выдавалась возможность, он пытался насобирать ягод или грибов, иногда угощали шальными дарами леса в виде ненароком битой утки или зайца.

Только в самом начале Казимир не знал куда приткнуться, то и дело ловя себя на мысли, что робеет от неизвестности. Но вскоре настали дни суровых испытаний. Конь ногу подвернёт — к нему, у кого живот скрутит — к нему, простуда — опять к нему, старая рана хандрит — снова к нему. Конечно, ведун не жаловался, но, порой, трудиться приходилось, что называется без продыху. Интересы лесной нечисти Казимир не опасался. К такому воинству только от безысходности пристанешь, да и то ненадолго. Пару раз он замечал леших, но сделать подношение не удавалось. Едва он отделялся от общей колонны, как за ним увязывались воины, видимо, приставленные хранить ведуна, как зеницу ока. Леший осторожничал и не давал людям приблизиться, тотчас исчезая. Однажды Казимир увидел

всамделишную берегиню, отдохавшую на камне у берега речки. Ему очень хотелось заговорить с речной девой, но опасаясь того, как на неё отреагируют ратники кнеса, ведун принялся нарочито шуметь, чтобы её испугнуть. Мало ли, что? Мужики все при оружии, на взводе, чуть что не так, с горяча могут и стрелу пустить, не приведи великие боги!

На четвёртый день пути, Казимиру удалось затесаться в группу плотников, пристроенных обслугой камнемётов. Его несколько тяготило постоянное следование попятам хмурых воинов, а хотелось просто почесать языком. Плотники были мужиками бесхитростными, но душевными, приняв ведуна к себе в компанию с радостью. Старший из них, ещё в силе, но уже совершенно седой старик по имени Деян, завидев скучающего Казимира на привале, поманил к себе. Усадив подле костра, он протянул ведуну тарелку с кашей, не принимая возражений. Когда тот доел, довольный Деян расправил усы, уложил подбородок на кулак, и серьёзно кивнув, благословил:

— Ну, рассказывай.

Казимир усмехнулся, ведь такое уже бывало и не раз. Прознавшие, что с войском идёт не старый ворчливый Белун, на которого у многих имелся зуб, народ присматривался к «обновке», как его называли некоторые.

— Да, нечего особо рассказывать... — протянул Казимир, привычно смущаясь. — Живу на реке... На островке, что за лесом. Коли воротимся, заходите в гости.

— А правда, что ты у нашего прииска целую дюжину кикимор один залупил? — спросил подсевший к костру Путята, крепкий мужик с круглым лицом. Его руки были похожи на брёвна, обтянутые тугими сплетениями вен. Светлые волосы, как у самого ведуна, торчали соломенными копнами в разные стороны, а голубоватые глаза смотрели с прищуром, поблёскивая азартом.

— Брешут, — Казимир покачал головой. — Там были болотники и один до сих пор есть, но он тихий.

— А верно говорят, что ты по зиме реку вскипятил, чтобы искупаться? — спросил другой мужичок по имени Уветич, черноволосый и жилистый.

— Верно! — Едва не подавившись остатками каши, которые выскрёбывал с миски, Казимир расхохотался, от души веселясь, и даже подивившись, какая слава расползается по округе. — А опосля ещё и уху в ней же сварил! — Заметив, что мужичок аж глаза выпучил от изумления, ведун всё же пояснил: — Врут, конечно же. У меня была одна прорубь для воды, и та всё время замерзала.

— Но изба-то твоя... она взаправдашняя? Говорящая? — с надеждой в голосе спросил самый младший плотник, подмастерье лет шестнадцати по имени Мороз.

— Правда лишь в части, — уклончиво ответил ведун. — У меня живёт домовой, но говорит только со мной. Чужих этот дух не любит, поэтому, ежели рядом окажешься, а меня там не будет, лучше не лезть к нему... он... диковат.

Мужики ещё много спрашивали, и каждый новый вопрос был чуднее предыдущего. В общем, можно сказать дружба у них наладилась. Казимир был и рад, ведь будучи в своём первом походе, он попросту не знал, что делать и как себя вести. Кнес больше не вызывал на беседу, а воеводу он видал только дважды, и то Ратибор каждый раз оказывался до того занят, что не обращал на ведуна внимания, окружённый воителями, принимая многочисленные донесения.

Казимир и сам был охоч поспрашивать. Оказавшись в кругу людей, которые не только считали его равным, но и уважали за профессию, он с жадностью принялся впитывать всё,

что только мог добыть. Его интересовали байки и сказки, досужие сплетни и истории о былых ратных подвигах белозерцев. Ведун восполнял пробелы в собственной истории, вытесняя ставшие до облегчения далёкими воспоминания о временах, когда был пустым местом, о которое, к тому же, с радостью вытирали ноги.

— Так куда ж мы всё-таки идём? — спросил он однажды вечером, когда тьма укутала обоз и только пляска благословенных языков костра, жарила протянутые к нему и уставшие ноги. — Я слышал лишь одно, что к горам. А что за горы такие, да кто там провинился перед кнесом?

Деян поцокал языком, весело глянув на Путятю.

— У нас тут единого мнения нет, — задумчиво сообщил он, подкидывая в огонь свежие полешки. — Я так понимаю... Кнес наш добрый, но цену словам знает не понаслышке. Когда мы уезжали, я примерил, над воротами только два щита остались. Тот, что с рысью зачем-то сняли... А зачем? Всё ж не просто так, не ради потехи делается...

— А почему там эти щиты вообще висят? — спросил Казимир.

— То победы Велерада и его батьки, — пояснил Путята. — Каждый щит — разбитый враг, который признал нашу силу и обещался не безобразничать.

— А почему тогда щита печенегов нет? — с интересом протянул ведун. — Я слышал, отец нашего кнеса Велизар бил их, да ещё и старшего сына себе в услужение забрал, которого убил этот... как бишь его?

— Не надо, — быстро прошипел Уветич, глянув по сторонам. — Не поминай этого гада, а то ещё накликаешь средь ночи-то...

— А чего такого? — изумился Казимир. — Я ж ничего плохого...

— Это как повернуть, — веско заметил Деян, подняв вверх палец.

— Да как же тут повернёшь, — начал было ведун, но Деян вдруг строго на него глянул.

— Тебе ж говорят люди... не надо!

— Да, что не надо-то? Скажите, я и не буду, — буркнул Казимир, делая вид, что обижен. Ему страсть, как было интересно, что же такое нельзя поминать, и от чего так боятся человека, который убил Талмата, что и имя его не поминают.

— Понимаешь, щита печенегов над воротами нет сейчас, но раньше был, — пояснил Уветич. — Когда отец Велерада скончался, многое поменялось. Велерад рос вместе с Талматом, и даже когда тот уехал, они не перестали любить друг друга, как родные братья. Печенеги верный народ, но и гордый. Велерад знал, что его названного родича угнетает висящее над воротами напоминание, о том, как разбили отца. Он повелел щит убрать, тем самым сделав Талмата себе равным во всем... тобишь союзником, а не слугой.

— Но это ведь хорошо, да и благородно, — заметил Казимир.

— Так-то оно так, если бы не обычаи печенегов. Лишённый присяги Талмат, как старший сын к тому времени покойного Метичая, по всему теперь должен был мстить за позор отца. Его бы свои же и порешили, коль откажись он это делать.

— Вот как... — изумлённо протянул Казимир. — И что же он, мстил? Подожди-ка... а как бишь он уме... — ведун осёкся, поняв, что хочет спросить то, что никак нельзя знать.

— Да не-е-е-ет! — Уветич даже замахал руками, словно в страхе гоня прочь страшное предположение. — Скажешь тоже! Нет-нет!

— Нет-нет! — вразной подхватили Деян и Путята.

— Тут другое... Велерад и Талмат хотели всё решить мирно, чтобы никто, стал быть, в накладе не остался, — продолжил Деян. — У Велерада есть младшая сестрица — Зимава.

Кнес хотел отдать её за Талмата, они бы породнились! Такой союз уж нельзя нарушать, повязанные родной кровью, названные братья могли бы отринуть клеймо отцовской вражды.

— Но Талмата убили, — догадался Казимир, — и все надежды на мир пошли прахом?

— Тут не всё так просто... — почёсывая бороду заметил Путьята. — Слыхал я, что Зимавка-то ещё раньше заартачилась! У них, вроде как, ещё в детстве с Талматом, что-то там было... в общем, она не просто так... и поговаривают, — он сделал страшные глаза, наклонившись к товарищам, — девка в ужасной обиде, да так брату и сказала, мол, хочешь через меня союз тот заключить, то получишь мою голову в петле!

— Может такого и не было, — махнул рукой Уветич. — Это, знаешь ли, ты сам не слыхал...

— Слыхал, али не слыхал, — и глазом не моргнув, продолжил Путьята. — А опосля всё перемешалось... Вдруг пришла весть, что сам Кнес наш женится! А у него уже ведь была супруга... Ланушка. Но и долг перед Талматом, вроде как не уплаченный. Так вот я слыхал, что Велерад решился взять в жёны сестру Талмата и Карамы. Никто её сроду не видал, печенегии баб своих прячут, аки самоцветы, но люди сказывали, будто бы она на лицо страх, да и только.

— Это тебе всякие мордофили сказывали! — вмешался молчавший до этого Мороз, тотчас получив подзатыльник от Уветича, но продолжил: — Сестра Талмата наоборот раскрасавица каких в Белозерске не сыщешь... — с пылом прошептал он. — Говорят, однажды к печенегам в стан приехал от хазар наместников «рука»... что-то там по поводу дани выяснять, которую и те, и те брали с одной деревни, и никак не могли решить, кто своим праве. Дык, тот, значится, увидал девку енту, так головы и лишился.

— Чего, спятил что ль? — с интересом буркнул Деян.

— Да нет, отрубили ему голову, — довольно оскалился Мороз. — Только вот говорят, что тот был так восхищён красотой сестры Талмата и Карамы, что и помирал, улыбаясь от радости.

— Я ж говорю, спятил, — хохотнул Деян.

— Ну, так и чего, эта сестрица их и кнес наш... того? — ёрзая от нетерпения спросил Казимир.

— Мне девка одна из терема Велерада сказывала, что кнес сам её запросил, — кивнул Путьята. — Но для того, чтобы не обидеть Талмата отказом Зимавки, он вроде как нашёл тому другую бабу, а мы, стал быть, за ней нынче и едем!

— Но Талмат же мёртв, — озадаченно протянул ведун.

— Была бы невеста, а жених новый найдётся, — резонно заметил Деян. — Теперь Караме всем правит у печенегов. Значит он и есть новый жених.

— Ну, допустим... — ведун выглядел изумлённым. — Свадьба — это ж хорошо... Неужто, обязательно посылать войско? — Казимир никак не мог понять, кто с кем собирается нынче воевать.

— То-то и оно, — хмыкнул Уветич. — Раз идём с войной, стал быть, вогуличи бабоньку свою зажали. Кнес не просто так их щит с собой взял... Он бросит его в ноги ихнему вождю.

— Зачем? — ведун не понимал ровным счётом ничего из обычаев и нравов людей, среди которых оказался.

— Чтобы все видели и запомнили, — медленно протянул Деян. — Это вызов на бой. «Ты положил свой щит к моим ногам, но забыл, чему он служит. Защищайся, потому что теперь будешь бит». Как-то так...

Казимир вдруг вспомнил разговор кнеса, который оборвался, после известия о смерти Талмата: «А я ведь ему уже и невесту присмотрел подстать...». Рассказав об этом товарищам, ведун вдруг понял, о чем именно шла речь.

— Получается, Талмату дважды отказали, сначала сестра кнеса, а потом девчонка из вогуличей... — прошептал он, словно боялся своей догадки. — Велерад просто не мог такого спустить! Он хотел сделаться родней печенегам, а названного брата посадить править вогуличами...

— А Талмату вновь отказали... — кивнул Путята.

— А потом и убили, — мрачно закончил Уветич.

— Может, вогуличи и наслали на Талмата эту мразь... купили голову печенег, чтобы отвести от себя повеление нашего кнеса, — прошептал Деян, сплюнув под ноги. — Изу-бей давно просится на копьё... Да чтоб тебя! Сам и помянул не к ночи! — и помолчав, добавил: — Но Велерад нас бережёт, не даёт повода хазарам сжечь Белозерск...

— Ой, это ещё кто, кого сожжёт! — заносчиво бросил Путята, сжимая кулаки.

— Поэтому Велераду нужны покорные вогуличи, чтобы враги не ударили с двух сторон, — закончил за всех Казимир.

— С трёх, — поправил его Уветич. — Если не дать печенегам хоть что-то... то с трёх.

Казимир призадумался. Он-то считал, что кнес идёт в завоевательный поход, а по всему выходило, что это отчаянный рывок, чтобы отвести угрозу от Белозерска.

«До чего же непростые дела творятся в большом городе, — подумал ведун, следя за тем, как угасает пламя в костре. — Я таких чаяний и не знал раньше... Интересно, как там Стоян? Чтобы он сказал обо всём этом?»

Глаза сомкнулись, и ведун провалился в глубокий сон. Ему снились высокие горные вершины, заметённые неглубоким снегом. Снежинки искрились в тёплых и ласковых лучах света, то и дело взлетая. Радужные отблески наполняли мир блестящими сполохами всех цветов. От нестерпимой рези в глазах, потекли слёзы. Ведун прижал ладони к лицу, наслаждаясь передышкой. Опустившаяся на голову тьма нарушалась редкими разноцветными искорками, но вскоре угасли и они. Когда он отнял руки, опасно щурясь, то понял, что вокруг больше не лежит слепящий снег. Казимир стоял в пещере, каменный пол которой холодил ноги даже сквозь плотную кожу сапог. Пахло сыростью и серой. Осмотревшись по сторонам, ведун осторожно пошёл вдоль стены, касаясь её рукой. Стена была до того гладкой, что он невольно пригляделся. В полумраке оказалось не просто рассмотреть хоть что-то, но приблизив лицо почти вплотную... Казимир увидел своё отражение. Поверхность, которой касалась его рука, целиком состояла из драгоценного камня чистого и прозрачного, словно слеза.

— Это алмазные покои, — в голове ведуна зазвучал высокий и звонкий, словно горный ручей голос.

Ведун оглянулся, ища источник звука. Смолкнувший голос, казалось... звоном отскакивал от стен, резонируя и эхом проносясь сквозь человеческое тело. Мурашки пробежали по коже, заставив Казимира непроизвольно вздрогнуть. Он снова протянул руку, касаясь стены. Поверхность была идеально отполирована.

«Человеку не под силу такая чистая работа, — подумал ведун. — Невозможно!»

— Ты прав, — заметил высокий и звонкий голос. — Это сделал не человек.

— А кто? — неожиданно для самого себя спросил Казимир, вглядываясь в пещерный мрак. — Это сделала ты?

— Да, — голос звучал холодно и отстранённо. — Тебе нравится?

— Очень, — признался ведун.

— Ты чувствуешь силу, что таится в этом камне? — спросил звенящий голос.

— Чувствую, — с трудом шевельнув пересохшими губами, ответил ведун.

— Ты не можешь чувствовать, — звенящий голос внезапно надвинулся, став стократ громче, он словно исполинская волна обрушился на ведуна, выбивая из равновесия, заставляя сжаться от подступившего животного страха. — Здесь нет твоего тела!

— Чтобы чувствовать не обязательно трогать... — тихо возразил ведун, извиняющимся тоном.

— Неужели? — голос снова стал тише, но его звон таил невыразимую скрытую угрозу.

— У меня не хватает слов, чтобы описать само совершенство, — продолжил ведун, чувствуя себя маленьким и ничтожным. — А можно мне...

— Увидеть? — подсказал ставший ласковым, но всё ещё остававшийся холодным, женский голос.

— Да, — робко прошептал ведун.

— Нельзя, — Она не дразнила, не испытывала, не играла. — Если здесь станет хоть на толику светлее, ты ослепнешь.

— Очень жаль, — с искренней досадой в голосе, пробормотал Казимир. — Но я думаю, ради такого не жалко ослепнуть.

— Ты храбрый, — заметил голос, эхом удаляясь и возвращаясь вновь.

— Вовсе нет. Во мне зияет пустота... Я готов идти на край мира, чтобы её унять.

— Понимаю, — тихим шёпотом ответил голос, и Казимиру показалось, будто что-то коснулось его плеча. Он так надеялся, что это произойдёт вновь, что замер в ожидании... Но этого не повторилось.

— Кто ты? — жадно воскликнул ведун.

Некоторое время было тихо. Так тихо, что ему стало грустно. Взметнувшаяся, словно снежный буран, печаль окутала душу, сжимая и оставляя кровоточащие раны. Если она не ответит... не ответит... никогда?! Казимир прижался лбом к гладкой и холодной поверхности стены.

«Если она не ответит, я разобью себе голову об этот камень», — решил он.

— Тайку́, — коротко обронил звенящий голос, возвращаясь, как долгожданная весна, после долгой зимы.

Казимир замер, не в силах дышать и даже думать. Догадка, скользнувшая откуда-то из недр души, вспыхнула огненным пылающим цветком, распускаясь где-то в районе живота.

— Я понял, кто ты, — тихо прошептал он, чувствуя, что по-детски и наивно улыбается. — Ты самое прекрасное, что есть на свете... сама сила... мудрость... и красота. Ты и есть тайга!

Он очнулся от того, что смеётся. Заливисто и глупо хохочет, да так чисто и легко, аж живот заболел. Ведун сел, сбрасывая отцветающие остатки пережитого сна. Ему было очень тепло. Он испытывал невероятную, немислимую нежность... какую не чувствовал никогда прежде. Рядом посапывали спящие плотники, то и дело раздавались лошадиные всхрапы. Солнце ещё не встало, но тьма, окутывающая всё вокруг, уже начала проясняться. Это был краткий миг перед рассветом, когда кажется, что все окружающее приобретает алый оттенок, становясь стократ чище и уютнее.

— Тайку, — прошептал Казимир, словно ласкал языком таинственное и только одну

ему известное имя, боясь его забыть. — Тайку.

Глава 17. Трижды славен будь ты!

Ясная погода сменялась дождливой хмарью, а потом снова возвращалась удушливая жара. Войско упорно шагало вперёд, изредка задерживаясь лишь на переправах или, когда приходилось давать крюк. Таинственный и незримый образ, с леденящим душу звонким голосом больше не являлся во снах Казимиру, и в какой-то момент он понял, что начал тосковать. Однако не зная, как обратиться и позвать, был вынужден смиренно ждать... но безуспешно.

На вторую неделю пути, за ним пришёл Юрас. Завидев ведуна, он весело помахал тому рукой, словно они были старыми друзьями.

— Еле нашёл тебя, — буркнул воин, протягивая Казимиру руку. — Полезай-ка, прокатимся!

Ведун неловко вскарабкался на коня, не зная за что бы ухватиться. Едва он вцепился в седло, взгромоздившись позади воина, тот пустил животину в галоп, обгоняя мерно движущееся воинство.

«Зачем я понадобился? — гадал Казимир, глядя на мелькающих мимо бойцов, выстраивающихся в боевые порядки. — Мы у цели? Наверное, да? И что теперь? Что они от меня запросят?».

Юрас остановился на опушке леса. Здесь не было ни шатров, ни даже костра, хотя по всему выходило, что войско встало. Кнеса тоже не оказалось, зато присутствовал воевода. Заметив Казимира, он махнул рукой, подзывая к себе. Едва ведун подошёл к Ратибору, тот заговорил так быстро, что за ним едва удавалось поспевать:

— Значится так! Мы в полудневном переходе от Маушав. Это ихнее самое крупное поселение, вогулов тобишь. Вот здесь, здесь и здесь, — воевода указал палочкой, рисуя на земле подобие карты, — были замечены их конные разведчики. В лесу наверняка тоже есть, но нам их никогда не высмотреть. О нас уже знают, тут вопросов никаких. К Маушав ведут всего два пути. Один с северо-запада, там большая вырубка и можно пройти плотным строем, но и защита попрочнее, штурмуя укрепления придётся умыться кровушкой. Другой путь с юга, но тогда придётся переходить ручей, что течёт по дну ущелья, да ещё и под градом их стрел, а там каменистое дно, кони ноги поломают, потеряем разгон... в общем не то. Как именно мы их будем брать, тебя не касается. Ты нам нужен для другого, отрави ручей, Казимир.

— Отравить ручей? — эхом отозвался ведун, призадумавшись.

— Да, — строго ответил воевода. — Вогулы поклоняются какой-то там земной матери... Я, если честно, в их вере не сильно сведущ. Главное то, что они из уважения к ентной самой матери колодцы не роют. Нужно выманить их из поселения в поле. Для этого тебя и взяли, трави ручей, на хрен! Не будет питья, сами вылезут, выковыривать не придётся.

— Да как... — начал было Казимир, но брови Ратибора сошлись, скрывая переносицу. — Сделать-то можно... — сглотнув, добавил он, сообразив, что отказы не принимаются. — Но ручей не пруд какой. Варить придётся столько, чтобы потом лить в воду дня три. А они ж смекнут, кто их травит. Людей пошлют, искать вверх по течению.

— Это моя забота, — кивнул воевода. — Оградим тебя так, что и белка не проскочит.

Задача стояла прям сказать не из простых. Травить людей насмерть, Казимир, конечно же, не собирался. Этого от него, благо, и не требовали.

«Как заставить их отказаться пить воду, — ломал голову ведун, в который раз роясь в знахарских припасах. — Ратибору надо чтобы они вышли из ущелья... А что, если источник не один? Нет, про это думать не моя забота... Хорошо, тогда как отравить ручей так, чтобы никого не убить... Мы же не убивать пришли... а свататься. Хотя, кто их поймёт? Сами обещанье нарушили, ещё неизвестно кто названного брата кнеса погубил... Думай, Казимир! — обхватив голову руками, твердил себе ведун. — Что заставит людей переть наружу? Жажда... Может вовсе завалить русло? Не надёжно, пробьётся где-нибудь... Тогда что? Что заставит всех искать другую воду?».

И тут ведуну на глаза попался один из мужиков, что намеренно заявился с жалобами на боли в животе. Болотной воды нахлебался или мясо не доварил. Глаза Казимира просияли.

«Травить на смерть мы вас не будем, но уж не взыщите, до ветру побегаετε... и жаждой замучаетесь!».

— Цветки аниса, конский щавель, корень солодки, мелисса, ольховая кора, ягоды жостера, тысячелистник, крушина, волчьи ягоды — командовал он двум знахарям, стаскивавшим огромные мешки из обозной телеги в отдельную, запряжённую двумя лошадьми. — Донник, сурепка, ягоды бузины.

Помимо этого, было прихвачено вдоволь дров, хотя Казимир и понимал, что понадобится нарубить ещё очень много, погружено полдюжины пузатых котлов, плотная ткань для возведения шатра (ведун собирался вываривать зелье дни и ночи напролёт), а также взяты всевозможные атрибуты, вызвавшие у сопровождающих суеверный страх. Ведун не хотел прибегать к ворожбе, но обезопасить себя и подручных от посягательства нечисти был обязан. Одно дело топтать по лесам с огромным войском, и совсем другое это травить реку... Мало ли, кто там может обитать? Ещё Казимир опасался шаманов вогуличей. Он так и не смог добиться от Ратибора ответа, кому те поклоняются и какого противодействия ждать. Про них вообще знали очень немного. Среди предметов, на которые нервозно косились воины охранения были два бараньих черепа, берцовые кости быка, дымокур, мешок рыбьей чешуи, вороньи перья, бубен, деревянные ступки, чаши для подношений и костяной кинжал, который как бы он не старался припрятать, заметили.

Он хранил его, бережно укутав тканью, вот уже более года. Зачем оставил при себе? Казимир и сам не знал. Злая вещь, хищная, но очень сильная — в том он не сомневался. Лезвие загнутое и тёмное из кости (Казимир старался не думать из чьей именно), а в рукояти камень — огромный кроваво-красный рубин. Когда всё было собрано, ведун явился к Ратибору, застав при нём кнеса. Велерад выглядел очень уставшим, словно много дней провёл в пути, однако его улыбка сияла.

— Ну, что? — зычно спросил он, когда Казимир подошёл. — Готов? Вытравишь их из логова?

— Сделаю, — ответил ведун, хотя уверенность ему придавала неизбежность поручения, а не желание во что бы то ни стало отравить прорву народу. — Позволь сказать кнес...

— Говори.

— Когда ты планируешь начать осаду?

Кнес с воеводой переглянулись.

— Дня через три, — ответил Велерад. — Минувшей ночью мы уже немного пободались. Я их отбросил, теперь точно будут сидеть.

— Я всё обдумал... Начни завтра, — выпалил Казимир единым духом. — Если ты заставишь вогуличей сидеть за стенами, к нам смогут пробиться лишь малыми силами.

Зелья, что я собираюсь заварить, на долго не хватит. Коли им хоть раз удастся нас выгнать и сжечь стоянку, то второй раз будет попросту не из чего варить. Но пока они заперты, то об этом не узнают.

— Ха! — гаркнул кнес, весело глянув на Ратибора. — Видал?

Тот тоже усмехнулся.

— Будет тебе спокойствие, не тушуйся, — сказал Велерад, глядя ведуну в глаза. — Займём вогуличей так, что не до вас будет!

Ночью Казимиру не удалось заснуть. Он ворочался, переходил с места на место, в который раз отправлялся проверить, всё ли уложил в телегу, ложился и снова не мог сомкнуть глаз. Правая нога то и дело начинала нервно дрожать, от чего в конце концов свело мышцы. Шипя от боли, ведун щипал себя за икры, не чувствуя собственных прикосновений. На небо выплыла молодая луна, отбрасывающая тусклый свет на застывшие в ожидании боя острия копий. Серебристой россыпью наконечники мерцали во мраке, хищным роем, грозя звёздному небу. Казимир не мог даже есть, хотя желудок ещё с середины дня был пуст и требовал пищи, но кусок не лез в горло.

«Что нас ждёт завтра? Сколько у вогуличей воинов? — лихорадочно думал он. — Что если у меня ничего не выйдет? Это ж не в лужу соли набросать...».

На утро войско выстроилось на приступ вогульского ущелья. Ещё не встало солнце, а Казимир зажёг два костра на расстоянии семи саженой один от другого. Поочередно подходя то к одному, то к другому, он бросал в пламя пригоршни мокрых ольховых листьев. Две тонкие струйки белого дыма устремились ввысь. Достав из стоящей поодаль клетки курицу, ведун прижал её коленом к земле, решительно обезглавив. Покуда уже мёртвая птица ещё трепыхалась, разбрасывая кровь, Казимир трижды обошел вокруг ритуальных костров. Кнес выступил вперёд, застыв между двумя языками пламени. Ведун сейчас глядел на него не как пресмыкающийся слуга. В его глазах разжигалось фанатичное пламя. Окропив ладонь в крови, Казимир решительно шагнул к Велераду, прочертя пальцем по его лицу четыре линии: две прямые под глазами, одна ломанная в виде молнии на лбу, и одна горизонтальная через губы.

— Перун! Мы призываем тебя! — зычно взревел Казимир, и всё войско повторяло за ним каждое слово. — Трижды славен будь ты! Здравия и множества рода всем чадам своим дай! Приди же в наши вены, о первый в чести! Войди в наши сердца, даруя им доблесть! Вселись в оружие наше и яви свой вещий огонь! Велика твоя суть Родом данная! Открой же нам пусть к неугасающей славе твоей! Прими наши души, родич Перун! Смотри же на нас, сегодня мы идём твоею тропой!

Пламя костров взвилось к небесам, а оттуда громыхнуло, да так, что все, кто стоял в предрассветных сумерках, пригнулись, но не уstraшились. То был древний зов, следовать своей судьбе. Бог услышал и благословлял воинство. Первым очнулся от потрясения сам ведун. Отойдя в сторону, он низко поклонился кнесу, и стоял так, покуда тот не оседлал коня, и не прошёл через врата двух пылающих костров. Войско двинулось следом в напряжённом молчании, лишь кони всхрапывали, исторгая ноздрями облачка пара. Каждый удар подковы вбивал в землю суровый рок, когда первые рассветные лучи заиграли на качающемся частоколе из копий.

Казимир со своим небольшим отрядом двинулся в другую сторону, забирая на север. С ним отправили двенадцать варягов, лишь двое из которых говорили на русском. Узнав о том, что для его задачи отрядили иноземцев, ведун было запротестовал, но воевода его заверил,

что так будет лучше.

— Мне что своих спешивать, чтобы тебе подсобить? — громыхнул Ратибор нарочито сердито. — Нурманы воюют пешими, они пойдут к южному выходу из ущелья в засаду к ручью. Дюжину даю тебе на подмогу.

— Но они же наёмники, — тихо шепнул Казимир, косясь на суровых викингов, топтавшихся у его телеги. — А если их перекупят вогуличи? Вдруг они побегут?

— Не страшись того, что ещё не случилось, — ответил воевода, ухмыляясь в усы. — Удачи тебе, Казимир-ворон! Не подведи нашего кнеса.

Обернувшись на своё воинство, ведун тяжело вздохнул.

«Ну, что есть, то есть, — мрачно подумал он, взирая на надменные лица северян. — Надеюсь, вы не боитесь темноты».

Кони с трудом тащили телегу по лесу, но нести на себе столько припасов, сколько нагрузил для варения зелья Казимир, не представлялось возможным. Колёса то и дело увязали во мху, а деревья, порой, росли так часто, что приходилось давать большие крюки, чтобы их обойти. К полудню в отдалении раздался шум. Словно исполинская волна, он накатил с востока, принеся неразличимый гвалт. Казимир нервно вслушивался, силясь понять, что это, пока не догадался — сражение началось. Многоголосные крики, звон металла, ржание лошадей и тяжёлое уханье камней, бьющих по стенам Маушав, всё слилось воедино.

Ведун схватился за сбрую ближайшей лошади и потащил вперёд, повинувшись охватившему его порыву. Викингам передался его импульс, который незримо прошёл сквозь тела людей, заставляя идти быстрее.

«Началось!» — шептал лес, подгоняя их.

«Наши уже бьются!» — вторило, докатывающееся до людей, эхо сражения.

Первым почуял приближение ручья варяг по имени Свенельд, который мог изъясняться на русском.

— Журчит, — буркнул он, обращаясь к ведуну, и махнул рукой в направлении откуда услышал звук. — Очень близко.

Перешли на бег. Сердце ведуна стучало так, словно готово было выпрыгнуть наружу. Руки мелко тряслись, потя, отчего он то и дело вытирал их о рубаху. Между деревьями что-то засеребрилось. Пройдя ещё полверсты, отряд вышел к звонкому ручейку, струящемуся между замшелых валунов. Казимир обернулся к Свенельду, тяжело дыша от возбуждения, и быстро заговорил:

— Варить будем долго, может дня три-четыре, если понадобится! Организуй мне охрану, чтобы к лагерю даже заяц не проскочил! Палатку ставим прямо здесь на берегу.

— Будет, — кивнул тот.

— Ещё нужно два человека на дрова, — продолжил ведун. — Рубить много, чтобы у меня не кончались, пусть как устанут подменяются.

— Будет, — снова ответил варяг, бесстрастно глядя на Казимира.

— И ещё двое пускай выворотят во-о-он те камни, — ведун указал на два больших валуна. — Течение небystрое, ямы будут медленно заполняться. Нужно вычерпывать оттуда воду и выливать где-нибудь в стороне, лишь бы вниз утекало помедленней.

Викинг хмуро кивнул, подзывая своих людей. Они недолго переговаривались, кажется, даже успели повздорить, видимо, решая, кто займётся работой, порученной русом, но Казимир уже не глядел.

«Пускай сами разбираются, — думал он, лихорадочно разбирая повозку. — Быстрее, только быстрее, остальное сделаю я».

Разведя три костра, Казимир наполнил котлы снадобьями и принялся вываривать зелье. Он был полностью погружён в работу, не обращая на викингов внимания. Медленно растирая в ступке травы, он скрупулёзно изучал полученную кашицу, осторожно добавляя в кипящую воду. Надрезая ягоды, следил за тем, чтобы в варево попадал лишь сок, дотошно выжимая их до капли. Когда выдавалось время отвлечься, справлялся о запасе дров, всякий раз напоминая о необходимости его пополнения. Викинги не очень-то радовались тому, что попали в подчинение странного худосочного парня, который творит какую-то мерзкую «колдотню», как говорили они, но всё выполняли в точности, как требовал ведун. А Казимир настолько погрузился в родную стихию, что работал не покладая рук.

По мере того, как натягивались палатки, а в землю заколачивались заострённые частокольные жерди, ведун приступил к возведению собственной защиты. Бычьи берцовые кости он закопал вокруг лагеря таким образом, чтобы образовать ими круг. Два бараньих черепа подвесил на деревья, один смотрит на север, второй на юг. Рыбьей чешуёй он отсыпал границу временного лагеря, наступать на которую варягам строго-настрого запретил.

— Если мы прогневаем речных духов, они не решатся перейти линию. — пояснил он для второго викинга, который говорил на русском.

Ёрунд молча выслушал и ничего не возразил, однако по его лицу было видно, что тот не прочь бы уже кого-нибудь прогневить, да и укокошить. Вдалеке всё отчётливее слышался гвалт битвы, то и дело трубили в сигнальный рог, громыхали удары камней, словом, люди проводят время с пользой, а не возились с каким-то спятившим ведуном. Казимир же заканчивал с первыми тремя котлами, сняв их с огня и оставив пока «отдыхать». Следующие три тотчас взгромоздил на костры, которые непрерывно подпитывал поленьями, и продолжил промысел. Когда новая порция зелья поспела, началась самая трудная часть работы. Вливать зелье в оскудевший ручей, который непрерывно откачивали варяги, нужно было очень медленно, так, чтобы хватило до остывания следующих котлов и так далее... дня три... если не больше.

Наступила ночь, а Казимир уже был измотан донельзя. Руки налились свинцом и не слушались, пальцы утратили чувствительность, он то и дело ошибался, резался, но упрямо делал свою работу. Даже викингам было проще, те быстро смекнув, что сумасшедший ведун не шутил, и трудиться придётся очень долго, поочерёдно отдыхали, сменяясь по команде Свенельда. Казимир жутко хотел спать. Временами ему казалось, что он уже не понимает, что делает, но руки сами выполняли пусть и однообразную, но тяжёлую работу. Вдруг, его словно водой окатили. На миг стало холодно, и нервная дрожь пробежала по позвоночнику, затихая в макушке. Ведун резко вскинулся, вращая головой, но вокруг стояла глубокая и, казалось бы, тихая ночь. Ничего не видать, хоть глаз выколи!

— Свенельд, — тихо позвал ведун, стараясь говорить спокойно.

Викинг возник из темноты, словно призрак. Казимир тотчас увидел, что он сжимает в руках свой огромный топор. Кажется, воин тоже учуял подкрадывающееся лихо.

— Мы здесь не одни, — одними губами, прошептал ведун. — Поднимай людей, только без резких движений.

Нурман кивнул и исчез во мраке. Казимир продолжил вываривать зелье, делая вид, что ничего не произошло. Правая нога стучала от страха, он едва не падал, то и дело

поскальзываясь.

«Ни на что не обращай внимания, — твердил он себе. — Ты делай свою работу, а они будут делать свою».

Но цепкие пальцы страха, уже впились в его сердце, всё глубже и глубже проникая в сознание. Казалось, что с каждым мигмом уверенность улетучивается... Будто, обожди ещё чуть-чуть и всё... он бросится бежать... или закрыв голову руками, бессильно упадёт наземь. Рука метнулась к костяному кинжалу, висящему на шее под рубахой.

«Вонзить себе в горло и всё, — шептал его, но какой-то иной, искажённый голос. — Не будет страха и боли! Всё уйдёт прочь! Останется мягкая тьма!».

На силу уняв всколыхнувшее разум желание достать кинжал, ведун понял, что ждать более уже попросту опасно. Пальцы в миг развязали тесьму на одном из поясных мешочков, на ладонь просыпался мельчайший, словно пыльца, порошок. Не помня себя, Казимир с криком швырнул содержимое руки в костёр, прикрыв глаза. Пламя взметнулось ввысь, опалая нижние ветви деревьев, которые тотчас загорелись. Пляшущие лучи света выхватили из тьмы пять силуэтов, хищно подкрадывающихся к лагерю... пять взъерошенных рысей с клыками, что торчали из-под верхней губы у каждого порождения ночи, что добрый кинжал... Кони в иступлении забились, заливаясь ржанием, в безнадёжных попытках вырваться они тянули перевязанные поводья в разные стороны, судорожно вращая наполненными ужасом глазами.

Рыси прыгнули одновременно, врываясь в лагерь, будто ураган. И Казимир готов был поклясться, что всякая рысь преодолела сажень пять, распластавшись, перелетая частокол. Сверкнули мечи, с хищным воем рассекали ночь топоры, истошные вопли и полнящиеся яростью крики наполнили лесное забвение яростью скоротечной битвы. Викинги рубились отчаянно и бесстрашно. Двух кошек в миг насадили на копья, но те ещё долго жили, пытаясь дотянуться до людей огромными лапами. Одному нурману не повезло, прыгнувшая ему на спину рысь, в мгновение ока оттащила того за границу света, где освеживала до того, как подоспела подмога. Ещё одну кошку ранили, но та успевала выскочить.

Всё кончилось очень быстро, и снова повисла чарующая тишина. На земле остались лежать четыре рыси и один викинг. Ещё два воителя были ранены: прокушено бедро у первого и рассечено лицо у второго. Спohватившись, что чересчур передержал котлы на огне, Казимир на силу уняв дрожь, продолжил свою работу. Рядом возник Свенельд, вытирая пот со лба.

— Что за бешеные отродья? — буркнул он, наблюдая за тем, как ведун разминает травы. — Оголодали чтоль? Зима ж ещё далеко...

— Отрубите им головы, — не отвлекаясь бросил Казимир, стараясь не смотреть на трупы. — Это не животные...

— Духи? — тяжело выдохнув, осведомился викинг.

Он не испугался, напротив, от известия, что им удалось заставить сбежать нечестивые сущности, взгляд нурмана просиял.

— Люди... — сказал ведун, оборачиваясь. — Это шаманы вогуличей... я никогда не видел их, но чую... это именно они... утрите бдительность! Всё только начинается!

Однако его догадке не суждено было сбыться. С приходом рассвета страхи рассеялись, но никто так и не напал на лагерь. В отдалении снова трубили рога, лязгал металл, разнося по округе гвалт беспощадной рубки, а камнемёты занудно и безостановочно лупили по частоколу.

«Когда его уже сомнут-то?!».

Казимир был рад, что им удалось пережить первое испытание, но с каждым часом становилось всё тяжелее хотя бы устоять на ногах. Он то и дело ловил себя на мысли, что начинал работать спустя рукава: не слишком тщательно шинковал заготовки, бросал пучки трав на глаз, иной раз забывая размять, ягоды выдавливал не полностью, торопливо отбрасывая прочь мякиши. В конце концов, ведун сдался и велел Ёрунду разбудить его, как только зелье приобретёт тёмно-зелёный окрас.

«Ничего не случится, если я покемарю... совсем чуть-чуть, — сказал он себе, будто оправдываясь. — Выварить то, что уже в котле и без меня сумеют...».

Но казалось, едва голова коснулась земли, а его уже будили! Казимир злобно оскалился, отмахнувшись.

«Ничего не могут! — в раздражении подумал он. — Ну, что ещё там?».

Однако раскрыв глаза, ведун обомлел, едва ль не потеряв дар речи. Лагерь окутали сумерки, а костры... почти прогорели!

«Сколько времени прошло? Почему не разбудили раньше? Что стряслось? Снова напали?».

Ведун хотел было вскочить, но рука викинга опустилась ему плечо, останавливая. Казимир глянул на Свенельда, лицо нурмана было напряжено, он лишь поднял указательный палец, прижав к губам. Ведун замер, прислушиваясь... и тогда тоже услышал. Сначала ему почудилось, что это шум ручья, мягкий воркующий рокот, катящий мелкие камешки в потоках воды... Но вслушиваясь внимательнее, Казимир понял, что это переступание множества ног. Словно гигантский рак выбрался на сушу и с шелестом, нарезает круги окрест их лагеря. Вокруг было настолько тихо, что каждый шаг ещё незримого существа казался оглушительно громким. Ведун глянул вокруг. Викинги тоже замерли в ожидании, напряжённо вглядываясь в провалы между деревьями. Не успел Казимир порадоваться, что они начеку... как вдруг его глаза увидели такое... отчего поджилки тотчас затряслись. Рыбьей чешуи, которую он накануне щедро рассыпал вокруг, заключая стоянку в кольцо, не было! Кто-то её убрал... кто-то очень умный... и коварный. Видимо, пережитый ужас отразился на его лице, потому, что Ёрунд нервно сглотнул, глядя на ведуна.

Не веря себе, не чувствуя рук и ног, Казимир поднялся и продолжил работу. Нож снова нарезал травы и ягоды, сбрасывая полученное сырьё в зелье. Он старался подавить собственный слух, силился то и дело не поднимать глаза, в поисках рассерженного водяного, что подкрадывался к лагерю.

«Они перехитрили нас! — кричало сознание. — Беги! Беги, всё кончено!».

Руки окончательно отмерли, став холодными и чужими, рассудок визжал раненной дичью, сердце забилося в самые потаённые и тёмные уголки души, подвывая от страха. Ведуну казалось, что, если водяной не нападёт спустя мгновение другое, он сам с воплями ринется во тьму.

«Лучше так. Лучше сразу покончить с этим. Пусть он заберёт меня... лишь бы не ждать!».

— Я больше не могу бояться! — закричал ведун, окончательно потеряв контроль, ни к кому не обращаясь, заливаясь слезами. — Ну, где же... Давай... Ну!

Тьма вскипела, приходя в хаотическое движение. Там, где ещё недавно ничего не было, закружился водяной смерч, который бил прямо из земли. Он рос прямо на глазах, набирая силу и раздавая в стороны. В его силуэте угадывались множественные острые, как копы

ноги, две пары похожих на клешни лап и тело, больше всего напоминавшее студень — прозрачная смесь требухи и воздушный пузырь, как у рыбы. Головы не было, шесть щупалец венчали верхнюю часть туловища глазами без век и ресниц. Водяной издал протяжный стон, похожий на чавканье болота... и атаковал.

Дух ворвался в лагерь, сметая частокол, словно тот состоял из невесомых тростинок. Его клешни без труда перерубали древки копий и дротиков прямо на лету. Викинги прыснули в разные стороны, беря чудище в кольцо. Топоры и мечи взмывали в воздух и опускались, оставляя глубокие борозды на истекающем слизью теле, но тварь, словно не чувствовала боли. Водяной метался в стороны, то и дело кого-нибудь хватая, и тогда жуткие клешни рвали людские тела, перерезая прочные кольчуги, как листья. Он ревел, исторгая пар и брызги, и с каждой новой атакой на земле оставались мертвецы. Кони уже были попросту вне себя от ужаса, и людям приходилось уворачиваться ещё и от них, чтобы не получить ненароком удар копытом.

Отойдя от потрясения, Казимир метнулся к телеге, не глядя шаря руками, он подхватил мешок с волчьей ягодой и принялся разминать плоды, бросая в котёл. Пальцы уже давно были изрезаны, отчего ядовитый сок попадал в кровь.

— Плевать, — шептал себе под нос Казимир, не обращая на это внимания. — Уже плевать. Быстрее же, ты, размазня!

Костры едва ли горели, и ведун выхватывал горящие поленья, сбрасывая их под один единственный котёл. Когда пламя вспыхнуло ярче, а варево запузырилась, пятерых нурманов не было в живых, ещё двое тяжелораненые, отползали прочь, зажимая чудовищные раны. Свенельд, Ёрунд и один варяг, имени которого ведун не знал, кружили вокруг водяного, то и дело совершая молниеносные выпады. Чудовище силилось зацепить их, но на ногах остались самые лучшие бойцы и они были намерены дорого продать свои жизни.

Когда жидкость в котле потемнела, Казимир бросил в него сушёные цветки вежа, наскоро размятый мякиш бузины и листья дурмана. Он сам не помнил уже зачем взял эти травы и ягоды... Думал, на всякий случай... Но не гадал, что пригодится. Варево почти сразу пахло горечью, выбрасывая вверх желтоватые испарения. То, что ведун делал потом, происходило как во сне. Схватив котёл за ухватки, он поднял его, едва на опрокинув на себя... Руки обожгло нестерпимой болью, от чего Казимир пронзительно закричал... Викинги обернулись на него... А ведун уже бежал вперёд... Бежал, спотыкаясь на каждом шагу. Кажется, они всё поняли. Заревев, словно волки, воители набросились на водяного с утроенной яростью, увлекая за собой, а когда от ведуна до чудища осталось шага три, прыснули врассыпную. Казимир уже не мог опрокинуть варево, не хватало сил! Он врезался в спину водяного, толкая котёл вперёд, и упал. Кто-то схватил его...

«Попался, — отстранённо подумал ведун. — Сейчас разорвёт... Но где же боль?!».

Нет, ведуна тащили прочь от визжащего духа! Свенельд подскочил к нему, в последний миг, вырывая из-под удара жуткой клешни. Казимир, едва мог стоять на ногах, но поняв, что, ещё жив, отмахнулся от викинга.

— Назад! — хрипло выдавил из себя ведун, вставая на четвереньки. — Добить!

Водяной лежал на брюхе, рыча и завывая. Нет, зелье не прожгло его насквозь, и даже не опалило, дух был отравлен и почти не мог двигаться. Викинги, обезумевшие от боевого ража, рубили клешни и ноги, кромсали безобразное тело, но тварь сопротивлялась... Она стонала и бурлила, обдавая нападавших облачками брызг и пара. Шатаясь, словно был пьян, Казимир полз на четвереньках обратно, сжимая в руке костяной кинжал. Силы оставили его,

когда до водяного оставалось шагов пять... Он попросту сник, окончательно проваливаясь в дурман.

«Видимо, слишком много сока попало в раны, — успел подумать ведун, теряя сознание. — Воткните кинжал в его сердце! Если надо вбейте молотом... Интересно, я это подумал... или сказал... А что я сказал? Я?».

Глава 18. Тревога сулит беду

Телега медленно катилась, подпрыгивая на кочках. Казимир не глядя поднял руку, касаясь губ. Сухость во рту нестерпимо мучила его, казалось, что челюсти свело, а язык превратился в шероховатую мочалку. Ведун попытался открыть глаза и тотчас пожалел об этом. Подступившая тошнота заставила и без того истерзанное дело содрогаться от мучительных спазмов. Наверное, его бы и вырвало, если бы было, чем. В виски ударила нестерпимая боль, словно голова очутилась между молотом и наковальней. Кажется, Казимир даже завыл от неожиданности, обхватив голову руками.

— Гляди-ка, живой, — раздался незнакомый голос неподалёку.

— Пить... — прошептал ведун, на силу разрывая слипшиеся губы, которые тотчас трескались и кровоточили. — Воды дайте...

— Тпр-у-у-у!

Телега остановилась. Сбоку послышались чьи-то шаги, а в руку ведуна что-то вложили. На ощупь предмет походил на кожаный бурдюк. Пошарив пальцами в поисках пробки, Казимир выдернул её и осторожно поднёс мешок ко рту. Тёплая и немного затхлая вода проникла в горло, вызывая приступ кашля.

— Тише-тише! — запричитал кто-то.

Невидимые руки забрали бурдюк, подхватывая ведуна за плечи и усаживая.

— Прольёшь же всё, — с укором сказал неизвестный. — Говорят, ручей-то до сих пор ядовитый, уж ты постарался! Так, что с водицей пока напряжёнка!

Ведун вновь попытался открыть глаза, на этот раз заранее вцепившись в борт телеги. Едва веки поднялись, нестерпимо яркий свет ударил посильнее плети. Щурясь и чувствуя, как из глаз хлынули слёзы, Казимир закрылся дрожащей рукой от солнца, осматриваясь. Он сидел в телеге посреди цветущего луга. Ветер волнами раскачивал травяное море, раскинувшееся покуда хватало глаз. Стебли высоких колосьев трепетали, отливая медью. Далеко на востоке нависали низкие и тёмные тучи, но, похоже, дождь уже кончился. Казимир заметил вокруг множество луж.

— Воды же полно, — хрипло просипел он. — Почему ты сказал, что с водой туго?

— Так это не вода... — хмуро отозвался воин, которого Казимир теперь мог различить.

Он узнал витязя, то был младший из боровичков — Владимир. Воин с отвращением поглядывал на тёмные лужи, скопившиеся на дороге. Зрение мало-помалу возвращалась, и вскоре ведун понял, о чем тот говорил. Это действительно с натяжкой можно было назвать дождевой водой, странная мутная багровая жидкость, напоминающая кровь, образовывала на почве лужи, которые, похоже, не принимала сама земля.

— Как это произошло?

— Мы думали у тебя узнать, — пожал плечами воин.

— Значит, вогуличи постарались, — рассудил Казимир.

— Это опасно?

— Поди ж, знай... — ведун никак не мог прийти в себя. — Долго я так... провалялся? Где кнес? Маушав всё ещё в осаде?

— Ишь ты затараторил, — беззлобно ухмыльнулся Владимир. — Попробуй ещё попить, видок у тебя... Хотя, это сейчас у всех нас.

Он снял шлем, демонстрируя ведуну шевелюру, окрасившуюся в ржаво-рыжий цвет.

— Надо бы состричь, — тотчас буркнул ведун, прикладываясь к бурдюку и делая пару осторожных глотков, а затем добавил: — Мало ли что они на нас наслали... Надо ещё разбираться...

— Это успеется, — махнул рукой воин. — А кнес наш в Маушав, почитай, второй день сидит.

— Мы победили? — радостно вскричал Казимир, моментально пожалев об этом. Боль сжала виски так, что он едва не потерял сознание.

— Победили, — довольно кивнул Владимир. — В пух и прах их расколошматили. То и твоя заслуга, я так понял, — хитро заметил он, подмигнув ведуну. — Вогуличи день и ночь из-за стен огрызались, а потом как выскочили... Мы ж от радости их едва сдержать смогли, так пёрли!

Рядом раздалось мычание. Глянув в сторону, ведун с удивлением обнаружил, что лежал в телеге не один. Рядом связанная по рукам и ногам брыкалась только что очнувшаяся девица. Она была совсем юна, почти что ребёнок. Узкие миндалевидные глаз карего оттенка, широкое лицо и чуть приплюснутый нос, тонкие губы, тёмные волосы, спутавшиеся и налипшие на лоб и щёки.

— Ты ещё кто? — осведомился ведун, разглядывая незнакомку. Девушка казалось ему смутно знакомой.

— А вот это мне больше всего хотелось узнать от тебя самого, — ответил Владимир и расхохотался.

— Вогуличей мы разбили, Маушав взяли. Кнес говорит, поезжай Воля за нашим ведуном да варягами, справно, мол, они поработали. Я так и двинулся вдоль ручья, вы же где-то на нём должны были стоять. Еду я, значит, еду, глядь, палатки нашенские и котлы повсюду валяются перевернутые, я к ним. А там такое... варяги лежат покромсанные, ни одного живого! Всё вокруг умарано кровью и какой-то дрянью... И ты лежишь, значит, неподалёку, руки-ноги в разные стороны, а над тобой нависает рысища! Глазищи, во! — Он пальцами показал размеры, едва ль не с яблоко. — Зубищи, во! — Владимир показал руками отрезок с локоть длинной. — И рычит так... Му-у-у-р-р-р! Сейчас, думаю, кинется! Я лук хватать, а она как прыгнет! Меня из седла! Я ей в морду ка-а-а-ак дал, у меня кулак не то, что у Ярки, но тоже, знаешь, могу уму разуму обучить! Меч хватаю, замахнулся! Глядь, а подо мною не рысь, а баба лежит! Вон эта! Представляешь? Я ей так съездил, что с удара и уложил... Оказалось перевертыш это какой-то... Ну, то тебе видней! Ежели б рысью осталась, зарезал бы без вопросов... А на девку рука не поднялась. И что с ней делать непонятно. Отпускать — страшно, а ну как в следующий раз на спину прыгнет и будьте здрасте! Вот, связал покамест.

Ведун перевёл взгляд на девушку, которая надменно взирала на него, всё время пока Владимир держал свой рассказ.

— Вы зачем мою черту из чешуи стёрли? — спросил Казимир, впрочем, не ожидая услышать ответа, у девушки во рту была вставлена тряпка. — Водяной людей погубил, то вам-то, понятное дело, без разницы... А то, что мы его убили? Это пускай? Вы свой же ручей без заступника оставили! Как нового привадите? Не подумали? Шаманы, мать вашу, ети! Мы-то уйдём, а вам тут жить!

Девка глянула на ведуна испепеляющим взглядом, а затем начала так яростно бубнить сквозь вставленный в рот кляп, раскрасневшись от негодования, что Казимир всерьёз начал беспокоиться за её состояние.

— Да погоди ты, — пробормотал ведун, потянувшись к её лицу, чтобы убрать мешающую говорить тряпку.

— Осторожно, — посоветовал Владимир.

Вогуличевская шаманка внимательно следила за пальцами ведуна. Едва пути ослабли, а кляп был извлечён из рта, её глаза нехорошо сверкнули.

— Ай, — вскрикнул Казимир, тряся ладонью.

— Я предупреждал, — весело заметил боровичок.

— Не в твоём положении на людей кидаться, — дуя на пальцы, буркнул Казимир, косясь на довольную шаманку. — Что б больше ничего не выкидывала!

— А то что? Думаешь, мне страшно? — оскалилась девка, демонстрируя белые зубы. — Убьёшь? Так давай!

— Надо больно, — скривился Казимир. — Мы не за тем пришли. Вас победили, успокойся и прими судьбу.

— О-о-о, ещё ничего не закончено! — заносчиво ответила шаманка. — Всё только начинается, — девка глянула на мужчин с нескрываемым превосходством и продолжила, то шепча, то повышая голос: — Небо укроется чёрными тучами, дожди из крови алой зальют пашни мёртвые, леса до срока оденутся инеем и вспыхнут, травы сжигая! И тогда придёт он, из трёх ртов землю пожирая, наберёт воздуху и пахнёт диким пламенем! Нет ни полей, ни домов, ни околиц, нет ничего, только чёрные пустые борозды!

От этих слов ведуна передёрнуло, словно молния ударила. Некоторое время он переваривал услышанное, не понимая, что именно в болтовне огрызающейся шаманки его напугало.

«Чепуха какая-то... — подумал он, пытаюсь понять, почему его так задели её слова. — Вздор... Но где-то я уже это слышал... Ведь слышал?».

И тогда он вспомнил. Раска! Перед тем, как потерять сознание и ребёнка, она начала говорить странные вещи. Ведун тогда-то не воспринял их всерьёз, но из-за того, что произошло после, они засели в памяти, прячась до срока. Но теперь, когда странное и без сомнения тёмное пророчество было повторено молодой шаманкой вогуличей, да ещё и начало сбываться... Казимир глянул на алые лужи истоптанного тракта.

— Это вы наслали алый дождь? — спросил он у девушки.

— Кровавый, — хищно отозвалась шаманка, заливаясь безумным смехом.

— Она ничего не скажет, — вмешался Владимир. — Давай обратно ей рот заткнём, да и уже к нашим скакать, а то мне как-то не по себе.

Ведун не возражал. Они двинулись в путь хмурые и встревоженные. Казимир во все глаза глядел по сторонам, выискивая опасность. Сложно сказать почему, но он тотчас поверил в истинность зловещего предзнаменования, которое услышал. Шаманка не пыталась их запугать, наводя страху, девка действительно верила в некую силу, восстающую и довлеющую над миром. Его беспокойство передалось спутнику, Владимир хмурился, то и дело подгоняя лошадей.

Миновав по началу казавшееся бескрайним поле, они пронзили перелесок, выйдя к горному перевалу. Скалы вырастали из земли остроконечными шпилями и загнутыми рёбрами, становясь всё больше по мере продвижения в глубь ущелья. Поначалу Казимиру казалось будто они спускаются по гати всё ниже и ниже, но потом он понял, что на самом деле идут на подъём. Когда серые кости земли высотой стали достигать добрых десять сажень, ведун ещё больше занервничал. Камень не таил угрозы, но был мёртвым... Здесь не

чувствовалось ничего, даже безобидных лесных духов... Все словно покинули это странное и пугающее место, оставив после себя лишь пустоту, в которой не росла даже трава. Принюхавшись, Казимир ощутил зловонный смрад, витающий в воздухе. Пахло тухлыми яйцами.

— Далеко ещё? — окликнул он Волю, но прикусил язык, воззрившись на то, что предстало перед ними пару мгновений спустя.

Переход между скал в том месте расширялся, выходя на просторное плато, сейчас заваленное телами мертвецов. Убитых было много с обеих сторон. Павших ратников Велерада укладывали на деревянные настилы с подушками из сена, готовя к сожжению. В ногах воинов покоились мечи и доспехи сражённых врагов. Мертвецы вогуличей лежали по другую сторону от дороги, а меж рядами убитых бродило с десятков местных, которым разрешили отдать последние почести своим защитникам. Небо было черно от воронья, чьи гаркающие скрипы наполнились желанием поживиться. То и дело в них летели стрелы, отчего клубящееся тьмой облако птиц взъерошенной стаей распадалось, но всякий раз, завидев, что опасность миновала, они возвращались.

В отдалении, там, где дорога исчезала между насыпных земляных валов, возвышались четыре деревянные башни, три из которых сильно пострадали от пожара. Пламени уже не было видно, но дым ещё тянулся к небесам, сизыми струйками, сплетаясь в косы и растворяясь в вышине. Частокол пробили в нескольких местах, брёвна валялись повсюду разбросанные и поломанные, вырванные из насыпей. Под ногами противно чавкало от грязи — алый дождь, пролитая кровь, сотни тяжёлых башмаков, взрыхливших несчастную землю.

Оказавшись у ворот, Казимир выбрался из телеги, едва завидев воеводу. Ратибор вышагивал по внутреннему двору поселения, больше похожего на многоуровневую крепость, раздавая указания, подбегающим и тотчас отбегающим прочь воинам. На его суровом лице отпечаталась остывшая ярость, на смену которой пришёл холодный расчёт... и что-то ещё. Остановившись взглядом на подошедшем ведуне, Ратибор немного оттаял, попытавшись улыбнуться, но это вышло как-то криво и неестественно:

— Маушав за нами, — хрипло громыхнул он, хлопнув Казимира по плечу. — Ты хорошо поработал. Ступай к кнесу, уж скоро пир. Я пока занят... а ты развлечёшь его разговором.

— Воевода, дозвожь, сперва я к раненым, — возразил ведун, осматриваясь. — Я гляжу очень много людей посекли... Видать, и мне ещё порядком работы.

— Все, кто получил раны, уже преданы огню, — бесстрастно ответил Ратибор. — Вогуличи отравили каждый клинок и каждую стрелу. За это мы с них отдельно спросим... после.

Казимир так и не понял после чего и как с вогуличей будут спрашивать за то, что те сражались отравленным оружием, но решил не уточнять. Ещё не отошедший от горячки недавнего боя Ратибор глазами метал молнии. Рядом с ним было попросту страшно находиться.

«Неужто, он собирается казнить кого-то из пленников, в назидание остальным?».

Несмотря на то, что Маушав было крупным и без сомнения богатым поселением, большинство его жителей обитали в чумах, обтянутых кожей и мехами. Имелись и землянки, и даже деревянные срубы, но всё-таки местные предпочитали традиционный для них уклад жизни и собственного обиталища. Одни тянулись вдоль каменного выступа прямо в скале, другие уровнем ниже располагались на широкой площадке, некоторые чумы буквально свисали на таких крошечных горных уступах, что неясно было, может ли там разместиться

даже один человек. Пройдясь по каньону, ведун вышел к тому месту, где ручей протекал мимо поселения. Неизвестные строители прорубили проход в скале, за которым весело журчала вода. Он был совсем неглубоким, так что по ту сторону виднелись зелёные лапы ельника, подступавшего вплотную к Маушав, с другой стороны. Ко входу в пролом вел узкий мостик, переброшенный через пропасть.

«Да уж, пытаться пролезть по эту сторону лучше и не пытаться...», — подумал Казимир.

Его взгляд остановился на капище. Здесь жило семь идолов, чем-то похожих на их божества, но в то же время сильно отличавшихся. У одного идола было смеющееся лицо и озорной взгляд, лицо другого, напротив, выглядело печальным, у третьего вместо одного лика их было шесть, друг над другом и все разные, хоть и похожие, ещё два идола не имели лица вообще, их остроконечные головы оказались лишены и глаз, и ртов, и носов. Казимир с интересом разглядывал резные изваяния, дивясь тому, как тонко резчик чувствовал дерево, из которого творил.

В центре поселения возвышался чум колоссальных размеров, больше прочих настолько, что его было видно со всех сторон. Стены покрывали дорогие лоснящиеся меха, которые наверняка стоили целое состояние. У входа в этот чум замерли пять собственных идолов, не похожих на те, что жили на капище и судя по размерам и внешности, они представляли собой семью, что обитала здесь — семью вождя. Постояв у порога, Казимир немного помялся, обдумывая, что хочет сказать. Его очень беспокоило пророчество, услышанное уже дважды, да к тому же начало исполнения этого мрачного предвестия... Но как это сказать кнесу, который празднует победу взятую большой кровью? Прежде, чем ведун решился зайти внутрь, полог откинулся в сторону и наружу вышел Мечислав. У воина был землистый цвет лица, глаза глубоко запали, а линия рта искривилась, словно тот испытывал сильную боль. Заметив ведуна, он коротко ему кивнул, спросив:

— К кнесу? Он искал тебя, правда уже давненько.

— Да, вот иду... — протянул Казимир, продолжая стоять на месте. — Тяжёлая битва? Рад, что ты цел.

Мечислав ответил довольно странным выражением лица, в котором явственно читалось, в каких даях он видал сочувствие ведуна.

— А где Юрас? — спросил Казимир и тотчас прикусил язык, потому, что щека Мечислава дёрнулось, едва он услышал имя друга.

Толкнув ведуна плечом, воин молча удалился. Казимир провожал его не оглядываясь, кляня себя за нерешительность, из-за которой он начал задавать глупые и ненужные вопросы. Раздалось суматошное кряканье, похоже, Мечислав по пути задал хорошего пинка подвернувшейся под ногу утке, коих в достатке разводили вогуличи. Рассудив, что лучше не дожидаться, мало ли тот передумает, чтобы всё же ответить, Казимир нырнул в глубь чума. Изнутри строение казалось ещё больше, чем снаружи. Здесь запросто могли разместиться десять, а то и пятнадцать человек, совершенно не мешая друг другу. Под ногами скрипел деревянный настил, устланный пушистыми медвежьими шкурами, по краям в крошечных клетях горели огоньки лучинок, от которых тянулись тоненькие струйки дыма. В его запахе ведуну почудились ароматы трав, и он было напрягся, но вдохнув несколько раз понял, что ничего опасного нет.

Посреди чума на набитом ни то сеном, ни то пухом цветастом мешке восседал Велерад. Его полулежачая поза говорила о расслабленности хозяина, но едва ведун всмотрелся в глаза

кнеса, то почувствовал, как тот напряжён. Подле него на коленях сидела женщина. Её лицо было спрятано за разметавшимися волосами, и даже когда в чум вошёл ещё кто-то она не пошевелилась. За её спиной переминался с ноги на ногу маленький мальчик лет четырех или пяти. Его крошечные испуганные глазки недоверчиво зыркнули на нового человека в их доме. Казимир видел, как надежда, вспыхнувшая в них, когда он только отодвинул полог, мгновенно угасла.

«Жена вождя и его сын... — сообразил ведун. — Не хватает самого вождя и ещё одного человека... Уж не дочери ли?».

— Ну, наконец-то... явился, — хмуро заметил Велерад, оглядывая Казимира так, словно он чем-то его расстроил.

Ведун с изумлением отметил, что кнес изменился не только внешне. Да, усталость после долгого похода и недавнего боя могли сильно повлиять на внешность, но его голос... и манера держаться... Велерад преобразился. Глаза стали строже и злее.

— Вот, полюбуйся, — продолжил кнес, указывая на стоящую на коленях женщину. — Эта баба могла стать для меня роднёй. Её дочери надлежало выйти за моего названного брата, но его кто-то убил... — при этих словах, Велерад смерил её пристальным взглядом, полным гнева.

Кажется, женщина тоже ощутила ярость кнеса, и мелко задрожала, прижав ладони ко рту.

— Талмат мёртв, но есть Карама... — продолжил Велерад. — К тому же есть я... — он усмехнулся, подмигнув ведуну. — Какая семья отринет такой выбор женихов?

Казимир понял, что кнес ждет одобрения его слов и поспешно кивнул.

— Но вогуличи решили, что теперь сами по себе, что русы и печенеги им не равня. Вместо хорошей свадьбы, они предпочли пышные похороны для своих мужчин. Разве так поступает тот, кто в ответе за своих людей? — его вопросы повисали в воздухе, заставляя стоящих в чуме леденеть от напряжения. — Как ты считаешь, ведун, покойный Азыркой был мудрым вождём?

— Не мне судить о мудрости вождей, кнес. Но отвергать руку друга... — Казимир мельком глянул на женщину. — Да ещё и когда о том заранее сговорились... неразумно и грубо.

Велерад повернулся к жене вождя и поцокал языком, разводя руками.

— Как видишь, Уенг, не один я так думаю... А ты всё молчишь... Дерзишь, упрямишься... когда всё уже кончено! Где твоя дочь, Уенг? Неужели ты и правда считаешь, что я не знаю, будто она шаманка? Коли потребуется, я прикажу изловить всех рысей в тайге, но найду её, Уенг! А пока твою дочь будут искать, мы будем обезглавливать по десять твоих мужчин в день... Ты этого хочешь, Уенг? Такие, вы, стал быть, вожди для своего племени?

— Не надо никого обезглавливать, Велерад, — сказал Казимир, решившись. — Я видел в лесу молодую девушку шаманку, которая пришла в теле рыси, она напала на нас, когда мы травили реку.

— Вот как? — ухмыльнулся кнес, весело глянув на женщину. — И где же Альва сейчас?

— Она сбежала, когда мы перебили её людей, — соврал Казимир. — Но я знаю, как найти след шаманки и смогу привести её к тебя, кнес.

— Сколько тебе понадобится времени?

— Не долго... — пожав плечами, ответил ведун. — Думаю она где-то рядом... Я дам

знать завтра утром.

— Добро, — кивнул немного подбровевший Велерад. — Ступай.

Выйдя на воздух, Казимир чуть не лишился чувств. Снова нервно застучала нога, а на лбу выступила испарина.

«Соврал кнесу! Если он узнает, мне не жить! Что же со всеми ними происходит? Не они же словно! Другие! Ярость и ненависть пропитывает всё, даже землю, воду и ветер!».

Опрометью бросившись прочь, ведун, сбивая ноги, то и дело спотыкаясь, метался по Маушав в поисках Владимира. Воина нигде не было, как и братьев. Наконец, решившись, что хуже уже не будет, Казимир начал расспрашивать всех и каждого, куда подевались боровички. Люди только руками разводили, мол, где-то были, да кто ж нынче разберёт... Погребальные костры уже всюду пылали, заволакивая округу едким сладковатым дымом. Отчаявшись найти Волю, ведун направился туда, где держали пленников. Большинство местных попросту согнали в один край каньона, оградив наспех сбитой решёткой из брёвен.

Дозорные расставленные по стенам ущелья внимательно следили за тем, что происходило внизу, не давая пленным и малейшего шанса затеять побег. Приблизившись к загону, ведун, постарался принять грозный и нахальный вид. Подойдя к одному из витязей, что стояли на страже на земле, он небрежно бросил:

— Девку приводили недавно? Владимир-боровичок, должен был доставить.

— Приводили, — подтвердил воин. — Да вон же она, зенки-то пырит! Злобная-то, ух!

Казимир обернулся, ища глазами дочь вождя. Она стояла у самой решётки, вцепившись в неё пальцами, и сверлила взглядом ведуна. Услышав, о чем мужчины говорят, девушка развернулась и ушла прочь, скрываясь за спинами соплеменников.

— Мне нужно её допросить, — бросил ведун, не отрывая взгляда удаляющейся шаманки. — Впусти.

— Открывать не велено, — покачал головой воин.

— Мне можно, я ж ведун ваш. Приказ кнеса. Давай, поживее! — заторопил его Казимир, в душе кляня себя последними словами.

— Ну, ежели кнес... — медленно протянул витязь. — Лады... Мужики, подсобите!

К нему подошли два ратника, тотчас оголив мечи. Лучники на стенах ущелья заинтересованно поглядывали за происходящим. Воин медленно отвязал верёвку, вынул колья, крепившие засов на входе и кивнул ведуну. Едва Казимир шагнул внутрь, его окружила толпа вогуличей. Они молча буравили его полными презрения и ненависти взглядами, но не трогали. Ведун медленно шёл, мысленно попрощавшись с жизнью, но пленники расступались, пропуская всё дальше и дальше. Внезапно Казимир оказался в кругу, посреди которого стояла девушка... Та самая из его сна, та самая из повозки...

— Альва? — позвал ведун.

— Чего тебе? — ядовито отозвала девушка.

— Меня зовут Казимир. Я хочу помочь тебе не совершить ошибку.

— Правда? — она улыбнулась, сверкнув клыками из-под верхней губы, и эта улыбка была очень плотоядной. — И как ты мне собираешься помочь? Советом под кнеса твоего лечь? Может под пса его Караму?

— Кнес не знает, что ты здесь, — тихо прошептал ведун, так, чтобы слышала только она, и с удовлетворением заметил, что сумел удивить девицу. — Он думает, ты в бегах, и обещал убивать по десять мужчин в день, пока ты не отыщешься.

Альва закусила губу, сжавшись так, словно получила пощёчину.

— Зачем ты пришёл? — её глаза всё ещё наполнились ненавистью и болью, но в них закралось непонимание.

— Я хочу помочь... Но не знаю, как! Помоги и ты мне! — вновь прошипел ведун, поглядывая по сторонам на стоящих плотным кольцом вогуличей.

— Что я должна делать, и как ты сможешь помочь?

— С людьми что-то не так... Я не узнаю тех, кого знал другими... Они все изменились за пару дней... Что произошло во время боя? Этот кровавый дождь с небес... вы его призвали?

Было видно, что Альве льстит обладание знанием, о котором ведун пребывал в неведении и которого тот страшился, но обстоятельства оказались против неё. Нехотя она заговорила, вкрадчиво подбирая слова.

— Кровавый дождь призван не нами. Это знамение прихода великого змея, что спит под горой. Когда небо укроется чёрными тучами, дожди из алой крови зальют мёртвые пашни, — она выразительно глянула на ведуна, — мы не выращиваем зерно, но я слышала, что этим летом неурожай прокатились по всему западному краю... — помолчав она продолжила. — Леса до срока оденутся инеем и воспылают, травы сжигая! — Альва огляделась и широко раскрыв глаза зашептала дальше. — Это лето стало короче всех, что я застала! Уже давно холодает, но отчего-то леса то и дело горят! В пророчестве говорится, что, когда придёт он, из трёх ртов землю пожирая, настанет конец всему роду земному.

— Как это остановить? Змей живёт в этих горах? — Казимир указал девушке за спину.

Она кивнула, но в глазах шаманки не было ничего кроме скорби.

— Змея невозможно убить, его приход можно только отсрочить. Теперь, когда пророчество сбывается, ничего не повернуть вспять.

— Ладно... — протянул ведун, лихорадочно соображая. — Допустим... Просто допустим... что ещё не всё потеряно. Каким образом можно отсрочить приход этого змея?

Альва горько усмехнулась.

— Чтить предков и жить в мире. Уже ничего не поделаешь, Казимир! Кровь, что пролита на нашей земле, напитала его стократ сильнее, чем за сотни лет до этого. Он восстаёт из вечного сна... Потому-то ваши люди и меняются... Все меняются... становясь злее. Так он созывает своих рабов! Скоро это случится и с тобой... и со мной, — она снова невесело улыбнулась. — На шаманов его чары действуют хуже, чем на простых людей, но чем прочнее его власть, тем слабее будет становиться мы... и тоже поддадимся.

Она смолкла и замерла. Её прекрасные глаза были холодны и пусты, словно даже тень былой жизни и счастья, покинули их навсегда. Альва только сказав вслух то, о чем думала, приняла неизбежное.

— Знаешь... Я выйду за вашего кнеса! Всё равно, нам не спастись... а так... Ну, вдруг?

— Я поговорю с ним, обещаю, — горячо заверил девушку Казимир. — Я сделаю всё, чтобы ни одна жизнь больше не оборвалась.

Ведун бросился к выходу из загона с твёрдой уверенностью всё повернуть вспять, но стоило ему оказаться снаружи, как он встретил холодный как сталь взгляд Велерада. Кнес ждал в сопровождении Мечислава и боровичков.

— Ну, что, поймал беглянку, я так разумею? — осведомился Велерад.

— Кнес... — начал было Казимир, но тот его перебил.

— Изменника в яму! — отрывисто гаркнул Велерад.

Глава 19. Сердце тайги

Казимира бросили в наскоро вырытую яму, поверх уложили брёвна, которые присыпали булыжниками. Уже близилась ночь и пир, и никому не хотелось возиться. Едва над ведуном сомкнулись плотные брёвна, тотчас сделалось темно и грустно. Ведуна не били, не оскорбляли, как бывало раньше, но отчего-то он точно знал, что скоро его убьют. На душе было донельзя паршиво... Не от того, что придётся расстаться с жизнью, и даже не потому, что не поняли и не стали слушать... Нет, ведун нутром чувствовал витающее в воздухе зло. Тяжёлую, склизкую, смрадную и беспощадную волю, что сгибает умы и выворачивает наизнанку души.

Не раз и не два за многие годы, ведун мысленно прощался с жизнью, и каждый раз уходил из её лап невредимым. Теперь же, он сам по своей воле шагнул ей навстречу и не трепетал от страха... Казимир не мог поступить иначе, потому, что знал и видел такое, что попросту не могло... не должно было существовать на белом свете. Потому-то, сидя в тесной и сырой темнице, он не жалел себя, а рвался прочь... не телом, но разумом, упрямо и яростно.

— Тайку, — позвал Казимир и замер.

— Тайку, — прошептал ведун снова и ждал.

— Тайку, — твердил он, не слыша собственного шёпота. — Тайку... Тайку... Тайку...

Ведун звал её, зная, что она слышит, что она во что бы то ни стало ответит и, наконец, заснул. Спина затекла от лежания на твёрдой поверхности. Казимир поднялся, с наслаждением хрустнув шей, наклоняя голову из стороны в сторону. Вокруг него царил непроглядная тьма, но он точно знал, где оказался. Рука нащупала безупречно гладкую поверхность стены, и ведун пошёл вдоль неё. Слуха донёсся мелодичный перезвон, словно незримые руки постукивали сосулькой по алмазным кристаллам разного размера. Казимир сделал ещё несколько шагов на звук и замер.

— Очень красиво, — сказал он, когда снова тьму сковала тишина. — Словно капли дождя поют о скорой весне.

— Этой весне не бывать, — ответил высокий и звенящий голос, от которого в груди ведуна вспыхнул сонм жгущих сердце искр.

— Что за змей живёт под горой вогуличей? — спросил Казимир.

Тайку помолчала. Ведун почувствовал движение рядом с собой. Её шаги были легки и бесшумны. Краткий миг, на который пространство осветилось мягкой вспышкой, даровал ему возможность снова её видеть. Тайку стояла рядом, глядя на него в упор. Сапфировые глаза и синие губы оттенка безоблачных небес, высокие скулы, прямой нос, черты лица словно выточены из камня, волосы цвета спелого каштана, сплетённые в тугую и широкую косу, лебединая шея длинна и тонка.

— Почему ты больше не позволяешь мне видеть себя как в первый раз? — спросил Казимир, позабыв свой первый, всё ещё оставленный без ответа вопрос.

— Это не я запрещаю, а ты слепнешь, — было ответом. — Змей забирает ваши жизни, а вы сами несёте их ему.

— Но кто он такой?

— Так ли это важно, — высокий голос Тайку воспарил ввышину, а затем обрушился вниз, отскакивая от алмазных стен. — Знание о том, кто он не поможет тебе спастись.

— Я хочу не спастись, а победить его, — твёрдо сказал Казимир.

— Можно победить лишь того, кто по своей воле противостоит тебе, а змей не бросает тебе вызов, он восстаёт ото сна, чтобы забрать ваши жизни.

— Прошу... — проникновенно спросил ведун. — Открой, кто он такой и откуда появился... Я не могу просто так отступить... Я должен, понимаешь... Должен, сделать хоть что-то...

Она долго молчала, и Казимир даже подумал, что Тайку исчезла, но потом звонкий, как горный ручеёк голос снова зазвучал.

— Когда мир был юн, а на бескрайнем севере обитало племя, имя которого ты не сможешь даже услышать, не то, что произнести, с Бореем в эти горы пришло множество переселенцев. Одним из этих необыкновенных народов были дети камня и алмазной предвечности — чудь. Тысячу лет тому назад они ходили в моих горах и творили здесь свои чудеса. Чудь строили прекрасные дворцы в недрах гор, а на заметённых снегом вершинах расцветали восхитительные сады из драгоценных цветов и каменных фонтанов. Но однажды появился он — змей, который объявил великие горы своими владениями. Под его волей склонялись даже самые стойкие, от его взгляда брат шёл с ножом на брата, а матери убивали собственных сыновей. Племя чудь восстало против тирании его чёрной власти и бросило вызов проклятому чудовищу. Они бились двенадцать дней и ночей, но ни один клинок не мог взять чешую проклятого монстра, а стрелы отскакивали, не причиняя вреда. Могучий Ходящий Таво вложил в удар своего алмазного копья всю силу и даже саму жизнь... Он отсёк голову змею, но, когда из клубов дыма и сполохов горячей чёрной крови выросло три новые головы, даже доблестные чудь устрашились и пали духом. Они бежали прочь, бросая оружие и не оглядываясь. В пещере осталась лишь одна старая шаманка, великая Зрящая мать Шаду. Ей удалось обмануть чудовище! Змей пожрал её, но едва ужасные челюсти сомкнулись на хрупком теле Шаду, последнее проклятие, брошенное умирающей, поразило ненавистное создание. Змей погрузился в глубокий сон, который вытягивал его силу. Ему суждено было пролежать сотни лет и погибнуть, истощившись до предела. Так и должно было произойти, но зло всегда находит пути к свету, а свет никогда не горит вечно. Змей нашёл способ как поддерживать в себе жизнь. Будучи погружённым в глубокий сон, он начал тянуться к душам тех, кто селился неподалёку, проникая в их сны. Вторгаясь в разум, он сворачивал и ломал каждого, до кого дотрагивался. Каждая капля крови, что проливается на этой земле, питает его, приближая час, когда змей окончательно пробудится. Имя ему — Горе. За время, что он спит к этому имени прирастало многое — «гореть», «гора» ... Горыныч. Ты ничего не сделаешь, Казимир. Его злость куда сильнее человеческой воли и веры.

— А ты способна ему помещать? — с надеждой спросил Казимир.

— Я как могла хранила его покой многие годы. Но моя власть оканчивается там же, где начинается его, а люди, из которых Горе черпает силу, далеки от Тайку. Большинство из них бы меня даже не увидели.

— Но я же вижу.

— А много ли в тебе осталось человеческого? Сколько раз ты должен быть погибнуть? Сколько раз ты был приговорён? Ты сильнее, чем думаешь Казимир, но лишь потому, что несчастнее, чем заслуживаешь.

— Прошу помощи мне, — упрямо сказал Казимир, заламывая руки. — Я готов на всё, только подскажи... Не может же вот так... Раз и всё! Не может же всё кончиться... Он ведь

не должен...

— Проснуться? — подсказала Тайку.

— Да... Именно! — у Казимира словно что-то вспыхнуло в глубине сознания, освещая тёмный и полный пустотных провалов тоннель. — Дай мне свою силу! Я не подведу!

— Сила тайги не предназначена для смертного.

— Тогда я не хочу оставаться смертным!

— Ты готов ради этого отдать свою жизнь? Ради призрачного шанса на успех? — с сомнением в голосе прозвенела Тайку. — Готов умереть прямо сейчас? Ради них... Всех тех, кто желал смерти тебе...

— Твоя земля прекрасна, но далеко за этими лесами лежит моя... она зовётся Русью... Там не живут, как в добрых сказках, и не надеются на благосклонных богов... Вот и сюда не корысти ради пригнала нас судьба... Но ради той земли и народа, я готов отдать всю свою жизнь без остатка... Готов, — тотчас выпалил Казимир, и правда приготовившись почувствовать жуткую боль.

— Хорошо, — голос шепнул прямо над его ухом, и ведун почувствовал, как по спине побежали мурашки.

Он обернулся и встретился глазами с сапфировой бездной. Лицо Тайку приблизилось, заполняя собой всё вокруг... весь мир... всё сущее... Её холодные губы коснулись его, а затем опустился чернильный мрак. Ведун почувствовал лёгкий укол слева в груди, а голос зашептал ему снова:

— На утро явится тот, кто освободит от оков. Не медли. Времени будет лишь до заката.

Тьма расступилась и тоненький луч выхватил очертания неглубокой ямы, в которой лежал ведун. Тело должно было одеревенеть, но Казимир с удивлением понял, что даже не замёрз. Напротив, в груди разливался океан тепла, который жаждал вырваться наружу. Время тянулось невыносимо долго, словно остаток жизни длиною в короткий день станет стократ дольше, чем все прошлые годы. Когда до слуха донёсся грохот, Казимир улыбнулся.

«Наконец-то, — подумал он, окончательно просыпаясь. — Не могу и представить, как ты спешил».

В предрассветных сумерках вспыхивали факелы, трубили боевые рога, а спящие и подгулявшие вчера вояки, спешно вздевали брони и поднимали оружие. Грохот повторился, огласив ущелье скрежещущим лязгом, словно кто-то ломал изгородь снаружи. На звук хлынули волны людских голосов, но бравадное вскоре сменилось ужасом. Кричали кто от страха, кто от неожиданности. А меж тем земля сотрясалась под тяжёлыми шагами разъярённого и очень обиженного существа. Балки, лежащие поверху ямы, в которую заточили Казимира, взлетели в воздух, будто ожили! Ведун только этого и ждал, выскочил наружу, весело крикнув:

— Стоян, ну, что ж ты так долго?!

Изба не ответила, едва не ревушая от ярости, она рванула в сторону, сметая на своём пути всё и чумы, и ратников белозерцев, вырывая с корнем редкие деревца и опрокидывая частокол там, где он ещё оставался. Казимир бросился наутёк, на ходу уворачиваясь от мечей и топоров, то проползая, то вновь переходя на бег. За его спиной гремело сражение, в котором русичи от души рубились с избой. Стоян расшвыривал народ в стороны ударами могучих ног-столбов, а ратники в ответ поливали его дождём из огненных стрел. Ведун взобрался на стену ущелья, туда, где днём заметил небольшой выступ, ведущий на обратную сторону горной гряды. Внизу суетились пытающие точки людей с факелами, да полыхала

крыша горячей избы. Солнце стремительно выплывало из-за гор, разбрасывая окрест сверкающие дорожки живительного света. Высоко-высоко над перевалом, там, где сходились в одном месте две опоясывающие ущелье гряды, искрился тоненький горный ручей, младший брат того, который так беспощадно травил Казимир. Лучи солнца падали на воду, а бегущие вниз струи воды разбрасывали ярчайшие радужные блики. Они сходились в вышине, указывая в одну точку — черный провал, пещеру, которую можно было заметить только сейчас, когда сыновья света, едва взошедшего солнца, отражались от беспокойной поверхности ручья, высвечивая горящий пламенем и до боли знакомый символ — Чур.

И тогда Казимир забыл об усталости и страхе, о волнении и даже самой смерти полез вверх, точно зная, что должен сделать. Он карабкался так, словно всю жизнь лазил по горам, хотя, конечно это было не так. Он просто уже не боялся, а ещё знал, что времени осталось безумно мало. Ведун не мог подвести всех тех, кто кричал в ущелье, улюлюкая от боевого ража, и подбадривая себя, тех, кто ждал далеко позади в родных сёлах и весях, тех, кто жил у подножия этих гор, самого себя, а ещё её, впервые за сотни лет снова вверившую свою силу в руки смертного.

Далеко внизу раздался победный рёв, который заглушал треск, обрушившихся брёвен. Ведун обернулся. От избы ничего не осталось. Горящие брёвна беспорядочно валялись по сторонам, крыша, полностью прогорев, развалилась. Казимир внимательно пригляделся, бегая глазами по ущелью. Когда уже стало казаться, что слишком далеко, он ощутил лёгкое прикосновение чужого разума рядом с собой. Дымчатый силуэт духа поравнялся с ним, возникнув прямо из воздуха, а его горящие красные точки глаз пристально изучали ведуна.

— Поздравляю, Стоян, теперь ты свободен.

Чомор молчал, разглядывая ведуна.

— Не понимаю, — вдруг ответил тихий, едва различимый в шепоте ветра, голос. — Ты на себя не похож... И не понимаю, почему я не...

— Не умер? — закончил за него Казимир. — Твоя служба исполнена, Стоян. Кровь тех, кто некогда пленил лесного духа, больше не имеет над тобой власти.

— Но почему? Погоди-ка... Что они с тобой сделали?

— Не надо... — коротко ответил Казимир. — Не произноси этого, — он развернулся и полез дальше, но на миг задержавшись, обронил в пустоту: — Удачи тебе, Стоян!

Руки и ноги снова заработали, толкая тело всё выше и выше, к самому гребню горного перевала. Он полз так долго, что в какой-то момент стало казаться, что гора бесконечна, что его жизнь уже отнята и всё происходящее только сон, бескрайний, бесконечный, а потому добраться до пещеры невозможно. Однако, когда солнце прошло по горизонту, грозя вскоре нырнуть в зелёное море лесов на западе, ведун наконец-то дошёл. Из тёмной пещеры тянуло смрадом, который он учуял ещё в первый раз оказавшись в долине. Но только теперь этот запах казался стократ омерзительнее. Войдя внутрь, Казимир ожидаемо начал кашлять, а резь в глазах, заставила лечь и снова ползти — дымное марево медленно выходило наружу. Он полз, извиваясь как ничтожный червяк, гоня прочь любые мысли и чувства.

«Чем холоднее мой разум, тем будет проще!».

Но едва ведун сказал себе эти слова, как на голову обрушилась чёрная, как смерть и тяжёлая, как судьба, воля существа, что притаилось внизу.

— Смотрите-ка, кто к нам пришёл...

— *Рус явился, чтобы кормить меня!*

— **Рус пришёл один, он пожалеет!**

Казимир не обращая внимание на голоса, звучащие в его голове, только прибавил шагу, переходя на четвереньки.

— Какая заносчивость...

— *Какая глупость!*

— **Он должен ответить за дерзость!**

Ведун почувствовал, как рука против воли метнулась к костяному кинжалу на груди. Уняв дрожь, он встряхнулся и побежал, стараясь никуда не врезаться, выставив перед собой руки.

— Кому ты бросаешь вызов, жалкое насекомое?

— *Ты комар, которого я прихлопну!*

— **Иди же сюда, я убью тебя одним ударом, червяк!**

Казимир миновал развилки и повороты, нырнул в узкие переходы и вскарабкался по стенам. Путь в зал с сокровищами врезался в память во сне, и теперь, словно карта, подсказывал, куда бежать. Голоса в голове сделались уже настолько оглушительно громкими, что ведун не слышал шума собственных шагов.

— Убей себя!

— *Выпусти кровь!*

— **Вскрой себе вены!**

— Я хочу видеть, как ты истечёшь кровью, валяясь в моих ногах.

Вход в зал, где покоилось тело змея появился так неожиданно, что Казимир всё-таки упал, сорвавшись с уступа, и трижды перекувырнувшись. Тяжело припадая на левую ногу, ведун понялся и захромал дальше.

— Не сломай себе шею раньше времени, раб!

— *Я буду наслаждаться твоей агонией!*

— **Давай же режь себя! Я хочу видеть твою боль!**

Но ведун, оглядевшись по сторонам, протёр глаза, опустил на корточки и принялся царапать кинжалом до блеска отполированную мраморную плиту. Его губы безостановочно шептали древние и очень необычные слова:

— Солнце вышло из лица Его, — кинжал начертил круг. — Месяц светлый из груди Его! — кинжал повторял слова, являя новый символ. — Звёзды часты из очей Его! — и опять рисунок.

Произнося мудрёные фразы, ведун обходил тело змея кругом, оставляя за собой на полу таинственные знаки.

— Зори ясные из бровей Его! — две горизонтальные чуть изогнутые черты рядом. — Ночи тёмные из дум Его! — две черты горизонтальные черты, между которыми пустота. — Ветры буйные из дыхания Его! — два зигзага один над другим.

— Что ты делаешь, крысёныш? — взревела тьма в голове ведуна.

— **УМРИ! УБЕЙ! УМРИ!**

— **ПОДОЙДИ, НЕМЕДЛЕННО!**

И тогда Казимир действительно подошёл, но не доходя до змея нескольких шагов, замер и сказал в пустоту:

— Отец всего сущего великий и славный Род наш, я пришёл на зов твой, внемли и ты моему! Возьми эту жизнь брэнную, да протяни сквозь неё силу, горою данную! — ведун выпрямился во весь рост и глаза его сияли, разгоняя пещерный мрак. — Сегодня и сейчас, заклинаю я, Казимир безродный, но Родом рождённый и в его состоящий племени!

Заклинаю сейчас и во веки веков, никто и никогда не выйдет из этой пещеры! — и перекрикивая взметнувшиеся в голове голоса, закричал ещё громче. — Да придёт она во мраке веков, доколь не исчезнут сами горы, покуда не изотрётся последнее имя того, кто здесь запечатан!

Раздался гул, предвещающий сход горной лавины. Камень лопался, с потолка сыпались драгоценные самоцветы, а валуны каждый размером с сарай обрушивались то тут, то там, заваливая все проходы. Рокот рвал на части, казалось, сам мир, а когда всё стихло, его эхо ещё долго уходило в такие глубины, что и выдумать страшно то, куда ведут они. Полный бессильной злобы, издевательский голос снова зазвучал в голове Казимира:

— Ты ничего не добился, дурак!

— *Ты здесь со мной, заперт, как пичуга в клетке!*

— **Когда ты издохнешь без еды и воды, заклятье будет снято, и моя воля снова вырвется наружу!**

— И первыми кого я поржу, будут твои мерзкие русы!

— *Я сведу ваших кнесов с ума, вы сами будете себя резать, а я набирать силу!*

— Ты так ничего и не понял, — произнёс Казимир, воспользовавшись паузой в потоке угроз. — Ты никогда не подчинишь себе Русь. Я не позволю.

— Да что ты можешь, букашка? — взревел голос.

Казимир, и глазом не моргнув, перешагнул через огромный валун, упавший с потолка и опустил ладонь на тело спящего змея.

— Прислушайся, — молвил ведун, и в его голосе зазвучала не слыханная прежде сила и ярость. — Моё сердце больше не бьётся! Я отдал его в обмен на силу! А ты... Ты проиграл! Ты пролежишь сотни лет, отощавешь и истлеешь в пыль. Никто и никогда не произнесёт больше твоего имени! И никто и никогда не сможет услышать твой шёпот.

Вопль ужасной и нечеловеческой злобы ударил в потолок так, что снова вызвал обвал. Но ведун уже не слушал его. Закрыв глаза, он лёг на пол, и несколькими мгновениями спустя, крепко спал.

Мягкое прикосновение ветерка играло его волосами, тихо нашёптывая в ухо. Казимир очнулся, осматривая зал, в котором оказался в третий раз. Теперь чёрная как смоль завеса исчезла, являя прозрачные и искрящиеся грани тысяч и тысяч алмазов. Величественные арки соединяли залы с рубиновыми деревьями и фонтанами из искрящихся топазов, между ними лежали дорожки, устланные мириадами подогнанных один к одному аквамарин. Каждый шаг отдавался звоном от которого кружилась голова, а Казимир шёл всё дальше, туда, где на широком балконе застыла фигура в белоснежном сарафане. Тугие каштановые косы сверкали медным блеском, сжатые будто тончайшие пружины. Тайку смотрела вдаль на бескрайнее зелёное море хвойных лесов и пылающий солнечный диск, который уже на половину скрылся за горизонтом.

— На свете нет ничего прекраснее, — прошептал Казимир, провожая её взгляд. — У меня никогда не было дома... но глядя на этот... мне не жаль за него умереть.

Тайку помолчала, неотрывно следя за исчезающим солнечным диском, а затем улыбнулась и тихо произнесла:

— Дом там, где живёт твоё сердце.

Больше книг на сайте - Knigoed.net